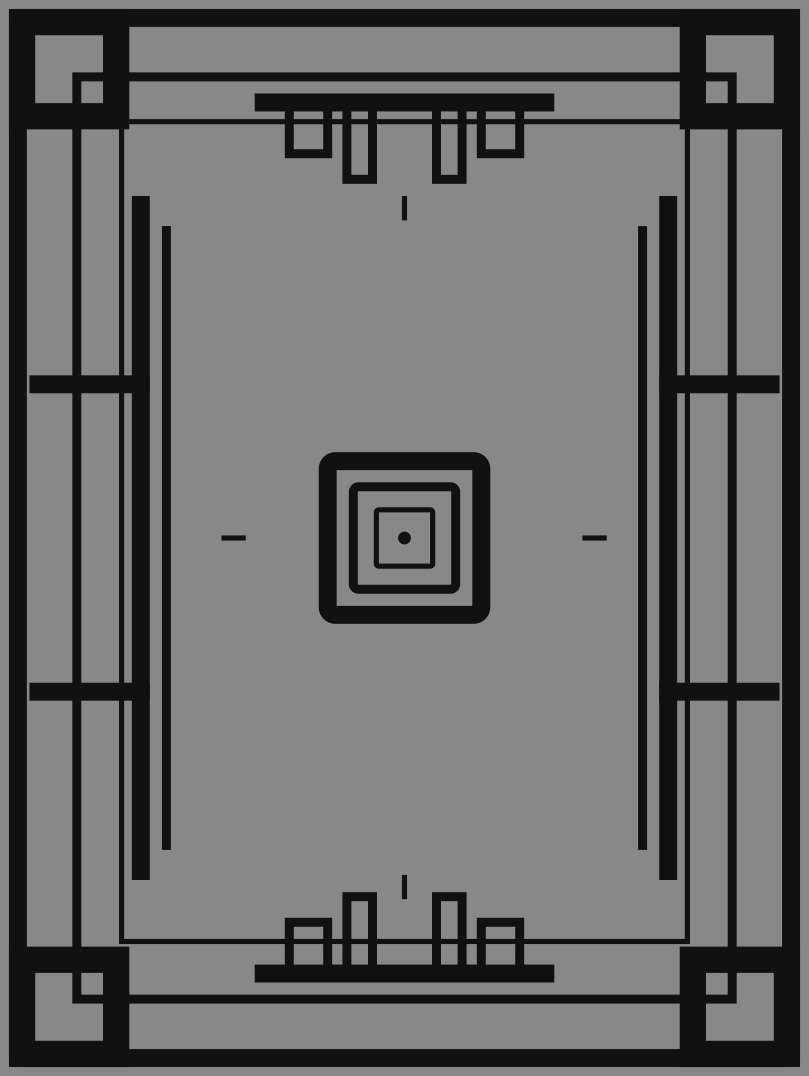

Рэй Брэдбери.
451 градус по Фаренгейту

RAY BRADBURY FAHRENHEIT 451 This one, with gratitude, is for DON CONGDON. FAHRENHEIT 451: The temperature at which book-paper catches fire and burns	Рэй Брэдбери. 451 градус по Фаренгейту
	Перевод Т. Шинкарь Изд: Рэй Брэдбери "О скитаниях вечных и о Земле". Изд. "Правда", 1987. OCR: Петр Лоскутов (peter@mail.ur.ru)
	451о по Фаренгейту - температура, при которой воспламеняется и горит бумага. ДОНУ КОНГДОНУ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ Если тебе дадут линованную бумагу, пиши поперек. Хуан Рамон Хименес

PART I IT WAS A PLEASURE TO BURN IT was a special pleasure to see things eaten, to see things blackened and changed.	Часть 1. ОЧАГ И САЛАМАНДРА Жечь было наслаждением. Какое-то особое наслаждение видеть, как огонь пожирает вещи, как они чернеют и меняются.

With the brass nozzle in his fists, with this great python spitting its venomous kerosene upon the world, the blood pounded in his head, and his hands were the hands of some amazing conductor playing all the symphonies of blazing and burning to bring down the tatters and charcoal ruins of history.	Медный наконечник брандспойта зажат в кулаках, громад- ный питон изрыгает на мир ядовитую струю керо- сина, кровь стучит в вис- ках, а руки кажутся руками диковинного дирижера, исполняющего симфонию огня и разрушения, превра- щая в пепел изорванные, обуглившиеся страницы истории.

With his symbolic helmet numbered 451 on his stolid head, and his eyes all orange flame with the thought of what came next, he flicked the igniter and the house jumped up in a gorging fire that burned the evening sky red and yellow and black.	Символический шлем, украшенный цифрой 451, низко надвинут на лоб, глаза сверкают оранжевым пламенем при мысли о том, что должно сейчас произойти: он нажимает воспламенитель - и огонь жадно бросается на дом, окрашивая вечернее небо в багрово-желто-черные тона.

He strode in a swarm of fireflies. He wanted above all, like the old joke, to shove a marshmallow on a stick in the furnace, while the flapping pigeon- winged books died on the porch and lawn of the house. While the books went up in sparkling whirls and blew away on a wind turned dark with burning.	Он шагает в рое огненно- красных светляков, и боль- ше всего ему хочется сде- лать сейчас то, чем он так часто забавлялся в детстве,- сунуть в огонь прутик с леденцом, пока книги, как голуби, шелестя крыльями- страницами, умирают на крыльце и на лужайке пе- ред домом, они взлетают в огненном вихре, и черный от копоти ветер уносит их прочь.

Montag grinned the fierce grin of all men singed and driven back by flame.	Жесткая улыбка застыла на лице Монтэга, улыбка-гримаса, которая появляется на губах у человека, когда его вдруг опалит огнем и он стремительно отпрянет назад от его жаркого прикосновения.
He knew that when he returned to the firehouse, he might wink at himself, a minstrel man, burnt-corked, in the mirror.	Он знал, что, вернувшись в пожарное депо, он, менестрель огня, взглянув в зеркало, дружески подмигнет своему обожженному, измазанному сажей лицу.
Later, going to sleep, he would feel the fiery smile still gripped by his face muscles, in the dark.	И позже в темноте, уже засыпая, он все еще будет чувствовать на губах застывшую судорожную улыбку.

It never went away, that. smile, it never ever went away, as long as he remembered.	Она никогда не покидала его лица, никогда, сколько он себя помнит.

He hung up his black-beetle-coloured helmet and shined it, he hung his flameproof jacket neatly; he showered luxuriously, and then, whistling, hands in pockets, walked across the upper floor of the fire station and fell down the hole.	Он тщательно вытер и повесил на гвоздь черный блестящий шлем, аккуратно повесил рядом брезентовую куртку, с наслаждением вымылся под сильной струей душа и, насвистывая, сунув руки в карманы, пересек площадку верхнего этажа пожарной станции и скользнул в люк.

At the last moment, when disaster seemed positive, he pulled his hands from his pockets and broke his fall by grasping the golden pole. He slid to a squeaking halt, the heels one inch from the concrete floor downstairs.	В последнюю секунду, когда катастрофа уже казалась неизбежной, он выдернул руки из карманов, обхватил блестящий бронзовый шест и со скрипом затормозил за миг до того, как его ноги коснулись цементного пола нижнего этажа.

He walked out of the fire station and along the midnight street toward the subway where the silent, air-propelled train slid soundlessly down its lubricated flue in the earth and let him out with a great puff of warm air an to the cream-tiled escalator rising to the suburb.	Выйдя на пустынную ночную улицу, он направился к метро. Бесшумный пневматический поезд поглотил его, пролетел, как челнок, по хорошо смазанной трубе подземного туннеля и вместе с сильной струей теплого воздуха выбросил на выложенный желтыми плитками эскалатор, ведущий на поверхность в одном из пригородов.
Whistling, he let the escalator waft him into the still night air.	Насвистывая, Монтэг поднялся на эскалаторе навстречу ночной тишине.

He walked toward the comer, thinking little at all about nothing in particular.	Не думая ни о чем, во всяком случае, ни о чем в особенности, он дошел до поворота.
Before he reached the corner, however, he slowed as if a wind had sprung up from nowhere, as if someone had called his name.	Но еще раньше, чем выйти на угол, он вдруг замедлил шаги, как будто ветер, налетев откуда-то, ударил ему в лицо или кто-то окликнул его по имени.
The last few nights he had had the most uncertain feelings about the sidewalk just around the corner here, moving in the starlight toward his house.	Уже несколько раз, приближаясь вечером к повороту, за которым освещенный звездами тротуар вел к его дому, он испытывал это странное чувство.

He had felt that a moment before his making the turn, someone had been there.	Ему казалось, что за мгновение до того, как ему повернуть, за углом кто-то стоял.
The air seemed charged with a special calm as if someone had waited there, quietly, and only a moment before he came, simply turned to a shadow and let him through.	В воздухе была какая-то особая тишина, словно там, в двух шагах, кто-то притаился и ждал и лишь за секунду до его появления вдруг превратился в тень и пропустил его сквозь себя.

Perhaps his nose detected a faint perfume, perhaps the skin on the backs of his hands, on his face, felt the temperature rise at this one spot where a person's standing might raise the immediate atmosphere ten degrees for an instant.	Мо- жет быть, его ноздри улавливали слабый аромат, может быть, кожей лица и рук он ощущал чуть за- метное повышение температуры вблизи того места, где стоял кто-то невидимый, согревая воздух сво- им теплом.
There was no understanding it.	Понять это было невозмож- но.

Each time he made the turn, he saw only the white, unused, buckling sidewalk, with perhaps, on one night, something vanishing swiftly across a lawn before he could focus his eyes or speak.	Однако, завернув за угол, он всякий раз видел лишь белые плиты пустынного тротуара. Только однажды ему показалось, будто чья-то тень мелькнула через лужайку, но все исчезло, прежде чем он смог вглядеться или произнести хоть слово.

But now, tonight, he slowed almost to a stop.	Сегодня же у поворота он так замедлил шаги, что почти остановился.
His inner mind, reaching out to turn the corner for him, had heard the faintest whisper.	Мысленно он уже был за углом - и уловил слабый шорох.
Breathing?	Чье-то дыхание?

Or was the atmosphere compressed merely by someone standing very quietly there, waiting?	Или движение воздуха, вызванное присутствием кого-то, кто очень тихо стоял и ждал?
He turned the corner.	Он завернул за угол.
The autumn leaves blew over the moonlit pavement in such a way as to make the girl who was moving there seem fixed to a sliding walk, letting the motion of the wind and the leaves carry her forward.	По залитому лунным светом тротуару ветер гнал осенние листья, и казалось, что идущая навстречу девушка не переступает по плитам, а скользит над ними, подгоняемая ветром и листвой.
Her head was half bent to watch her shoes stir the circling leaves.	Слегка нагнув голову, она смотрела, как носки ее туфель задевают кружащуюся листву.

Her face was slender and milk-white, and in it was a kind of gentle hunger that touched over everything with tireless curiosity.	Ее тонкое матовой белизны лицо светилось ласковым, неутолимым любопытством. Оно выражало легкое удивление.
It was a look, almost, of pale surprise; the dark eyes were so fixed to the world that no move escaped them.	Темные глаза так пытливо смотрели на мир, что, казалось, ничто не могло от них ускользнуть.
Her dress was white and it whispered.	На ней было белое платье, оно шелестело.

He almost thought he heard the motion of her hands as she walked, and the infinitely small sound now, the white stir of her face turning when she discovered she was a moment away from a man who stood in the middle of the pavement waiting.	Монтэгу чудилось, что он слышит каждое движение ее рук в такт шагам, что он услышал даже тот легчайший, неуловимый для слуха звук - светлый трепет ее лица, когда, подняв голову, она увидела вдруг, что лишь несколько шагов отделяют ее от мужчины, стоящего посреди тротуара.
The trees overhead made a great sound of letting down their dry rain.	Ветви над их головами, шурша, роняли сухой дождь листьев.

The girl stopped and looked as if she might pull back in surprise, but instead stood regarding Montag with eyes so dark and shining and alive, that he felt he had said something quite wonderful.	Девушка остановилась. Казалось, она готова была отпрянуть назад, но вместо того она пристально поглядела на Монтэга, и ее темные, лучистые, живые глаза так просияли, как будто он сказал ей что-то необыкновенно хорошее.
But he knew his mouth had only moved to say hello, and then when she seemed hypnotized by the salamander on his arm and the phoenix-disc on his chest, he spoke again.	Но он знал, что его губы произнесли лишь простое приветствие. Потом, видя, что девушка, как завороженная, смотрит на изображение саламандры, на рукаве его тужурки и на диск с фениксом, приколотый к груди, он заговорил:

"Of course," he said, "you're a new neighbour, aren't you?"	- Вы, очевидно, наша новая соседка?
"And you must be"- she raised her eyes from his professional symbols-"the fireman."	- А вы, должно быть...- она наконец оторвала глаза от эмблем его профессии,- пожарник?
Her voice trailed off.	- Голос ее замер.

"How oddly you say that."	- Как вы странно это сказали.
"I'd-I'd have known it with my eyes shut," she said, slowly.	- Я... я догадалась бы даже с закрытыми глазами,-тихо проговорила она.
"What-the smell of kerosene?	- Запах керосина, да?

My wife always complains," he laughed. "You never wash it off completely."	Моя жена всегда на это жалуется.- Он засмеялся.- Дочиста его ни за что не отмоешь.
"No, you don't," she said, in awe.	- Да. Не отмоешь,- промолвила она, и в голосе ее прозвучал страх.
He felt she was walking in a circle about him, turning him end for end, shaking him quietly, and emptying his pockets, without once moving herself.	Монтэгу казалось, будто она кружится вокруг него, вертит его во все стороны, легонько встряхивает, выворачивает карманы, хотя она не двигалась с места.
"Kerosene," he said, because the silence had lengthened, "is nothing but perfume to me."	- Запах керосина,- сказал он, чтобы прервать затянувшееся молчание.- А для меня он все равно, что духи.

"Does it seem like that, really?"	- Неужели правда?
"Of course.	- Конечно.
Why not?"	Почему бы и нет?
She gave herself time to think of it.	Она подумала, прежде чем ответить:
"I don't know." She turned to face the sidewalk going toward their homes. "Do you mind if I walk back with you?	- Не знаю.- Потом она оглянулась назад, туда, где были их дома.- Можно, я пойду с вами?
I'm Clarisse McClellan."	Меня зовут Кларисса Маклеллан.
"Clarisse.	- Кларисса...
Guy Montag.	А меня - Гай Монтэг.
Come along.	Ну что ж, идемте.

What are you doing out so late wandering around?	А что вы тут делаете одна и так поздно?
How old are you?"	Сколько вам лет?
They walked in the warm-cool blowing night on the silvered pavement and there was the faintest breath of fresh apricots and strawberries in the air, and he looked around and realized this was quite impossible, so late in the year.	Теплой ветреной ночью они шли по серебряному от луны тротуару, и Монтэгу чудилось, будто вокруг веет тончайшим ароматом свежих абрикосов и земляники. Он оглянулся и понял, что это невозможно - ведь на дворе осень. Нет, ничего этого не было.

There was only the girl walking with him now, her face bright as snow in the moonlight, and he knew she was working his questions around, seeking the best answers she could possibly give.	Была только девушка, идущая рядом, и в лунном свете лицо ее сияло, как снег. Он знал, что сейчас она обдумывает его вопросы, соображает, как лучше ответить на них.
"Well," she said, "I'm seventeen and I'm crazy.	- Ну вот,- сказала она,- мне семнадцать лет, и я помешанная.
My uncle says the two always go together.	Мой дядя утверждает, что одно неизбежно сопутствует другому.

When people ask your age, he said, always say seventeen and insane.	Он говорит: если спросят, сколько тебе лет, отвечай, что тебе семнадцать и что ты сумасшедшая.
Isn't this a nice time of night to walk?	Хорошо гулять ночью, правда?
I like to smell things and look at things, and sometimes stay up all night, walking, and watch the sun rise."	Я люблю смотреть на вещи, вдыхать их запах, и бывает, что я брожу вот так всю ночь напролет и встречаю восход солнца.
They walked on again in silence and finally she said, thoughtfully,	Некоторое время они шли молча. Потом она сказала задумчиво:
"You know, I'm not afraid of you at all."	- Знаете, я совсем вас не боюсь.
He was surprised. "Why should you be?"	- А почему вы должны меня бояться? - удивленно спросил он.

"So many people are.	- Многие боятся вас.
Afraid of firemen, I mean.	Я хочу сказать, боятся пожарников.
But you're just a man, after all..."	Но ведь вы, в конце концов, такой же человек...
He saw himself in her eyes, suspended in two shining drops of bright water, himself dark and tiny, in fine detail, the lines about his mouth, everything there, as if her eyes were two miraculous bits of violet amber that might capture and hold him intact.	В ее глазах, как в двух блестящих капельках прозрачной воды, он увидел свое отражение, темное и крохотное, но до мельчайших подробностей точное - даже складки у рта,- как будто ее глаза были двумя волшебными кусочками лилового янтаря, навеки заключившими в себе его образ.

Her face, turned to him now, was fragile milk crystal with a soft and constant light in it.	Ее лицо, обращенное теперь к нему, казалось хрупким, матово-белым кристаллом, светящимся изнутри ровным, немеркнущим светом.
It was not the hysterical light of electricity but-what? But the strangely comfortable and rare and gently flattering light of the candle.	То был не электрический свет, пронзительный и резкий, а странно успокаивающее, мягкое мерцание свечи.

One time, when he was a child, in a power-failure, his mother had found and lit a last candle and there had been a brief hour of rediscovery, of such illumination that space lost its vast dimensions and drew comfortably around them, and they, mother and son, alone, transformed, hoping that the power might not come on again too soon	Как-то раз, когда он был ребенком, погасло электричество, и его мать отыскала и зажгла последнюю свечу. Этот короткий час, пока горела свеча, был часом чудесных открытий: мир изменился, пространство перестало быть огромным и уютно сомкнулось вокруг них. Мать и сын сидели вдвоем, странно преображенные, искренне желая, чтобы электричество не включалось как можно дольше.
And then Clarisse McClellan said:	Вдруг Кларисса сказала:
"Do you mind if I ask?	- Можно спросить вас?..

How long have you worked at being a fireman?"	Вы давно работаете пожарником?
"Since I was twenty, ten years ago."	- С тех пор как мне исполнилось двадцать. Вот уже десять лет.
"Do you ever read any of the books you bum?"	- А вы когда-нибудь читаете книги, которые сжигаете?
He laughed.	Он рассмеялся.

"That's against the law!"	- Это карается законом.
"Oh.	- Да-а...
Of course."	Конечно.
"It's fine work.	- Это неплохая работа.

Monday bum Millay, Wednesday Whitman, Friday Faulkner, burn 'em to ashes, then bum the ashes.	В понедельник жечь книги Эдны Миллей, в среду - Уитмена, в пятницу - Фолкнера. Сжигать в пепел, затем сжечь даже пепел.
That's our official slogan."	Таков наш профессиональный девиз.
They walked still further and the girl said,	Они прошли еще немного.
"Is it true that long ago firemen put fires out instead of going to start them?"	Вдруг девушка спросила: - Правда ли, что когда-то, давно, пожарники тушили пожары, а не разжигали их?
"No.	- Нет.
Houses. have always been fireproof, take my word for it."	Дома всегда были несгораемыми. Поверьте моему слову.

"Strange.	- Странно.
I heard once that a long time ago houses used to burn by accident and they needed firemen to stop the flames."	Я слыхала, что было время, когда дома загорались сами собой, от какой-нибудь неосторожности. И тогда пожарные были нужны, чтобы тушить огонь.
He laughed.	Он рассмеялся.
She glanced quickly over.	Девушка быстро вскинула на него глаза.
"Why are you laughing?"	- Почему вы смеетесь?
"I don't know." He started to laugh again and stopped "Why?"	- Не знаю.- Он снова засмеялся, но вдруг умолк.- А что?

"You laugh when I haven't been funny and you answer right off.	- Вы смеетесь, хотя я не сказала ничего смешного. И вы на все отвечаете сразу.
You never stop to think what I've asked you."	Вы совсем не задумываетесь над тем, что я спросила.
He stopped walking,	Монтэг остановился.
"You are an odd one," he said, looking at her. "Haven't you any respect?"	- А вы и правда очень странная,- сказал он, разглядывая ее.- У вас как будто совсем нет уважения к собеседнику!
"I don't mean to be insulting.	- Я не хотела вас обидеть.
It's just, I love to watch people too much, I guess."	Должно быть, я просто чересчур люблю приглядываться к людям.

"Well, doesn't this mean anything to you?"	- А это вам разве ничего не говорит?
He tapped the numerals 451 stitched on his char-coloured sleeve.	- Он легонько похлопал пальцами по цифре 451 на рукаве своей угольно-черной куртки.

"Yes," she whispered. She increased her pace. "Have you ever watched the jet cars racing on the boulevards down that way?	- Говорит,- прошептала она, ускоряя шаги.-Скажите, вы когда-нибудь обращали внимание, как вон там, по бульварам, мчатся ракетные автомобили?
"You're changing the subject!"	- Меняете тему разговора?

"I sometimes think drivers don't know what grass is, or flowers, because they never see them slowly," she said. "If you showed a driver a green blur, Oh yes! he'd say, that's grass! A pink blur?	- Мне иногда кажется, что те, кто на них ездит, просто не знают, что такое трава или цветы. Они ведь никогда их не видят иначе, как на большой скорости,- продолжала она.- Покажите им зеленое пятно, и они скажут: ага, это трава!
That's a rose-garden!	Покажите розовое - они скажут: а, это розарий!
White blurs are houses. Brown blurs are cows.	Белые пятна - дома, коричневые - коровы.

My uncle drove slowly on a highway once.	Однажды мой дядя попробовал проехаться по шоссе со скоростью не более сорока миль в час.
He drove forty miles an hour and they jailed him for two days.	Его арестовали и посадили на два дня в тюрьму.
Isn't that funny, and sad, too?"	Смешно, правда? И грустно.
"You think too many things," said Montag, uneasily.	- Вы слишком много думаете,- заметил Монтэг, испытывая неловкость.
"I rarely watch the 'parlour walls' or go to races or Fun Parks.	- Я редко смотрю телевизионные передачи, и не бываю на автомобильных гонках, и не хожу в парки развлечений.

So I've lots of time for crazy thoughts, I guess.	Вот у меня и остается время для всяких сумасбродных мыслей.
Have you seen the two-hundred-foot-long billboards in the country beyond town?	Вы видели на шоссе за городом рекламные щиты? Сейчас они длиною в двести футов.
Did you know that once billboards were only twenty feet long?	А знаете ли вы, что когда-то они были длиною всего в двадцать футов?
But cars started rushing by so quickly they had to stretch the advertising out so it would last."	Но теперь автомобили несутся по дорогам с такой скоростью, что рекламы пришлось удлинить, а то бы никто их и прочитать не смог.

"I didn't know that!" Montag laughed abruptly.	- Нет, я этого не знал!-Монтэг коротко рассмеялся.
"Bet I know something else you don't.	- А я еще кое-что знаю, чего вы, наверно, не знаете.
There's dew on the grass in the morning."	По утрам на траве лежит роса.
He suddenly couldn't remember if he had known this or not, and it made him quite irritable.	Он попытался вспомнить, знал ли он это когда-нибудь, но так и не смог и вдруг почувствовал раздражение.
"And if you look"-she nodded at the sky-"there's a man in the moon."	- А если посмотреть туда,- она кивнула на небо,- то можно увидеть человечка на луне.

He hadn't looked for a long time.	Но ему уже давно не случалось глядеть на небо...

They walked the rest of the way in silence, hers thoughtful, his a kind of clenching and uncomfortable silence in which he shot her accusing glances.	Дальше они шли молча, она - задумавшись, он - досадуя и чувствуя неловкость, по временам бросая на нее укоризненные взгляды.
When they reached her house all its lights were blazing.	Они подошли к ее дому. Все окна были ярко освещены.
"What's going on?"	- Что здесь происходит?
Montag had rarely seen that many house lights.	- Монтэгу никогда еще не приходилось видеть такое освещение в жилом доме.

"Oh, just my mother and father and uncle sitting around, talking.	- Да ничего. Просто мама, отец и дядя сидят вместе и разговаривают.
It's like being a pedestrian, only rarer.	Сейчас это редкость, все равно как ходить пешком.
My uncle was arrested another time-did I tell you?-for being a pedestrian.	Говорила я вам, что дядю еще раз арестовали? Да, за то, что он шел пешком.
Oh, we're most peculiar."	О, мы очень странные люди.
"But what do you talk about?"	- Но о чем же вы разговариваете?
She laughed at this.	Девушка засмеялась.
"Good night!" She started up her walk.	- Спокойной ночи! - сказала она и повернула к дому.

Then she seemed to remember something and came back to look at him with wonder and curiosity.	Но вдруг остановилась, словно что-то вспомнив, опять подошла к нему и с удивлением и любопытством вгляделась в его лицо.
"Are you happy?" she said.	- Вы счастливы? - спросила она.
"Am I what?" he cried.	- Что? - воскликнул Монтэг.
But she was gone-running in the moonlight.	Но девушки перед ним уже не было - она бежала прочь по залитой лунным светом дорожке.
Her front door shut gently.	В доме тихо затворилась дверь.
"Happy!	- Счастлив ли я?
Of all the nonsense."	Что за вздор!

He stopped laughing.	Монтэг перестал смеяться.
He put his hand into the glove-hole of his front door and let it know his touch.	Он сунул руку в специальную скважину во входной двери своего дома.
The front door slid open.	В ответ на прикосновение его пальцев дверь открылась.
Of course I'm happy.	- Конечно, я счастлив.
What does she think?	Как же иначе?
I'm not? he asked the quiet rooms.	А она что думает - что я несчастлив? -спрашивал он у пустых комнат.

He stood looking up at the ventilator grille in the hall and suddenly remembered that something lay hidden behind the grille, something that seemed to peer down at him now.	В передней взор его упал на вентиляционную решетку. И вдруг он вспомнил, что там спрятано. Оно как будто поглядело на него оттуда.
He moved his eyes quickly away.	И он быстро отвел глаза.
What a strange meeting on a strange night.	Какая странная ночь, и какая странная встреча!
He remembered nothing like it save one afternoon a year ago when he had met an old man in the park and they had talked	Такого с ним еще не случалось. Разве только тогда в парке, год назад, когда он встретился со стариком и они разговорились...

Montag shook his head.	Монтэг тряхнул головой.
He looked at a blank wall. The girl's face was there, really quite beautiful in memory: astonishing, in fact.	Он взглянул на пустую стену перед собой, и тот-час на ней возникло лицо девушки - такое, каким оно сохранилось в его па-мяти,-прекрасное, даже больше, удивительное.

She had a very thin face like the dial of a small clock seen faintly in a dark room in the middle of a night when you waken to see the time and see the clock telling you the hour and the minute and the second, with a white silence and a glowing, all certainty and knowing what it has to tell of the night passing swiftly on toward further darknesses but moving also toward a new sun.	Это тонкое лицо напоминало циферблат небольших часов, слабо светящийся в темной комнате, когда, проснувшись среди ночи, хочешь узнать время и видишь, что стрелки точно показывают час, минуту и секунду, и этот светлый молчаливый лик спокойно и уверенно говорит тебе, что ночь проходит, хотя и становится темнее, и скоро снова взойдет солнце.

"What?" asked Montag of that other self, the subconscious idiot that ran babbling at times, quite independent of will, habit, and conscience.	- В чем дело? - спросил Монтэг у своего второго, подсознательного "я", у этого чудачка, который временами вдруг выходит из повиновения и болтает неведомо что, не подчиняясь ни воле, ни привычке, ни рассудку.
He glanced back at the wall.	Он снова взглянул на стену.
How like a mirror, too, her face.	Как похоже ее лицо на зеркало.
Impossible; for how many people did you know that refracted your own light to you?	Просто невероятно! Многих ли ты еще знаешь, кто мог бы так отражать твой собственный свет?

People were more often- he searched for a simile, found one in his work-torches, blazing away until they whiffed out.	Люди больше похожи на... он помедлил в поисках сравнения, потом нашел его, вспомнив о своем ремесле,- на факелы, ко- торые полыхают во всю мочь, пока их не потушат.
How rarely did other people's faces take of you and throw back to you your own expression, your own innermost trembling thought?	Но как редко на лице дру- гого человека можно уви- деть отражение твоего собственного лица, твоих сокровенных трепетных мыслей!

What incredible power of identification the girl had; she was like the eager watcher of a marionette show, anticipating each flicker of an eyelid, each gesture of his hand, each flick of a finger, the moment before it began.	Какой невероятной способностью перевоплощения обладала эта девушка! Она смотрела на него, Монтэга, как зачарованный зритель в театре марионеток, предвосхищала каждый взмах его ресниц, каждый жест руки, каждое движение пальцев.
How long had they walked together?	Сколько времени они шли рядом?

Three minutes?	Три минуты?
Five?	Пять?
Yet how large that time seemed now.	И вместе с тем как долго!

How immense a figure she was on the stage before him; what a shadow she threw on the wall with her slender body!	Каким огромным казалось ему теперь ее отражение на стене, какую тень отбрасывала ее тоненькая фигурка!
He felt that if his eye itched, she might blink. And if the muscles of his jaws stretched imperceptibly, she would yawn long before he would.	Он чувствовал, что если у него зачешется глаз, она моргнет, если чуть напрягутся мускулы лица, она зевнет еще раньше, чем он сам это сделает.
Why, he thought, now that I think of it, she almost seemed to be waiting for me there, in the street, so damned late at night	И, вспомнив об их встрече, он подумал: "Да ведь, право же, она как будто знала наперед, что я приду, как будто нарочно поджидала меня там, на улице, в такой поздний час..."

He opened the bedroom door.	Он открыл дверь спальни.
It was like coming into the cold marbled room of a mausoleum after the moon had set.	Ему показалось, что он вошел в холодный, облицованный мрамором склеп, после того как зашла луна.
Complete darkness, not a hint of the silver world outside, the windows tightly shut, the chamber a tomb-world where no sound from the great city could penetrate.	Непроницаемый мрак. Ни намека на залитый серебряным сиянием мир за окном. Окна плотно закрыты, и комната похожа на могилу, куда не долетает ни единый звук большого города.
The room was not empty.	Однако комната не была пуста.
He listened.	Он прислушался.

The little mosquito-delicate dancing hum in the air, the electrical murmur of a hidden wasp snug in its special pink warm nest.	Чуть слышный комариный звон, жужжание электрической осы, спрятанной в своем уютном и теплом розовом гнездышке.
The music was almost loud enough so he could follow the tune.	Музыка звучала так ясно, что он мог различить мелодию.
He felt his smile slide away, melt, fold over, and down on itself like a tallow skin, like the stuff of a fantastic candle burning too long and now collapsing and now blown out.	Он почувствовал, что улыбка соскользнула с его лица, что она подтаяла, оплыла и отвалилась, словно воск фантастической свечи, которая горела слишком долго и, догорев, упала и погасла.
Darkness.	Мрак. Темнота.
He was not happy.	Нет, он не счастлив.

He was not happy.	Он не счастлив!
He said the words to himself.	Он сказал это самому себе.
He recognized this as the true state of affairs.	Он признал это.
He wore his happiness like a mask and the girl had run off across the lawn with the mask and there was no way of going to knock on her door and ask for it back.	Он носил свое счастье, как маску, но девушка отняла ее и убежала через лужайку, и уже нельзя постучаться к ней в дверь и попросить, чтобы она вернула ему маску.
Without turning on the light he imagined how this room would look.	Не зажигая света, он представил себе комнату.

His wife stretched on the bed, uncovered and cold, like a body displayed on the lid of a tomb, her eyes fixed to the ceiling by invisible threads of steel, immovable.	Его жена, распростертая на кровати, не укрытая и холодная, как надгробное изваяние, с застывшими глазами, устремленными в потолок, словно притянутыми к нему невидимыми стальными нитями.

And in her ears the little Seashells, the thimble radios tamped tight, and an electronic ocean of sound, of music and talk and music and talk coming in, coming in on the shore of her unsleeping mind.	В ушах у нее плотно вставлены миниатюрные "Ракушки", крошечные, с наперсток, радиоприемники-втулки, и электронный океан звуков - музыка и голоса, музыка и голоса -волнами омывает берега ее бодрствующего мозга.
The room was indeed empty.	Нет, комната была пуста.

Every night the waves came in and bore her off on their great tides of sound, floating her, wide-eyed, toward morning.	Каждую ночь сюда врывался океан звуков и, подхватив Милдред на свои широкие крылья, баюкая и качая, уносил ее, лежащую с открытыми глазами, навстречу утру.
There had been no night in the last two years that Mildred had not swum that sea, had not gladly gone down in it for the third time.	Не было ночи за последние два года, когда Милдред не уплывала бы на этих волнах, не погружалась бы в них с готовностью еще и еще раз.
The room was cold but nonetheless he felt he could not breathe.	В комнате было холодно, но Монтэг чувствовал, что задыхается.

He did not wish to open the curtains and open the french windows, for he did not want the moon to come into the room.	Однако он не поднял штор и не открыл балконной двери - он не хотел, чтобы сюда заглянула луна.
So, with the feeling of a man who will die in the next hour for lack of air,.he felt his way toward his open, separate, and therefore cold bed.	С обреченностью человека, который в ближайший же час должен погибнуть от удушья, он ощупью направился к своей раскрытой, одинокой и холодной постели.

An instant before his foot hit the object on the floor he knew he would hit such an object.	За мгновение до того, как его нога наткнулась на предмет, лежавший на полу, он уже знал, что так будет.
It was not unlike the feeling he had experienced before turning the corner and almost knocking the girl down.	Это чувство отчасти было похоже на то, которое он испытал, когда завернул за угол и чуть не налетел на девушку, шедшую ему навстречу.

His foot, sending vibrations ahead, received back echoes of the small barrier across its path even as the foot swung. His foot kicked.	Его нога, вызвав своим движением колебание воздуха, получила отраженный сигнал о препятствии на пути и почти в ту же секунду ударилась обо что-то.
The object gave a dull clink and slid off in darkness.	Какой-то предмет с глухим стуком отлетел в темноту.

He stood very straight and listened to the person on the dark bed in the completely featureless night. The breath coming out of the nostrils was so faint it stirred only the furthest fringes of life, a small leaf, a black feather, a single fibre of hair.	Монтэг резко выпрямился и прислушался к дыханию той, что лежала на постели в кромешном мраке комнаты: дыхание было слабым, чуть заметным, в нем едва угадывалась жизнь - от него мог бы затрепетать лишь крохотный листок, пушинка, один-единственный волосок.

He still did not want outside light.	Он все еще не хотел впустить в комнату свет с улицы.

He pulled out his igniter, felt the salamander etched on its silver disc, gave it a flick....	Вынув зажигалку, он нащупал саламандру, выгравированную на серебряном диске, нажал...
Two moonstones looked up at him in the light of his small hand-held fire; two pale moonstones buried in a creek of clear water over which the life of the world ran, not touching them.	Два лунных камня глядели на него при слабом свете прикрытого рукой огонька, два лунных камня, лежащих на дне прозрачного ручья,- над ними, не задевая их, мерно текли воды жизни.

"Mildred ! " Her face was like a snow-covered island upon which rain might fall; but it felt no rain; over which clouds might pass their moving shadows, but she felt no shadow.	- Милдред! Ее лицо было, как остров, покрытый снегом, если дождь прольется над ним, оно не ощутит дождя, если тучи бросят на него свою вечно движущуюся тень, оно не почувствует тени. Недвижность, немота...
There was only the singing of the thimble-wasps in her tamped-shut ears, and her eyes all glass, and breath going in and out, softly, faintly, in and out of her nostrils, and her not caring whether it came or went, went or came.	Только жужжание осветулок, плотно закрывающих уши Милдред, только остекленевший взор и слабое дыхание, чуть колеблющее крылья ноздрей - вдох и выдох, вдох и выдох,- и полная безучастность к тому, что в любую минуту даже и это может прекратиться навсегда.

The object he had sent tumbling with his foot now glinted under the edge of his own bed. The small crystal bottle of sleeping-tablets which earlier today had been filled with thirty capsules and which now lay uncapped and empty in the light of the tiny flare.	Предмет, который Монтэг задел ногой, тускло светился на полу возле кровати - маленький хрустальный флакончик, в котором еще утром было тридцать снотворных таблеток. Теперь он лежал открытый и пустой, слабо поблескивая при свете крошечного огонька зажигалки.
As he stood there the sky over the house screamed.	Вдруг небо над домом заскрежетало.
There was a tremendous ripping sound as if two giant hands had torn ten thousand miles of black linen down the seam.	Раздался оглушительный треск, как будто две гигантские руки разорвали вдоль кромки десять тысяч миль черного холста.

Montag was cut in half. He felt his chest chopped down and split apart.	Монтэга словно раскололо надвое, словно ему рассекли грудь и разворотили зияющую рану.
The jet-bombs going over, going over, going over, one two, one two, one two, six of them, nine of them, twelve of them, one and one and one and another and another and another, did all the screaming for him.	Над домом пронеслись ракетные бомбардировщики - первый, второй, первый, второй, первый, второй. Шесть, девять, двенадцать - один за другим, один за другим, сотрясая воздух оглушительным ревом.
He opened his own mouth and let their shriek come down and out between his bared teeth.	Монтэг открыл рот, и звук ворвался в него сквозь его оскаленные зубы.
The house shook.	Дом сотрясался.

The flare went out in his hand.	Огонек зажигалки погас.
The moonstones vanished.	Лунные камни растаяли в темноте.
He felt his hand plunge toward the telephone.	Рука рванулась к телефону.
The jets were gone.	Бомбардировщики пролетели.
He felt his lips move, brushing the mouthpiece of the phone.	Его губы, дрогнув, коснулись телефонной трубки:

"Emergency hospital."	- Больницу неотложной помощи.
A terrible whisper.	Шепот, полный ужаса...

He felt that the stars had been pulverized by the sound of the black jets and that in the morning the earth would be thought as he stood shivering in the dark, and let his lips go on moving and moving.	Ему казалось, что от рева черных бомбардировщиков звезды превратились в пыль и завтра утром земля будет вся осыпана этой пылью, словно диковинным снегом. Эта нелепая мысль не покидала его, пока он стоял в темноте возле телефона, дрожа всем телом, беззвучно шевеля губами.
They had this machine.	Они привезли с собой машину.
They had two machines, really.	Вернее, машин было две.

One of them slid down into your stomach like a black cobra down an echoing well looking for all the old water and the old time gathered there.	Одна пробиралась в желудок, как черная кобра на дно заброшенного колодца в поисках застоявшейся воды и загнившего прошлого.
It drank up the green matter that flowed to the top in a slow boil.	Она пила зеленую жижу, всасывала ее и выбрасывала вон.
Did it drink of the darkness?	Могла ли она выпить всю темноту?
Did it suck out all the poisons accumulated with the years?	Или весь яд, скопившийся там за долгие годы?

It fed in silence with an occasional sound of inner suffocation and blind searching.	Она пила молча, по временам захлебываясь, издавая странные чмокающие звуки, как будто шарила там на дне, что-то выискивая.
It had an Eye.	У машины был глаз.
The impersonal operator of the machine could, by wearing a special optical helmet, gaze into the soul of the person whom he was pumping out. What did the Eye see?	Обслуживающий ее человек с бесстрастным лицом мог, надев оптический шлем, заглянуть в душу пациента и рассказать о том, что видит глаз машины.
He did not say.	Но человек молчал.
He saw but did not see what the Eye saw.	Он смотрел, но не видел того, что видит глаз.

The entire operation was not unlike the digging of a trench in one's yard.	Вся эта процедура напоминала рытье канавы в саду.
The woman on the bed was no more than a hard stratum of marble they had reached.	Женщина, лежащая на постели, была всего лишь твердой мраморной породой, на которую наткнулась лопата.
Go on, anyway, shove the bore down, slush up the emptiness, if such a thing could be brought out in the throb of the suction snake.	Ройте же дальше, запускайте бур поглубже, высасывайте пустоту, если только может ее высосать эта подрагивающая, причмокивающая змея!
The operator stood smoking a cigarette.	Санитар стоял и курил, наблюдая за работой машины.

The other machine was working too.	Вторая машина тоже работала.

The other machine was operated by an equally impersonal fellow in non-stainable reddish-brown overalls. This machine pumped all of the blood from the body and replaced it with fresh blood and serum.	Обслуживаемая вторым, таким же бесстрастным человеком в красновато-коричневом комбинезоне, она выкачивала кровь из тела и заменяла ее свежей кровью и свежей плазмой.

"Got to clean 'em out both ways," said the operator, standing over the silent woman. "No use getting the stomach if you don't clean the blood.	- Приходится очищать их сразу двумя способами,- заметил санитар, стоя над неподвижной женщиной.- Желудок - это еще не все, надо очистить кровь.
Leave that stuff in the blood and the blood hits the brain like a mallet, bang, a couple of thousand times and the brain just gives up, just quits."	Оставьте эту дрянь в крови, кровь, как молотком, ударит в мозг - этак тысячи две ударов, и готово! Мозг сдается, просто перестает работать.
"Stop it!" said Montag.	- Замолчите! - вдруг крикнул Монтэг.
"I was just sayin'," said the operator.	- Я только хотел объяснить,- ответил санитар.

"Are you done?" said Montag.	- Вы что, уже кончили? - спросил Монтэг.
They shut the machines up tight.	Они бережно укладывали в ящики свои машины.
"We're done." His anger did not even touch them.	- Да, кончили.- Их нисколько не тронул его гнев.
They stood with the cigarette smoke curling around their noses and into their eyes without making them blink or squint. "That's fifty bucks."	Они стояли и курили, дым вился, лез им в нос и глаза, но ни один из санитаров ни разу не моргнул и не поморщился.- Это стоит пятьдесят долларов.
"First, why don't you tell me if she'll be all right?"	- Почему вы мне не скажете, будет ли она здорова?

"Sure, she'll be O.K.	- Конечно" будет.
We got all the mean stuff right in our suitcase here, it can't get at her now.	Вся дрянь теперь вот здесь, в ящиках. Она больше ей не опасна.
As I said, you take out the old and put in the new and you're O.K."	Я же говорил вам - выкачивается старая кровь, вливается новая, и все в порядке.
"Neither of you is an M.D.	- Но ведь вы - не врачи!
Why didn't they send an M.D. from Emergency?"	Почему не прислали врача?

"Hell! " the operator's cigarette moved on his lips. "We get these cases nine or ten a night.	- Врача-а! - сигарета подпрыгнула в губах у санитара.- У нас бывает по девять-десять таких вызовов в ночь.
Got so many, starting a few years ago, we had the special machines built.	За последние годы они так участились, пришлось сконструировать специальную машину.
With the optical lens, of course, that was new; the rest is ancient.	Нового в ней, правда, только оптическая линза, остальное давно известно.
You don't need an M.D., case like this; all you need is two handymen, clean up the problem in half an hour.	Врач тут не нужен. Двое техников, и через полчаса все кончено.

Look"-he started for the door-"we gotta go. Just had another call on the old earthimble.	Однако надо идти,- они направились к выходу.-Только что получили по радио новый вызов.

Ten blocks from here. Someone else just jumped off the cap of a pillbox.	В десяти кварталах отсюда еще кто-то проглотил всю коробочку со снотворным.
Call if you need us again.	Если опять понадобимся, звоните.
Keep her quiet.	А ей теперь нужен только покой.
We got a contra-sedative in her.	Мы ввели ей тонизирующее средство.
She'll wake up hungry.	Проснется очень голодная.
So long."	Пока!

And the men with the cigarettes in their straight-lined mouths, the men with the eyes of puff-adders, took up their load of machine and tube, their case of liquid melancholy and the slow dark sludge of nameless stuff, and strolled out the door.	И люди с сигаретами в тонких, плотно сжатых губах, люди с холодным, как у гадюки, взглядом, захватив с собой машины и шланг, захватив ящик с жидкой меланхолией и темной густой массой, не имеющей названия, покинули комнату.
Montag sank down into a chair and looked at this woman.	Монтэг тяжело опустился на стул и вгляделся в лежащую перед ним женщину.
Her eyes were closed now, gently, and he put out his hand to feel the warmness of breath on his palm.	Теперь ее лицо было спокойно, глаза закрыты, протянув руку, он ощутил на ладони теплоту ее дыхания.
"Mildred," he said, at last.	- Милдред,- выговорил он наконец.

There are too many of us, he thought. There are billions of us and that's too many.	"Нас слишком много,- думал он.- Нас миллиарды, и это слишком много.
Nobody knows anyone.	Никто не знает друг друга.
Strangers come and violate you.	Приходят чужие и насильничают над тобой.
Strangers come and cut your heart out. Strangers come and take your blood.	Чужие вырывают у тебя сердце, высасывают кровь.
Good God, who were those men?	Боже мой, кто были эти люди?
I never saw them before in my life!	Я их в жизни никогда не видел".
Half an hour passed.	Прошло полчаса.

The bloodstream in this woman was new and it seemed to have done a new thing to her.	Чужая кровь текла теперь в жилах этой женщины,и эта чужая кровь обновила ее.
Her cheeks were very pink and her lips were very fresh and full of colour and they looked soft and relaxed.	Как порозовели ее щеки, какими свежими и алыми стали губы! Теперь выражение их было нежным и спокойным.
Someone else's blood there.	Чужая кровь взамен собственной...
If only someone else's flesh and brain and memory.	Да, если бы можно было заменить также и плоть ее, и мозг, и память!

If only they could have taken her mind along to the drycleaner's and emptied the pockets and steamed and cleansed it and reblocked it and brought it back in the morning.	Если бы можно было самую душу ее отдать в чистку, чтобы ее там разобрали на части, вывернули карманы, отпарили, разгладили, а утром принесли обратно...
If only . . .	Если бы можно!..
He got up and put back the curtains and opened the windows wide to let the night air in.	Он встал, поднял шторы и, широко распахнув окна, впустил в комнату свежий ночной воздух.

It was two o'clock in the morning.	Было два часа ночи.

Was it only an hour ago, Clarisse McClellan in the street, and him coming in, and the dark room and his foot kicking the little crystal bottle?	Неужели прошел всего час с тех пор, как он встретил на улице Клариссу Маклеллан, всего час с тех пор, как он вошел в эту темную комнату и задел ногой маленький хрустальный флакончик?
Only an hour, but the world had melted down and sprung up in a new and colourless form.	Один только час, но как все изменилось - исчез, растаял тот, прежний мир и вместо него возник новый, холодный и бесцветный.

Laughter blew across the moon-coloured lawn from the house of Clarisse and her father and mother and the uncle who smiled so quietly and so earnestly.	Через залитую лунным светом лужайку до Монтэга долетел смех. Смех доносился из дома, где жили Кларисса, ее отец и мать и ее дядя, умевший улыбаться так просто и спокойно.
Above all, their laughter was relaxed and hearty and not forced in any way, coming from the house that was so brightly lit this late at night while all the other houses were kept to themselves in darkness.	Это был искренний и радостный смех, смех без принуждения, и доносился он в этот поздний час из ярко освещенного дома, в то время как все дома вокруг были погружены в молчание и мрак.

Montag heard the voices talking, talking, talking, giving, talking, weaving, reweaving their hypnotic web.	Монтэг слышал голоса беседующих людей, они что-то говорили, спрашивали, отвечали, снова и снова сплетая магическую ткань слов.
Montag moved out through the french windows and crossed the lawn, without even thinking of it.	Монтэг вышел через стеклянную дверь и, не отдавая себе отчета в том, что делает, пересек лужайку.
He stood outside the talking house in the shadows, thinking he might even tap on their door and whisper,	Он остановился в тени возле дома, в котором звучали голоса. и ему вдруг подумалось, что если он захочет, то может даже подняться на крыльцо, постучать в дверь и прошептать:
"Let me come in.	"Впустите меня.

I won't say anything.	Я не скажу ни слова.
I just want to listen.	Я буду молчать.
What is it you're saying?"	Я только хочу послушать, о чем вы говорите".
But instead he stood there, very cold, his face a mask of ice, listening to a man's voice (the uncle?) moving along at an easy pace:	Но он не двинулся с места. Он все стоял, продрогший, окоченелый, с лицом, похожим на ледяную маску, слушая, как мужской голос (это, наверно, дядя) говорит спокойно и неторопливо:
"Well, after all, this is the age of the disposable tissue.	- В конце концов, мы живем в век, когда люди уже не представляют ценности.

Blow your nose on a person, wad them, flush them away, reach for another, blow, wad, flush.	Человек в наше время - как бумажная салфетка: в нее сморкаются, комкают, выбрасывают, берут новую, сморкаются, комкают, бросают...
Everyone using everyone else's coattails.	Люди не имеют своего лица.
How are you supposed to root for the home team when you don't even have a programme or know the names?	Как можно болеть за футбольную команду своего города, когда не знаешь ни программы матчей, ни имен игроков?
For that matter, what colour jerseys are they wearing as they trot out on to the field?"	Ну-ка, скажи, например, в какого цвета фуфайках они выйдут на поле?

Montag moved back to his own house, left the window wide, checked Mildred, tucked the covers about her carefully, and then lay down with the moonlight on his cheekbones and on the frowning ridges in his brow, with the moonlight distilled in each eye to form a silver cataract there.	Монтэг побрел назад к своему дому. Он оставил окна открытыми, подошел к Милдред, заботливо укутал ее одеялом и лег в свою постель. Лунный свет коснулся его скул, глубоких морщинок нахмуренного лба, отразился в глазах, образуя в каждом крошечное серебряное бельмо.
One drop of rain.	Упала первая капля дождя.
Clarisse.	Кларисса.
Another drop.	Еще капля.
Mildred.	Милдред.
A third.	Еще одна.

The uncle.	Дядя.
A fourth.	Еще одна.
The fire tonight.	Сегодняшний пожар.
One, Clarisse.	Одна. Кларисса.
Two, Mildred.	Другая, Милдред.
Three, uncle.	Третья. Дядя.
Four, fire, One, Mildred, two, Clarisse.	Четвертая. Пожар.
One, two, three, four, five, Clarisse, Mildred, uncle, fire, sleeping-tablets, men, disposable tissue, coat-tails, blow, wad, flush, Clarisse, Mildred, uncle, fire, tablets, tissues, blow, wad, flush.	Одна, другая, третья, четвертая, Милдред, Кларисса, дядя, пожар, таблетки снотворно-го, люди - бумажные, салфетки, используй, брось, возьми новую!

One, two, three, one, two, three!	Одна, другая, третья, четвертая.
Rain.	Дождь.
The storm.	Гроза.
The uncle laughing.	Смех дяди.
Thunder falling downstairs.	Раскаты грома.
The whole world pouring down.	Мир обрушивается потоками ливня.
The fire gushing up in a volcano.	Пламя вырывается из вулкана.
All rushing on down around in a spouting roar and rivering stream toward morning.	И все кружится, несется, бурной, клокочущей рекой устремляется сквозь ночь навстречу утру...

"I don't know anything any more," he said, and let a sleep-lozenge dissolve on his tongue.	- Ничего больше не знаю, ничего не понимаю,-сказал Монтэг и положил в рот снотворную таблетку. Она медленно растаяла на языке.
At nine in the morning, Mildred's bed was empty.	Утром в девять часов постель Милдред была уже пуста.
Montag got up quickly, his heart pumping, and ran down the hall and stopped at the kitchen door.	Монтэг торопливо встал, с бьющимся сердцем побежал по коридору. В дверях кухни он остановился.

Toast popped out of the silver toaster, was seized by a spidery metal hand that drenched it with melted butter.	Ломтики поджаренного хлеба выскакивали из серебряного тостера. Тонкая металлическая рука тут же подхватывала их и окунала в растопленное масло.
Mildred watched the toast delivered to her plate.	Милдред смотрела, как подрумяненные ломтики ложатся на тарелку.
She had both ears plugged with electronic bees that were humming the hour away.	Уши ее были плотно заткнуты гудящими электронными пчелами.
She looked up suddenly, saw him, and nodded.	Подняв голову и увидев Монтэга, она кивнула ему.
"You all right?" he asked.	- Как ты себя чувствуешь? - спросил он.

She was an expert at lip-reading from ten years of apprenticeship at Seashell earthimbles.	За десять лет знакомства с радиовтулками "Ракушка" Милдред научилась читать по губам.
She nodded again. She set the toaster clicking away at another piece of bread.	Она снова кивнула головой и вложила в тостер свежий ломтик хлеба.
Montag sat down.	Монтэг сел.
His wife said, "I don't know why I should be so hungry."	- Не понимаю, почему мне так хочется есть,- сказала его жена.
"You-?"	- Ты...- начал он.
"I'm HUNGRY."	- Ужас, как проголодалась!
"Last night," he began.	- Вчера вечером...
"Didn't sleep well.	- Я плохо спала.

Feel terrible," she said. "God, I'm hungry.	Отвратительно себя чувствую,- продолжала она.- Господи, до чего хочется есть!
I can't figure it."	Не могу понять почему...
"Last night-" he said again.	- Вчера вечером...- опять начал он.
She watched his lips casually.	Она рассеянно следила за его губами.
"What about last night?"	- Что было вчера вечером?
"Don't you remember?"	- Ты разве ничего не помнишь?
"What?	- А что такое?
Did we have a wild party or something?	У нас были гости?

Feel like I've a hangover.	Мы кутили? Я сегодня словно с похмелья.
God, I'm hungry.	Боже, до чего хочется есть!
Who was here?"	А кто у нас был?
"A few people," he said.	- Несколько человек.
"That's what I thought." She chewed her toast. "Sore stomach, but I'm hungry as allget-out.	- Я так и думала.- Она откусила кусочек под-жаренного хлеба.- Боли в желудке, но голодна ужасно.
Hope I didn't do anything foolish at the party."	Надеюсь, я не натвори-ла вчера каких-нибудь глупостей?

"No," he said, quietly.	- Нет,- сказал он тихо.

The toaster spidered out a piece of buttered bread for him.	Тостер выбросил ему ломтик пропитанного маслом хлеба.
He held it in his hand, feeling grateful.	Он взял его со странным смущением, как будто ему оказали любезность.
"You don't look so hot yourself," said his wife.	- Ты тоже неважно выглядишь,- заметила его жена.
In the late afternoon it rained and the entire world was dark grey.	Во второй половине дня шел дождь, все кругом потемнело, мир словно затянуло серой пеленой.

He stood in the hall of his house, putting on his badge with the orange salamander burning across it. He stood looking up at the air-conditioning vent in the hall for a long time.	Он стоял в передней своего дома и прикреплял к куртке значок, на котором пылала оранжевая саламандра. -Задумавшись, он долго глядел на вентиляционную решетку.
His wife in the TV parlour paused long enough from reading her script to glance up.	Его жена, читавшая сценарий в телевизорной комнате, подняла голову и посмотрела на него.
"Hey," she said.	- Смотрите-ка!
"The man's THINKING!"	Он думает!

"Yes," he said. "I wanted to talk to you." He paused. "You took all the pills in your bottle last night."	- Да,- ответил он. - Мне надо поговорить с тобой.-Он помедлил.- Вчера ты проглотила все таблетки снотворного, все, сколько их было в флаконе.
"Oh, I wouldn't do that," she said, surprised.	- Ну да? - удивленно воскликнула она.- Не может быть!
"The bottle was empty."	- Флакон лежал на полу пустой.
"I wouldn't do a thing like that.	- Да не могла я этого сделать.
Why would I do a thing like that?" she asked.	Зачем бы мне? - ответила она.

"Maybe you took two pills and forgot and took two more, and forgot again and took two more, and were so dopy you kept right on until you had thirty or forty of them in you."	- Может быть, ты приняла две таблетки, а потом забыла и приняла еще две, и опять забыла и приняла еще, а после, уже одурманенная, стала глотать одну за другой, пока не проглотила все тридцать или сорок - все, что было в флаконе.
"Heck," she said, "what would I want to go and do a silly thing like that for?"	- Чепуха! Зачем бы я стала делать такие глупости?
"I don't know," he said.	- Не знаю,- ответил он.
She was quite obviously waiting for him to go.	Ей, видимо, хотелось, чтобы он скорее ушел,- она этого даже не скрывала.

"I didn't do that," she said. "Never in a billion years."	- Не стала бы я это делать,- повторила она.- Ни за что на свете.
"All right if you say so," he said.	- Хорошо, пусть будет по-твоему,- ответил он.
"That's what the lady said." She turned back to her script.	- Как сказала леди,- добавила она и снова углубилась в чтение сценария.
"What's on this afternoon?" he asked tiredly.	- Что сегодня в дневной программе? - спросил он устало.
She didn't look up from her script again.	Она ответила, не поднимая головы:

"Well, this is a play comes on the wall-towall circuit in ten minutes.	- Пьеса. Начинается через десять минут с переходом на все четыре стены.

They mailed me my part this morning.	Мне прислали роль сегодня утром.
I sent in some boxtops.	Я им предложила кое-что, это должно иметь успех у зрителя.
They write the script with one part missing.	Пьесу пишут, опуская одну роль.
It's a new idea.	Совершенно новая идея!
The home-maker, that's me, is the missing part.	Эту недостающую роль хозяйки дома исполняю я.

When it comes time for the missing lines, they all look at me out of the three walls and I say the lines: Here, for instance, the man says, 'What do you think of this whole idea, Helen?'	Когда наступает момент произнести недостающую реплику, все смотрят на меня. И я произношу эту реплику. Например, мужчина говорит: "Что ты скажешь на это, Элен?" - и смотрит на меня.
And he looks at me sitting here centre stage, see?	А я сижу вот здесь, как бы в центре сцены, видишь?
And I say, I say --" She paused and ran her finger under a line in the script. " 'I think that's fine!'	Я отвечаю... я отвечаю...- она стала водить пальцем по строчкам рукописи.- Ага, вот: "По-моему, это просто великолепно!"

And then they go on with the play until he says, 'Do you agree to that, Helen!' and I say, 'I sure do!'	Затем они продолжают без меня, пока мужчина не скажет: "Ты согласна с этим, Элен?" Тогда я отвечаю: "Ну, конечно, согласна".
Isn't that fun, Guy?"	Правда, как интересно, Гай?
He stood in the hall looking at her.	Он стоял в передней и молча смотрел на нее.
"It's sure fun," she said.	- Право же, очень интересно,- снова сказала она.
"What's the play about?"	- А о чем говорится в пьесе?
"I just told you.	- Я же тебе сказала.
There are these people named Bob and Ruth and Helen."	Там три действующих лица - Боб, Рут и Элен.
"Oh."	- А!

"It's really fun.	- Это очень интересно.
It'll be even more fun when we can afford to have the fourth wall installed.	И будет еще интереснее, когда у нас будет четвертая телевизорная стена.
How long you figure before we save up and get the fourth wall torn out and a fourth wall-TV put in?	Как ты думаешь, долго нам еще надо копить, чтобы вместо простой стены сделать телевизорную?
It's only two thousand dollars."	Это стоит всего две тысячи долларов.
"That's one-third of my yearly pay."	- Треть моего годового заработка.
"It's only two thousand dollars," she replied.	- Всего две тысячи долларов,- упрямо повторила
"And I should think you'd consider me sometimes.	она. Не мешало бы хоть изредка и обо мне подумать.

If we had a fourth wall, why it'd be just like this room wasn't ours at all, but all kinds of exotic people's rooms.	Если бы мы поставили четвертую стену, эта комната была уже не только наша. В ней жили бы разные необыкновенные, занятые люди.
We could do without a few things."	Можно на чем-нибудь другом сэкономить.
"We're already doing without a few things to pay for the third wall.	- Мы и так уж на многом экономим, с тех пор как уплатили за третью стену.
It was put in only two months ago, remember?"	Если помнишь, ее поставили всего два месяца назад.
"Is that all it was?"	- Только два месяца?
She sat looking at him for a long moment.	- Она остановила на нем задумчивый взгляд.

"Well, good-bye, dear." .	- Ну, до свидания, милый.
"Good-bye," he said. He stopped and turned around.	- До свидания,- ответил он, направляясь к выходу, но вдруг остановился и обернулся.- А какой конец в этой пьесе?
"Does it have a happy ending?"	Счастливый?
"I haven't read that far."	- Я еще не дочитала до конца.
He walked over, read the last page, nodded, folded the script, and handed it back to her. He walked out of the house into the rain.	Он подошел, взглянул на последнюю страницу, кивнул головой, сложил сценарий, вернул его жене и вышел на мокрую от дождя улицу.

The rain was thinning away and the girl was walking in the centre of the sidewalk with her head up and the few drops falling on her face.	Дождь уже почти перестал. Девушка шла посередине тротуара, подняв голову, и редкие капли дождя падали на ее лицо.
She smiled when she saw Montag.	Увидев Монтэга, она улыбнулась.
"Hello! " He said hello and then said,	- Здравствуйте. Монтэг ответил на приветствие, затем спросил:
"What are you up to now?"	- Что это вы делаете? Еще что-то придумали?
"I'm still crazy.	- Ну да, я же сумасшедшая.
The rain feels good.	Как приятно, когда дождь падает тебе на лицо!

I love to walk in it.	Я люблю гулять под дождем.
"I don't think I'd like that," he said.	- Мне бы не понравилось - ответил он.
"You might if you tried."	- А может, и понравилось бы, если бы попробовали.
"I never have."	- Я никогда не пробовал.
She licked her lips.	Она облизнула губы.
"Rain even tastes good."	- Дождик даже на вкус приятен.
"What do you do, go around trying everything once?" he asked.	- Всегда вам хочется что-то пробовать.- сказал он.- Хоть раз, да попробовать.
"Sometimes twice." She looked at something in her hand.	- А бывает, что и не раз,- ответила она и взглянула на то, что прятала в руке.

"What've you got there?" he said.	- Что там у вас? - спросил он.

"I guess it's the last of the dandelions this year.	- Одуванчик. Последний, наверно.
I didn't think I'd find one on the lawn this late.	Вот уж не думала. что найду одуванчик так поздно осенью.
Have you ever heard of rubbing it under your chin?	Теперь нужно его взять и потереть под подбородком. Слышали когда-нибудь об этом?
Look."	Смотрите!
She touched her chin with the flower, laughing.	- Смеясь, она провела цветком у себя под подбородком.
"Why?"	- Зачем?

"If it rubs off, it means I'm in love.	- Если останется след - значит, я влюблена.
Has it?"	Ну как?
He could hardly do anything else but look.	Что было делать? Он взглянул на ее подбородок.
"Well?" she said.	- Ну? - спросила она.
"You're yellow under there."	- Желтый стал.
"Fine!	- Чудесно!
Let's try YOU now."	А теперь проверим на вас.
"It won't work for me."	- У меня ничего не выйдет.

"Here." Before he could move she had put the dandelion under his chin.	- Посмотрим.- И, не дав ему опомниться, она сунула одуванчик ему под подбородок.
He drew back and she laughed. "Hold still!"	Он невольно отшатнулся, а она рассмеялась.-Стойте смирно!
She peered under his chin and frowned.	Оглядев его подбородок, она нахмурилась.
"Well?" he said.	- Ну как? - спросил он.
"What a shame," she said. "You're not in love with anyone."	- Какая жалость! - воскликнула она.- Вы ни в кого не влюблены!
"Yes, I am ! "	- Нет, влюблен.
"It doesn't show."	- Но этого не видно.

"I am very much in love!" He tried to conjure up a face to fit the words, but there was no face. "I am ! "	- Я влюблен, очень влюблен.- Он попытался вызвать в памяти чей-нибудь образ, но безуспешно.- Я влюблен,- упрямо повторил он.
"Oh please don't look that way."	- Не смотрите так!
"It's that dandelion," he said.	Пожалуйста, не надо!
"You've used it all up on yourself.	- Это ваш одуванчик виноват,- сказал он.- Вся пыльца сошла вам на подбородок.
That's why it won't work for me."	А мне ничего не осталось.
"Of course, that must be it.	- Ну вот, я вас расстроила?

Oh, now I've upset you, I can see I have; I'm sorry, really I am." She touched his elbow.	Я вижу, что расстроила. Простите, я, право, не хотела...- она легонько тронула его за локоть...
"No, no," he said, quickly, "I'm all right."	- Нет-нет,- поспешно ответил он. - Я ничего.

"I've got to be going, so say you forgive me.	- Мне нужно идти. Скажите, что вы меня прощаете.
I don't want you angry with me."	Я не хочу, чтобы вы на меня сердились.
"I'm not angry.	- Я не сержусь.
Upset, yes."	Так, чуточку огорчился.
"I've got to go to see my psychiatrist now.	- Я иду к своему психиатру.

They make me go.	Меня заставляют ходить к нему.
I made up things to say.	Ну я и придумываю для него всякую всячину.
I don't know what he thinks of me. He says I'm a regular onion!	Не знаю, что он обо мне думает, но он говорит, что я настоящая луковица.
I keep him busy peeling away the layers."	Приходится облупливать слой за слоем.
"I'm inclined to believe you need the psychiatrist," said Montag.	- Я тоже склонен думать, что вам нужен психиатр,- сказал Монтэг.
"You don't mean that."	- Неправда. Вы этого не думаете.
He took a breath and let it out and at last said,	Он глубоко вздохнул, потом сказал:

"No, I don't mean that."	- Верно. Я этого не думаю.
"The psychiatrist wants to know why I go out and hike around in the forests and watch the birds and collect butterflies.	- Психиатр хочет знать, почему я люблю бродить по лесу, смотреть на птиц, ловить бабочек.
I'll show you my collection some day."	Я когда нибудь покажу вам свою коллекцию.
"Good."	- Хорошо.
"They want to know what I do with all my time.	Покажите. - Они то и дело спрашивают, чем это я все время занята.
I tell them that sometimes I just sit and think.	Я им говорю, что иногда просто сижу и думаю.

But I won't tell them what.	Но не говорю, о чем.
I've got them running.	Пусть поломают голову.
And sometimes, I tell them, I like to put my head back, like this, and let the rain fall into my mouth.	А иногда я им говорю, что люблю, откинув назад голову, вот так, ловить на язык капли дождя.
It tastes just like wine.	Они на вкус, как вино.
Have you ever tried it?"	Вы когда-нибудь пробовали?
"No I--"	- Нет, я...
"You HAVE forgiven me, haven't you?"	- Вы меня простили?
"Yes."	Да?
He thought about it. "Yes, I have.	- Да.- Он на минуту задумался.- Да, простил.

God knows why.	Сам не знаю почему.
You're peculiar, you're aggravating, yet you're easy to forgive.	Вы какая-то особенная, на вас обижаешься и вместе с тем вас легко простить.
You say you're seventeen?"	Вы говорите, вам сем-надцать лет?

"Well-next month."	- Да, будет через месяц.
"How odd.	- Странно.
How strange.	Очень странно.
And my wife thirty and yet you seem so much older at times.	Моей жене - тридцать, но иногда мне кажется, что вы гораздо старше ее.
I can't get over it."	Не понимаю, отчего у меня такое чувство.

"You're peculiar yourself, Mr. Montag.	- Вы тоже какой-то особенный, мистер Монтэг.
Sometimes I even forget you're a fireman.	Временами я даже забываю, что вы пожарник.
Now, may I make you angry again?"	Можно опять рассердить вас?
"Go ahead."	- Ладно, давайте.
"How did it start?	- Как это началось?
How did you get into it?	Как вы попали туда?
How did you pick your work and how did you happen to think to take the job you have?	Как выбрали эту работу и почему именно эту?
You're not like the others.	Вы не похожи на других пожарных.

I've seen a few; I know.	Я видала некоторых - я знаю.
When I talk, you look at me.	Когда я говорю, вы смотрите на меня.
When I said something about the moon, you looked at the moon, last night.	Когда я вчера заговорила о луне, вы взглянули на небо.
The others would never do that.	Те, другие, никогда бы этого не сделали.
The others would walk off and leave me talking.	Те просто ушли бы и не стали меня слушать.
Or threaten me.	А то и пригрозили бы мне.
No one has time any more for anyone else.	У людей теперь нет времени друг для друга.

You're one of the few who put up with me.	А вы так хорошо отнеслись ко мне.
That's why I think it's so strange you're a fireman, it just doesn't seem right for you, somehow."	Это редкость. Поэтому мне странно, что вы пожарник. Как-то не подходит к вам.
He felt his body divide itself into a hotness and a coldness, a softness and a hardness, a trembling and a not trembling, the two halves grinding one upon the other.	Ему показалось, что он раздвоился, раскололся пополам и одна его половина была горячей как огонь, а другая холодной как лед, одна была нежной, другая - жесткой, одна - трепетной, другая - твердой как камень. И каждая половина его раздвоившегося "я" старалась уничтожить другую.

"You'd better run on to your appointment," he said.	- Вам пора. Не опоздайте к своему психиатру,-сказал он.
And she ran off and left him standing there in the rain.	Она убежала, оставив его на тротуаре под дождем.
Only after a long time did he move.	Он долго стоял неподвижно.

And then, very slowly, as he walked, he tilted his head back in the rain, for just a few moments, and opened his mouth....	Потом, сделав несколько медленных шагов, вдруг запрокинул голову и, подставив лицо дождю, на мгновение открыл рот...

The Mechanical Hound slept but did not sleep, lived but did not live in its gently humming, gently vibrating, softly illuminated kennel back in a dark corner of the firehouse.	Механический пес спал и в то же время бодрствовал, жил и в то же время был мертв в своей мягко гудящей, мягко вибрирующей, слабо освещенной конуре в конце темного коридора пожарной станции.
The dim light of one in the morning, the moonlight from the open sky framed through the great window, touched here and there on the brass and the copper and the steel of the faintly trembling beast.	Бледный свет ночного неба проникал через большое квадратное окно, и блики играли то тут, то там на медных, бронзовых и стальных частях механического зверя.

Light flickered on bits of ruby glass and on sensitive capillary hairs in the nylon-brushed nostrils of the creature that quivered gently, gently, gently, its eight legs spidered under it on rubber-padded paws.	Свет отражался в кусочках рубинового стекла, слабо переливался и мерцал на тончайших, как капилляры, чувствительных нейлоновых волосках в ноздрях этого странного чудовища, чуть заметно вздрагивающего на своих восьми паучьих, подбитых резиной лапах.
Montag slid down the brass pole. He went out to look at the city and the clouds had cleared away completely, and he lit a cigarette and came back to bend down and look at the Hound.	Монтэг соскользнул вниз по бронзовому шесту и вышел поглядеть на спящий город. Тучи рассеялись, небо было чисто. Он закурил и, вернувшись в коридор, нагнулся и заглянул в конуру.

It was like a great bee come home from some field where the honey is full of poison wildness, of insanity and nightmare, its body crammed with that over-rich nectar and now it was sleeping the evil out of itself.	Механический пес напоминал гигантскую пчелу, возвратившуюся в улей с поля, где нектар цветов напоен ядом, рождающим безумие и кошмары. Тело пса напиталось этим густым сладким дурманом, и теперь он спал, сном пытаясь побороть злую силу яда.
"Hello," whispered Montag, fascinated as always with the dead beast, the living beast.	- Здравствуй,- прошептал Монтэг, как всегда зачарованно глядя на мертвого и в то же время живого зверя.

At night when things got dull, which was every night, the men slid down the brass poles, and set the ticking combinations of the olfactory system of the Hound and let loose rats in the firehouse area-way, and sometimes chickens, and sometimes cats that would have to be drowned anyway, and there would be betting to see which the Hound would seize first.	По ночам, когда становилось скучно,- а это бывало каждую ночь,- пожарники спускались вниз по медным шестам и, настроив тикающий механизм обонятельной системы пса на определенный запах, пускали в подвал крыс, цыплят, а иногда кошек, которых все равно предстояло утопить.
The animals were turned loose.	Держали пари, которую из жертв пес схватит первой.

Three seconds later the game was done, the rat, cat, or chicken caught half across the areaway, gripped in gentling paws while a four-inch hollow steel needle plunged down from the proboscis of the Hound to inject massive jolts of morphine or procaine.	Через несколько секунд игра заканчивалась. Цыпленок, кошка или крыса, не успев пробежать и несколько метров, оказывались в мягких лапах пса, и четырехдюймовая стальная игла, высунувшись, словно жало, из его морды, впрыскивала жертве изрядную дозу морфия, или прокаина.
The pawn was then tossed in the incinerator. A new game began.	Затем убитого зверька бросали в печь для сжигания мусора, и игра начиналась снова.

Montag stayed upstairs most nights when this went on.	Монтэг обычно оставался наверху и не принимал участия в этих забавах.

There had been a time two years ago when he had bet with the best of them, and lost a week's salary and faced Mildred's insane anger, which showed itself in veins and blotches.	Как-то раз, два года назад. он побился об заклад с одним из опытных игроков и проиграл недельный заработок. Расплатой был бешеный гнев Милдред - он до сих пор помнит ее лицо все в красных пятнах, со вздувшимися на лбу жилами.

But now at night he lay in his bunk, face turned to the wall, listening to whoops of laughter below and the piano-string scurry of rat feet, the violin squeaking of mice, and the great shadowing, motioned silence of the Hound leaping out like a moth in the raw light, finding, holding its victim, inserting the needle and going back to its kennel to die as if a switch had been turned.	Теперь по ночам он лежал на койке, отвернувшись к стене, прислушиваясь к долетавшим снизу взрывам хохота, дробному цокоту крысиных когтей по полу - будто кто-то быстро-быстро дергал струну рояля,- к скрипичному писку мышей, к внезапной тишине, когда пес одним бесшумным прыжком выскакивал из будки, как тень, как гигантская ночная бабочка, вдруг вылетевшая на яркий свет. Он хватал свою жертву, вонзал в нее жало и возвращался в конуру, чтобы тут же затихнуть и умереть - как будто выключили рубильник.
Montag touched the muzzle. .	Монтэг коснулся морды пса.

The Hound growled.	Пес заворчал.
Montag jumped back.	Монтэг отпрянул.
The Hound half rose in its kennel and looked at him with green-blue neon light flickering in its suddenly activated eyebulbs.	Пес приподнялся в конуре и взглянул на Монтэга внезапно ожившими, полными зелено-синих неоновых искр глазами.
It growled again, a strange rasping combination of electrical sizzle, a frying sound, a scraping of metal, a turning of cogs that seemed rusty and ancient with suspicion.	Снова он заворчал - странный, режущий ухо звук, смесь электрического жужжания, шипения масла на сковороде и металлического скрежета, словно пришел в движение какой-то ветхий, давно заброшенный механизм, скрипучий от ржавчины и стариковской подозрительности.

"No, no, boy," said Montag, his heart pounding.	- Но-но, старик,- прошептал Монтэг, сердце у него бешено заколотилось.
He saw the silver needle extended upon the air an inch, pull back, extend, pull back.	Он увидел, как из морды собаки высунулась на дюйм игла, исчезла, снова высунулась, снова исчезла.
The growl simmered in the beast and it looked at him.	Где-то в чреве пса нарастало рычание, сверкающий взгляд был устремлен на Монтэга.
Montag backed up.	Монтэг попятился.
The Hound took a step from its kennel.	Пес сделал шаг из конуры.
Montag grabbed the brass pole with one hand.	Монтэг схватился рукой за шест.

The pole, reacting, slid upward, and took him through the ceiling, quietly.	Ответив на прикоснове-ние, шест взвился вверх и бесшумно пронес Монтэ-га через люк в потолке.
He stepped off in the half-lit deck of the upper level.	Он ступил на полутемную площадку верхнего эта-жа.

He was trembling and his face was green-white.	Он весь дрожал, лицо его покрылось землистой бледностью.
Below, the Hound had sunk back down upon its eight incredible insect legs and was humming to itself again, its multi-faceted eyes at peace.	Внизу пес затих и снова опустился на свои восемь неправдоподобных па-учьих лап, продолжая мягко гудеть: его много-гранные глаза-кристаллы снова погасли.

Montag stood, letting the fears pass, by the drop-hole.	Монтэг не сразу отошел от люка, он хотел сперва немного успокоиться.
Behind him, four men at a card table under a green-lidded light in the corner glanced briefly but said nothing.	За его спиной, в дальнем углу, у стола, освещенного лампой под зеленым абажуром, четверо мужчин играли в карты.
Only the man with the Captain's hat and the sign of the Phoenix on his hat, at last, curious, his playing cards in his thin hand, talked across the long room.	Они бегло взглянули на Монтэга. но никто из них не произнес ни слова. Только человек в шлеме брандмейстера, украшенном изображением феникса, державший карты в сухощавой руке, заинтересовался наконец и спросил из своего угла:
"Montag . . . ?"	- Что случилось, Монтэг?

"It doesn't like me," said Montag.	- Он меня не любит,- сказал Монтэг.
"What, the Hound?"	- Кто, пес?
The Captain studied his cards. "Come off it.	- Брандмейстер разглядывал карты в руке.-Брось-те.
It doesn't like or dislike.	Он не может любить или не любить.
It just 'functions.'	Он просто "функционирует".
It's like a lesson in ballistics.	Это как задача по баллистике.
It has a trajectory we decide for it.	Для него рассчитана траектория, и он следует по ней.
It follows through. It targets itself, homes itself, and cuts off.	Сам находит цель, сам возвращается обратно, сам выключается.

It's only copper wire, storage batteries, and electricity."	Медная проволока, аккумуляторы, электрическая энергия - вот и все, что в нем есть.
Montag swallowed.	Монтэг судорожно глотнул воздух.
"Its calculators can be set to any combination, so many amino acids, so much sulphur, so much butterfat and alkaline.	- Его обонятельную систему можно настроить на любую комбинацию - столько-то аминокислот, столько-то фосфора, столько-то жиров и щелочей.
Right?"	Так?
"We all know that."	- Ну, это всем известно.

"All of those chemical balances and percentages on all of us here in the house are recorded in the master file downstairs.	- Химический состав крови каждого из нас и процентное соотношение зарегистрированы в общей картотеке там, внизу.

It would be easy for someone to set up a partial combination on the Hound's 'memory,' a touch of amino acids, perhaps.	Что стоит кому-нибудь взять и настроить "память" механического пса на тот или другой состав - не полностью, а частично, ну хотя бы на аминокислоты?
That would account for what the animal did just now. Reacted toward me."	Этого достаточно, чтобы он сделал то, что сделал сейчас,- он реагировал на меня.
"Hell," said the Captain.	- Чепуха! - сказал брандмейстер.

"Irritated, but not completely angry.	- Он раздражен, но не разъярен окончательно.
Just enough 'memory' set up in it by someone so it growled when I touched it."	Кто-то настроил его "память" ровно настолько, чтобы он рычал, когда я прикасаюсь к нему.
"Who would do a thing like that?." asked the Captain. "You haven't any enemies here, Guy."	- Да кому пришло бы в голову это делать? - сказал брандмейстер.- У вас нет здесь врагов, Гай?
"None that I know of."	- Насколько мне известно, нет.
"We'll have the Hound checked by our technicians tomorrow.	- Завтра механики проверят пса.

"This isn't the first time it's threatened me," said Montag. "Last month it happened twice."	- Это уже не первый раз он рычит на меня,-продолжал Монтэг.- В прошлом месяце было дважды.
"We'll fix it up.	- Завтра все проверим.
Don't worry" But Montag did not move and only stood thinking of the ventilator grille in the hall at home and what lay hidden behind the grille.	Бросьте об этом думать. Но Монтэг продолжал стоять у люка. Он вдруг вспомнил о вентиляционной решетке в передней своего дома и о том, что было спрятано за ней.
If someone here in the firehouse knew about the ventilator then mightn't they "tell" the Hound . . . ?	А что, если кто-нибудь узнал об этом и "рассказал" псу?..

The Captain came over to the drop-hole and gave Montag a questioning glance.	Брандмейстер подошел к Монтэгу и вопроситель-но взглянул на него.
"I was just figuring," said Montag, "what does the Hound think about down there nights?	- Я пытаюсь представить себе,- сказал Монтэг,-о чем думает пес по ночам в своей конуре?
Is it coming alive on us, really?	Что он, правда, оживает, когда бросается на чело-века?
It makes me cold."	Это даже как-то страш-но.
"It doesn't think anything we don't want it to think."	- Он ничего не думает, кроме того, что мы в него вложили.

"That's sad," said Montag, quietly, "because all we put into it is hunting and finding and killing.	- Очень жаль,- тихо сказал Монтэг.- Потому что мы вкладываем в него только одно -преследовать, хватать, убивать.
What a shame if that's all it can ever know."' Beatty snorted, gently.	Какой позор, что мы ничему другому не можем его научить! Брандмейстер Битти презрительно фыркнул.
"Hell!	- Экой вздор!

It's a fine bit of craftsmanship, a good rifle that can fetch its own target and guarantees the bull's-eye every time."	Наш пес - это прекрасный образчик того что может создать человеческий гений. Усовершенствованное ружье, которое само находит цель и бьет без промаха.
"That's why," said Montag.	- Вот именно.

"I wouldn't want to be its next victim.	И мне, понимаете ли, не хочется стать его очередной жертвой,- сказал Монтэг.
"Why?	- Да почему вас это так беспокоит?
You got a guilty conscience about something?"	У вас совесть не чиста, Монтэг?
Montag glanced up swiftly.	Монтэг быстро вскинул глаза на брандмейстера Битти.
Beatty stood there looking at him steadily with his eyes, while his mouth opened and began to laugh, very softly.	Тот стоял, не сводя с него пристального взгляда, вдруг губы брандмейстера дрогнули, раздвинулись в широкой улыбке, и он залился тихим, почти беззвучным смехом.
One two three four five six seven days.	Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь дней.

And as many times he came out of the house and Clarisse was there somewhere in the world.	И каждый день, выходя из дому, он знал, что Кларисса где-то здесь, рядом.
Once he saw her shaking a walnut tree, once he saw her sitting on the lawn knitting a blue sweater, three or four times he found a bouquet of late flowers on his porch, or a handful of chestnuts in a little sack, or some autumn leaves neatly pinned to a sheet of white paper and thumbtacked to his door.	Один раз он видел, как она трясла ореховое дерево, в другой раз он видел ее сидящей на лужайке - она вязала синий свитер, три или четыре раза он находил на крыльце своего дома букетик осенних цветов, горсть каштанов в маленьком кулечке, пучок осенних листьев, аккуратно приколотый к листу белой бумаги и прикрепленный кнопкой к входной двери.

Every day Clarisse walked him to the corner.	И каждый вечер Кларисса провожала его до угла.
One day it was raining, the next it was clear, the day after that the wind blew strong, and the day after that it was mild and calm, and the day after that calm day was a day like a furnace of summer and Clarisse with her face all sunburnt by late afternoon.	Один день был дождливый, другой ясный, потом очень ветреный, а потом опять тихий и теплый, а после был день жаркий и душный, как будто вернулось лето, и лицо Клариссы покрылось легким загаром.
"Why is it," he said, one time, at the subway entrance, "I feel I've known you so many years?"	- Почему мне кажется,- сказал он, когда они дошли до входа в метро,- будто я уже очень давно вас знаю?

"Because I like you," she said, "and I don't want anything from you.	- Потому что вы мне нравитесь,- ответила она,- и мне ничего от вас не надо.
And because we know each other."	А еще потому, что мы понимаем друг друга.
"You make me feel very old and very much like a father."	- С вами я чувствую себя старым-престарым, как будто гожусь вам в отцы.
"Now you explain," she said, "why you haven't any daughters like me, if you love children so much?"	- Да? А скажите, почему у вас у самого нет дочки, такой вот, как я, раз вы так любите детей?
"I don't know."	- Не знаю.
"You're joking!"	- Вы шутите!

"I mean-" He stopped and shook his head. "Well, my wife, she . . . she just never wanted any children at all."	- Я хотел сказать...- он запнулся и покачал головой.- Видите ли, моя жена... Ну, одним словом, она не хотела иметь детей.
The girl stopped smiling.	Улыбка сошла с лица девушки.
"I'm sorry.	- Простите.
I really, thought you were having fun at my expense.	Я ведь, правда, подумала, что вы смеетесь надо мной.
I'm a fool."	Я просто дурочка.
"No, no," he said. "It was a good question.	- Нет-нет! - воскликнул он.- Очень хорошо, что вы спросили.
It's been a long time since anyone cared enough to ask.	Меня так давно никто об этом не спрашивал.

A good question."	Никому до тебя нет дела...
"Let's talk about something else.	Очень хорошо, что вы спросили.
Have you ever smelled old leaves?	- Ну, давайте поговорим о чем-нибудь другом.
Don't they smell like cinnamon?	Знаете, чем пахнут палые листья? Корицей!
Here. Smell."	Вот понюхайте.
"Why, yes, it is like cinnamon in a way."	- А ведь верно... Очень напоминает корицу.
She looked at him with her clear dark eyes.	Она подняла на него свои лучистые темные глаза.
"You always seem shocked."	- Как вы всегда удивляетесь!

"It's just I haven't had time--"	- Это потому, что раньше я никогда не замечал...
"Did you look at the stretched-out billboards like I told you?"	Не хватало времени... - А вы посмотрели на рекламные щиты?
"I think so.	Помните, я вам говорила?
Yes." He had to laugh.	- Посмотрел.- И невольно рассмеялся.
"Your laugh sounds much nicer than it did"	- Вы теперь уже гораздо лучше смеетесь.
"Does it?"	- Да? - Да.
"Much more relaxed."	Более непринужденно.
He felt at ease and comfortable.	У него вдруг стало легко и спокойно на сердце.

"Why aren't you in school?	- Почему вы не в школе?
I see you every day wandering around."	Целыми днями бродите одна, вместо того чтобы учиться?
"Oh, they don't miss me," she said. "I'm anti-social, they say.	- Ну, в школе по мне не скучают,- ответила девушка.- Видите ли. они говорят, что я необщительна.
I don't mix.	Будто бы я плохо схожусь с людьми.
It's so strange.	Странно.
I'm very social indeed.	Потому что на самом деле я очень общительна.

It all depends on what you mean by social, doesn't it?	Все зависит от того, что понимать под общением.

Social to me means talking about things like this." She rattled some chestnuts that had fallen off the tree in the front yard. "Or talking about how strange the world is.	По-моему, общаться с людьми - значит болтать вот как мы с вами.- Она подбросила на ладони несколько каштанов, которые нашла под деревом в саду.- Или разговаривать о том, как удивительно устроен мир.
Being with people is nice.	Я люблю бывать с людьми.
But I don't think it's social to get a bunch of people together and then not let them talk, do you?	Но собрать всех в кучу и не давать никому слова сказать - какое же это общение?

An hour of TV class, an hour of basketball or baseball or running, another hour of transcription history or painting pictures, and more sports, but do you know, we never ask questions, or at least most don't; they just run the answers at you, bing, bing, bing, and us sitting there for four more hours of film-teacher.	Урок по телевизору, урок баскетбола, бейсбола или бега, потом урок истории - что-то переписываем, или урок рисования - что-то перерисовываем, потом опять спорт. Знаете, мы в школе никогда не задаем вопросов. По крайней мере большинство. Сидим и молчим, а нас бомбардируют ответами - трах, трах, трах,- а потом еще сидим часа четыре и смотрим учебный фильм.
That's not social to me at all.	Где же тут общение?

It's a lot of funnels and a lot of water poured down the spout and out the bottom, and them telling us it's wine when it's not.	Сотня воронок, и в них по желобам льют воду только для того, чтобы она вылилась с другого конца.
They run us so ragged by the end of the day we can't do anything but go to bed or head for a Fun Park to bully people around, break windowpanes in the Window Smasher place or wreck cars in the Car Wrecker place with the big steel ball.	Да еще уверяют, будто это вино. К концу дня мы так устаем, что только и можем либо завалиться спать, либо пойти в парк развлечений - задевать гуляющих или бить стекла в специальном павильоне для битья стекол, или большим стальным мячом сшибать автомашины в тире для крушений.

Or go out in the cars and race on the streets, trying to see how close you can get to lamp-posts, playing 'chicken' and 'knock hub-caps.'	Или сесть в автомобиль и мчаться по улицам - есть, знаете, такая игра: кто ближе всех проскочит мимо фонарного столба или мимо другой машины.
I guess I'm everything they say I am, all right.	Да, они, должно быть, правы, я, наверно, такая и есть, как они говорят.
I haven't any friends.	У меня нет друзей.
That's supposed to prove I'm abnormal.	И это будто бы доказывает, что я ненормальная.
But everyone I know is either shouting or dancing around like wild or beating up one another.	Но все мои сверстники либо кричат и прыгают как сумасшедшие, либо колотят друг друга.

Do you notice how people hurt each other nowadays?"	Вы заметили, как теперь люди беспощадны друг к другу?
"You sound so very old."	- Вы рассуждаете, как старушка.
"Sometimes I'm ancient.	- Иногда я и чувствую себя древней старухой.
I'm afraid of children my own age.	Я боюсь своих сверстников.
They kill each other.	Они убивают друг друга.

Did it always used to be that way?	Неужели всегда так было?
My uncle says no.	Дядя говорит, что нет.
Six of my friends have been shot in the last year alone.	Только в этом году шесть моих сверстников были застрелены.

Ten of them died in car wrecks.	Десять погибли в автомобильных катастрофах.
I'm afraid of them and they don't like me because I'm afraid.	Я их боюсь, и они не любят меня за это.
My uncle says his grandfather remembered when children didn't kill each other.	Дядя говорит, что его дед помнил еще то время, когда дети не убивали друг друга.
But that was a long time ago when they had things different.	Но это было очень давно, тогда все было иначе.
They believed in responsibility, my uncle says.	Дядя говорит, тогда люди считали, что у каждого должно быть чувство ответственности.
Do you know, I'm responsible.	Кстати, у меня оно есть.

I was spanked when I needed it, years ago.	Это потому, что давно, когда я еще была маленькой, мне вовремя задали хорошую трепку.
And I do all the shopping and house-cleaning by hand.	Я сама делаю все покупки по хозяйству, сама убираю дом.
"But most of all," she said, "I like to watch people.	- Но больше всего,- сказала она,- я все-таки люблю наблюдать за людьми.
Sometimes I ride the subway all day and look at them and listen to them.	Иногда я целый день езжу в метро, смотрю на людей, прислушиваюсь к их разговорам.
I just want to figure out who they are and what they want and where they're going.	Мне хочется знать, кто они, чего хотят, куда едут.

Sometimes I even go to the Fun Parks and ride in the jet cars when they race on the edge of town at midnight and the police don't care as long as they're insured.	Иногда я даже бываю в парках развлечений или катаюсь в ракетных автомобилях, когда они в полночь мчатся по окраинам города. Полиция не обращает внимания, лишь бы они были застрахованы.
As long as everyone has ten thousand insurance everyone's happy.	Есть у тебя в кармане страховая квитанция на десять тысяч долларов, ну, значит, все в порядке и все счастливы и довольны.
Sometimes I sneak around and listen in subways.	Иногда я подслушиваю разговоры в метро.
Or I listen at soda fountains, and do you know what?"	Или у фонтанчиков с содовой водой. И знаете что?

"What?"	- Что?
"People don't talk about anything."	- Люди ни о чем не говорят.
"Oh, they must!"	- Ну как это может быть! - Да-да.
"No, not anything.	Ни о чем.
They name a lot of cars or clothes or swimming-pools mostly and say how swell!	Сыплют названиями - марки автомобилей, моды, плавательные бассейны и ко всему прибавляют: "Как шикарно!"

But they all say the same things and nobody says anything different from anyone else.	Все они твердят одно и то же. Как трещотки.

And most of the time in the cafes they have the jokeboxes on and the same jokes most of the time, or the musical wall lit and all the coloured patterns running up and down, but it's only colour and all abstract.	А ведь в кафе включают ящики анекдотов и слушают все те же старые остроты или включают музыкальную стену и смотрят, как по ней бегут цветные узоры, но ведь все это совершенно беспредметно, так - переливы красок.
And at the museums, have you ever been?	А картинные галереи?
All abstract.	Вы когда-нибудь заглядывали в картинные галереи?
That's all there is now.	Там тоже все беспредметно.
My uncle says it was different once.	Теперь другого не бывает. А когда-то, так говорит дядя, все было иначе.

A long time back sometimes pictures said things or even showed people."	Когда-то картины рассказывали о чем-то, даже показывали людей.
"Your uncle said, your uncle said.	- Дядя говорит то, дядя говорит это.
Your uncle must be a remarkable man."	Ваш дядя, должно быть, замечательный человек.
"He is. He certainly is.	- Конечно, замечательней.
Well, I've got to be going.	Ну, мне пора.
Goodbye, Mr. Montag."	До свидания, мистер Монтэг.
"Good-bye."	- До свидания.
"Good-bye...."	- До свидания...

One two three four five six seven days: the firehouse.	Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь дней. Пожарная станция.
"Montag, you shin that pole like a bird up a tree."	- Монтэг, вы прямо, как птичка, взлетаете по этому шесту.
Third day.	Третий день.
"Montag, I see you came in the back door this time.	- Монтэг, я вижу, вы сегодня пришли с черного хода.
The Hound bother you?"	Опять вас пес беспокоит?
"No, no."	- Нет-нет.
Fourth day.	Четвертый день.
"Montag, a funny thing.	- Монтэг, послушайте, какой случай!
Heard tell this morning.	Мне только сегодня рассказали.

Fireman in Seattle, purposely set a Mechanical Hound to his own chemical complex and let it loose.	В Сиэттле один пожарник умышленно настроил пса на свой химический комплекс и выпустил его из конуры.
What kind of suicide would you call that?"	Ничего себе - способ самоубийства!
Five six seven days.	Пятый, шестой, седьмой день.

And then, Clarisse was gone.	А затем Кларисса исчезла.
He didn't know what there was about the afternoon, but it was not seeing her somewhere in the world.	Сперва он даже не понял, чем отличается этот день от другого, а суть была в том, что нигде не видно было Клариссы.

The lawn was empty, the trees empty, the street empty, and while at first he did not even know he missed her or was even looking for her, the fact was that by the time he reached the subway, there were vague stirrings of un-ease in him.	Лужайка была пуста, деревья пусты, улицы пусты. И, прежде чем он сообразил, чего ему не хватает, прежде чем он начал искать пропавшую, ему уже стало не по себе, подходя к метро, он был уже во власти смутной тревоги.
Something was the matter, his routine had been disturbed.	Что-то случилось, нарушился какой-то порядок, к которому он привык.
A simple routine, true, established in a short few days, and yet . . . ?	Правда, порядок этот был так прост и несложен и установился всего несколько дней тому назад, а все-таки...

He almost turned back to make the walk again, to give her time to appear.	Он чуть не повернул обратно. Может быть, пройти еще раз весь путь от дома до метро?
He was certain if he tried the same route, everything would work out fine.	Он был уверен, что если пройдет еще раз, Кларисса нагонит его и все станет по-прежнему.
But it was late, and the arrival of his train put a stop to his plan.	Но было уже поздно, и подошедший поезд положил конец его колебаниям.

The flutter of cards, motion of hands, of eyelids, the drone of the time-voice in the firehouse ceiling ". . . one thirty-five. Thursday morning, November 4th,... one thirtysix . . . one thirty-seven a.m... " The tick of the playing-cards on the greasy table-top, all the sounds came to Montag, behind his closed eyes, behind the barrier he had momentarily erected.	Шелест карт, движение рук, вздрагивание век, голос говорящих часов, монотонно возвещающих с потолка дежурного помещения пожарной станции: "...час тридцать пять минут утра, четверг, ноября четвертого... час тридцать шесть минут... час тридцать семь минут..." Шлепанье карт о засаленный стол. Звуки долетали до Монтэга, несмотря на плотно закрытые веки - хрупкий барьер, которым он пытался на миг защититься.

He could feel the firehouse full of glitter and shine and silence, of brass colours, the colours of coins, of gold, of silver: The unseen men across the table were sighing on their cards, waiting. ". . .one forty-five..." The voice-clock mourned out the cold hour of a cold morning of a still colder year.	Но и с закрытыми глазами он ясно ощущал все, что было вокруг: начищенную медь и бронзу, сверкание ламп, тишину пожарной станции. И блеск золотых и серебряных монет на столе. Сидящие через стол от него люди, которых он сейчас не видел, глядели в свои карты, вздыхали, ждали. "...Час сорок пять минут..." Г оворящие часы, казалось, оплакивали уходящие минуты неприветливого утра и еще более неприветливого года.
"What's wrong, Montag?"	- Что с вами, Монтэг?
Montag opened his eyes.	Монтэг открыл глаза.

A radio hummed somewhere. "... war may be declared any hour.	Где-то хрипело радио: - В любую минуту может быть объявлена война.
This country stands ready to defend its--" The firehouse trembled as a great flight of jet planes whistled a single note across the black morning sky.	Страна готова защищать свои... Здание станции задрожало: эскадрилья ракетных бомбардировщиков со свистом прорезала черное предрассветное небо.

Montag blinked.	Монтэг растерянно заморгал.
Beatty was looking at him as if he were a museum statue.	Битти разглядывал его, как музейный экспонат.

At any moment, Beatty might rise and walk about him, touching, exploring his guilt and selfconsciousness.	Вот он сейчас встанет, подойдет, прикоснется к Монтэгу, вскроет его вину, причину его мучений.
Guilt?	Вину?
What guilt was that?	Но в чем же его вина?
"Your play, Montag."	- Ваш ход, Монтэг.
Montag looked at these men whose faces were sunburnt by a thousand real and ten thousand imaginary fires, whose work flushed their cheeks and fevered their eyes.	Монтэг взглянул на сидящих перед ним людей. Их лица были опалены огнем тысячи настоящих и десятка тысяч воображаемых пожаров, их профессия окрасила неестественным румянцем их щеки, воспалила глаза.

These men who looked steadily into their platinum igniter flames as they lit their eternally burning black pipes.	Они спокойно, не щурясь и не моргая, глядели на огонь платиновых зажигалок, раскуривая свои неизменные черные трубки.
They and their charcoal hair and soot-coloured brows and bluish-ash-smeared cheeks where they had shaven close; but their heritage showed.	Угольно-черные волосы и черные, как сажа, брови, синеватые щеки, гладко выбритые и вместе с тем как будто испачканные золой -клеймо наследственного ремесла!
Montag started up, his mouth opened.	Монтэг вздрогнул и замер, приоткрыв рот,-странная мысль пришла ему в голову.

Had he ever seen a fireman that didn't have black hair, black brows, a fiery face, and a blue-steel shaved but unshaved look?	Да видел ли он когда-нибудь пожарного, у которого не было бы черных волос, черных бровей, воспаленно-красного лица и этой стальной синевы гладко выбритых и вместе с тем как будто давно не бритых щек?
These men were all mirror-images of himself!	Эти люди были как две капли воды похожи на него самого!
Were all firemen picked then for their looks as well as their proclivities?	Неужели в пожарные команды людей подбирали не только по склонности, но и по внешнему виду?

The colour of cinders and ash about them, and the continual smell of burning from their pipes.	В их лицах не было иных цветов и оттенков, кроме цвета золы и копоти, их постоянно сопровождал запах гари, исходивший от их вечно дымящихся трубок.
Captain Beatty there, rising in thunderheads of tobacco smoke.	Вот, окутанный облаком табачного дыма, встает брандмейстер Битти.
Beatty opening a fresh tobacco packet, crumpling the cellophane into a sound of fire.	Берет новую пачку табака, открывает ее - целлофановая обертка рвется с треском, напоминающим треск пламени.
Montag looked at the cards in his own hands.	Монтэг опустил глаза на карты, зажатые в руке.
"I-I've been thinking.	- Я... я задумался.

About the fire last week. About the man whose library we fixed.	Вспомнил пожар на прошлой неделе и того человека, чьи книги мы тогда сожгли.
What happened to him?"	Что с ним сделали?
"They took him screaming off to the asylum"	- Отправили в сумасшедший дом. Орал как оглашенный.
"He. wasn't insane."	- Но он же не сумасшедший!
Beatty arranged his cards quietly.	Битти молча перетасовывал карты.
"Any man's insane who thinks he can fool the Government and us."	- Если человек думает, что можно обмануть правительство и нас, он сумасшедший.

"I've tried to imagine," said Montag, "just how it would feel.	- Я пытался представить себе,- сказал Монтэг,-что должны чувствовать люди в таком положении.
I mean to have firemen burn our houses and our books."	Например, если бы пожарные стали жечь наши дома и наши книги.
"We haven't any books."	- У нас нет книг.
"But if we did have some."	- Но если б были!
"You got some?"	- Может, у вас есть?
Beatty blinked slowly.	Битти медленно поднял и опустил веки.

"No." Montag gazed beyond them to the wall with the typed lists of a million forbidden books.	- У меня нет,- сказал Монтэг и взглянул мимо сидящих у стола людей на стену, где висели отпечатанные на машинке списки запрещенных книг.
Their names leapt in fire, burning down the years under his axe and his hose which sprayed not water but kerosene. "No." But in his mind, a cool wind started up and blew out of the ventilator grille at home, softly, softly, chilling his face.	Названия этих книг вспыхивали в огнях пожаров, когда годы и века рушились под ударами его топора и, политые струей керосина из шланга в его руках, превращались в пепел.- Нет,-повторил он и тотчас почувствовал на щеке прохладное дуновение. Снова он стоял в передней своего дома, и струя воздуха из знакомой вентиляционной решетки холодила ему лицо.

And, again, he saw himself in a green park talking to an old man, a very old man, and the wind from the park was cold, too.	И снова он сидел в парке и разговаривал со старым, очень старым человеком. В парке тоже дул прохладный ветер...
Montag hesitated,	С минуту Монтэг не решался, потом спросил:
"Was-was it always like this?	- Всегда ли... всегда ли было так?
The firehouse, our work?	Пожарные станции и наша работа?
I mean, well, once upon a time..."	Когда-то, давным-давно...
"Once upon a time!" Beatty said. "What kind of talk is THAT?"	- Когда-то, давным-давно!..- воскликнул Битти.- Это еще что за слова?

Fool, thought Montag to himself, you'll give it away.	"Глупец, что я говорю,- подумал Монтэг.- Я выдаю себя".

At the last fire, a book of fairy tales, he'd glanced at a single line.	На последнем пожаре в руки ему попалась книжка детских сказок, он прочел первую строчку...
"I mean," he said, "in the old days, before homes were completely fireproofed " Suddenly it seemed a much younger voice was speaking for him.	- Я хотел сказать, в прежнее время,- промолвил он.- Когда дома еще не были несгораемыми...- и вдруг ему почудилось, что эти слова произносит не он, он слышал чей-то другой, более молодой голос.

He opened his mouth and it was Clarisse McClellan saying, "Didn't firemen prevent fires rather than stoke them up and get them going?"	Он только открывал рот, но говорила за него Кларисса Маклеллан.- Разве тогда пожарные не тушили пожары, вместо того чтобы разжигать их?
"That's rich!"	- Вот это здорово!
Stoneman and Black drew forth their rulebooks, which also contained brief histories of the Firemen of America, and laid them out where Montag, though long familiar with them, might read:	- Стоунмен и Блэк оба разом, как по команде, выхватили из карманов книжки уставов и положили их перед Монтэгом. Кроме правил, в них давалась краткая история пожарных команд Америки, и теперь книжки были раскрыты именно на этой хорошо знакомой Монтэгу странице:

"Established, 1790, to burn English-influenced books in the Colonies.	"Основаны в 1790 году для сожжения проанглийской литературы в колониях.
First Fireman: Benjamin Franklin." RULE 1.	Первый пожарный - Бенджамин Франклин. Правило 1.
Answer the alarm swiftly.	По сигналу тревоги выезжай немедленно.
2.	2.
Start the fire swiftly.	Быстро разжигай огонь.
3.	3.
Burn everything.	Сжигай все дотла.
4.	4.
Report back to firehouse immediately.	Выполнив задание, тотчас возвращайся на пожарную станцию.

5.	5.
Stand alert for other alarms.	Будь готов к новым сигналам тревоги".
Everyone watched Montag.	Все смотрели на Монтэга.
He did not move.	Он не шелохнулся.
The alarm sounded.	Вдруг завыл сигнал тревоги.
The bell in the ceiling kicked itself two hundred times.	Колокол под потолком дежурного помещения заколотил, отбивая свои двести ударов.
Suddenly there were four empty chairs.	Четыре стула мгновенно опустели.
The cards fell in a flurry of snow.	Карты, как снег, посыпались на пол.
The brass pole shivered.	Медный шест задрожал.

The men were gone.	Люди исчезли.
Montag sat in his chair.	Монтэг продолжал сидеть.
Below, the orange dragon coughed into life.	Внизу зафыркал, оживая, оранжевый дракон.
Montag slid down the pole like a man in a dream.	Монтэг встал со стула и, словно во сне, спустился вниз по шесту.
The Mechanical Hound leapt up in its kennel, its eyes all green flame.	Механический пес встрепенулся в своей конуре, глаза его вспыхнули зелеными огнями.
"Montag, you forgot your helmet!"	- Монтэг, вы забыли свой шлем!

He seized it off the wall behind him, ran, leapt, and they were off, the night wind hammering about their siren scream and their mighty metal thunder !	Монтэг сорвал со стены шлем, побежал, прыгнул на подножку, и машина помчалась. Ночной ветер разносил во все стороны рев сирены и могучий грохот металла.
It was a flaking three-storey house in the ancient part of the city, a century old if it was a day, but like all houses it had been given a thin fireproof plastic sheath many years ago, and this preservative shell seemed to be the only thing holding it in the sky.	Это был облупившийся трехэтажный дом в одном из старых кварталов. Он простоял здесь, наверно, не меньше столетия. В свое время, как и все дома в городе, он был покрыт тонким слоем огнеупорного состава, и казалось, только эта хрупкая предохранительная скорлупа спасла его от окончательного разрушения.

"Here we are !"	- Приехали!..
The engine slammed to a stop.	Мотор еще раз фыркнул и умолк.
Beatty, Stoneman, and Black ran up the sidewalk, suddenly odious and fat in the plump fireproof slickers.	Битти, Стоунмен и Блэк уже бежали к дому, уродливые и неуклюжие в своих толстых огнеупорных комбинезонах.
Montag followed.	Монтэг побежал за ними.
They crashed the front door and grabbed at a woman, though she was not running, she was not trying to escape.	Они ворвались в дом. Схватили женщину, хотя она и не пыталась бежать или прятаться.

She was only standing, weaving from side to side, her eyes fixed upon a nothingness in the wall as if they had struck her a terrible blow upon the head.	Она стояла, покачиваясь, глядя на пустую стену перед собой, словно оглушенная ударом по голове.
Her tongue was moving in her mouth, and her eyes seemed to be trying to remember something, and then they remembered and her tongue moved again:	Губы ее беззвучно шевелились, в глазах было такое выражение, как будто она старалась что-то вспомнить и не могла. Наконец вспомнила, и губы ее, дрогнув, произнесли:

'Play the man, Master Ridley; we shall this day light such a candle, by God's grace, in England, as I trust shall never be put out.' "	- "Будьте мужественны, Ридли. Божьей милостью мы зажжем сегодня в Англии такую свечу, которую, я верю, им не погасить никогда".
"Enough of that!" said Beatty. "Where are they?"	- Довольно! - сказал Битти.- Где они?
He slapped her face with amazing objectivity and repeated the question.	С величайшим равнодушием он ударил женщину по лицу и повторил свой вопрос.
The old woman's eyes came to a focus upon Beatty.	Старая женщина перевела взгляд на Битти.

"You know where they are or you wouldn't be here," she said.	- Вы знаете, где они, иначе вы не были бы здесь,-промолвила она.

Stoneman held out the telephone alarm card with the complaint signed in telephone duplicate on the back	Стоунмен протянул записанную на карточке телефонограмму:
"Have reason to suspect attic; 11 No. Elm, City. — E.	"Есть основания подозревать чердак дома No 11 по Элм-Стрит".
B."	Внизу вместо подписи стояли инициалы "Э. Б.".
"That would be Mrs. Blake, my neighbour;" said the woman, reading the initials.	- Это, должно быть, миссис Блейк, моя соседка,-сказала женщина, взглянув на инициалы.

"All right, men, let's get 'em!"	- Ну хорошо, ребята. За работу!
Next thing they were up in musty blackness, swinging silver hatchets at doors that were, after all, unlocked, tumbling through like boys all rollick and shout.	И в следующее мгновение пожарные уже бежали по лестнице, размахивая сверкающими топориками в застоявшейся темноте пустых комнат, взламывали незапертые двери, натыкаясь друг на друга, шумя и крича, как ватага разбушевавшихся мальчишек:
"Hey! " A fountain of books sprang down upon Montag as he climbed shuddering up the sheer stairwell.	- Эй! Эй! Лавина книг обрушилась на Монтэга, когда он с тяжелым сердцем, содрогаясь всем своим существом, поднимался вверх по крутой лестнице. Как нехорошо получилось!
How inconvenient!	Раньше всегда проходило гладко...

Always before it had been like snuffing a candle.	Все равно как снять нагар со свечи.
The police went first and adhesive-taped the victim's mouth and bandaged him off into their glittering beetle cars, so when you arrived you found an empty house.	Первыми являлись полицейские, заклеивали жертве рот липким пластырем и, связав ее, увозили куда-то в своих блестящих жуках-автомобилях.
You weren't hurting anyone, you were hurting only things!	Когда приезжали пожарные, дом был уже пуст.

And since things really couldn't be hurt, since things felt nothing, and things don't scream or whimper, as this woman might begin to scream and cry out, there was nothing to tease your conscience later. You were simply cleaning up.	Никому не причиняли боли, только разрушали вещи. А вещи не чувствуют боли, они не кричат и не плачут, как может закричать и заплакать эта женщина, так что совесть тебя потом не мучила.
Janitorial work, essentially.	Обыкновенная уборка, работа дворника.
Everything to its proper place.	Живо, все по порядку!
Quick with the kerosene!	Керосин сюда!
Who's got a match!	У кого спички?

But now, tonight, someone had slipped.	Но сегодня кто-то допустил ошибку.
This woman was spoiling the ritual.	Эта женщина тем, что была здесь, нарушила весь ритуал.
The men were making too much noise, laughing, joking to cover her terrible accusing silence below.	И поэтому все старались как можно больше шуметь, громко разговаривать, шутить, смеяться, чтобы заглушить страшный немой укор ее молчания.

She made the empty rooms roar with accusation and shake down a fine dust of guilt that was sucked in their nostrils as they plunged about.	Казалось, она заставила пустые стены вопить от возмущения, сбрасывать на мечущихся по комнатам людей тонкую пыль вины, которая лезла им в ноздри, въедалась в душу...

It was neither cricket nor correct.	Непорядок! Неправильно!
Montag felt an immense irritation.	Монтэг вдруг обозлился.
She shouldn't be here, on top of everything!	Только этого ему не хватало, ко всему остальному! Эта женщина! Она не должна была быть здесь!
Books bombarded his shoulders, his arms, his upturned face A book alighted, almost obediently, like a white pigeon, in his hands, wings fluttering.	Книги сыпались на плечи и руки Монтэга, на его обращенное кверху лицо. Вот книга, как белый голубь, трепеща крыльями, послушно опустилась прямо ему в руки.

In the dim, wavering light, a page hung.open and it was like a snowy feather, the words delicately painted thereon.	В слабом неверном свете открытая страница мелькнула, словно белоснежное перо с начертанным на нем узором слов.
In all the rush and fervour, Montag had only an instant to read a line, but it blazed in his mind for the next minute as if stamped there with fiery steel.	В спешке и горячке работы Монтэг лишь на мгновение задержал на ней взор, но строчки, которые он прочел, огнем обожгли его мозг и запечатлелись в нем, словно выжженные раскаленным железом:
"Time has fallen asleep in the afternoon sunshine."	"И время, казалось, дремало в истоме под полуденным солнцем".
He dropped the book.	Он уронил книгу на пол.
Immediately, another fell into his arms.	И сейчас же другая упала ему в руки.

"Montag, up here! " Montag's hand closed like a mouth, crushed the book with wild devotion, with an insanity of mindlessness to his chest.	- Эй, там, внизу! Монтэг! Сюда! Рука Монтэга сама собой стиснула книгу. Самозабвенно, бездумно, безрассудно он прижал ее к груди.
The men above were hurling shovelfuls of magazines into the dusty air.	Над его головой на чердаке, подымая облака пыли, пожарники ворошили горы журналов, сбрасывая их вниз.
They fell like slaughtered birds and the woman stood below, like a small girl, among the bodies.	Журналы падали, словно подбитые птицы, а женщина стояла среди этих мертвых тел смирно, как маленькая девочка.
Montag had done nothing.	Нет, он, Монтэг, ничего не сделал.

His hand had done it all, his hand, with a brain of its own, with a conscience and a curiosity in each trembling finger, had turned thief..	Все сделала его рука. У его руки был свой мозг, своя совесть, любопытство в каждом дрожащем пальце, и эта рука вдруг стала вором.
Now, it plunged the book back under his arm, pressed it tight to sweating armpit, rushed out empty, with a magician's flourish!	Вот она сунула книгу под мышку, крепко прижала ее к потному телу и вынырнула уже пустая... Ловкость, как у фокусника!
Look here! Innocent!	Смотрите, ничего нет!
Look!	Пожалуйста! Ничего!

He gazed, shaken, at that white hand. He held it way out, as if he were far-sighted. He held it close, as if he were blind.	Потрясенный, он разглядывал эту белую руку, то отводя ее подальше, как человек, страдающий дальнозоркостью, то поднося к самому лицу, как слепой.
"Montag! " He jerked about.	- Монтэг! Вздрогнув, он обернулся.
"Don't stand there, idiot!"	- Что вы там встали, идиот! Отойдите!
The books lay like great mounds of fishes left to dry.	Книги лежали, как груды свежей рыбы, сваленной на берег для просолки.
The men danced and slipped and fell over them.	Пожарные прыгали через них, поскользнувшись падали.
Titles glittered their golden eyes, falling, gone.	Вспыхивали золотые глаза тисненых заглавий, падали, гасли...

"Kerosene!	- Керосин!
They pumped the cold fluid from the numbered 451 tanks strapped to their shoulders.	Включили насосы, и холодные струи керосина вырвались из баков с цифрой 451 - у каждого пожарного за спиной был прикреплен такой бак.
They coated each book, they pumped rooms full of it.	Они облили керосином каждую книгу, залили все комнаты.
They hurried downstairs, Montag staggered after them in the kerosene fumes.	Затем торопливо спустились по лестнице. Задыхаясь от керосиновых испарений, Монтэг, спотыкаясь, шел сзади.
"Come on, woman!"	- Выходите! - крикнули они женщине.- Скорее!

The woman knelt among the books, touching the drenched leather and cardboard, reading the gilt titles with her fingers while her eyes accused Montag.	Она стояла на коленях среди разбросанных книг, нежно касалась пальцами облитых керосином переплетов, ощупывала тиснение заглавий, и глаза ее с гневным укором глядели на Монтэга.
"You can't ever have my books," she said.	- Не получить вам моих книг,- наконец выговорила она.
"You know the law," said Beatty. "Where's your common sense?	- Закон вам известен,- ответил Битти.- Где ваш здравый смысл?
None of those books agree with each other.	В этих книгах все противоречит одно другому.

You've been locked up here for years with a regular damned Tower of Babel.	Настоящая вавилонская башня! И вы сидели в ней взаперти целые годы. Бросьте все это.
Snap out of it!	Выходите на волю.
The people in those books never lived.	Люди, о которых тут написано, никогда не существовали.
Come on now! " She shook her head.	Ну. идем! Женщина отрицательно покачала головой.
"The whole house is going up;" said Beatty, The men walked clumsily to the door.	- Сейчас весь дом загорится,- сказал Битти. Пожарные неуклюже пробирались к выходу.
They glanced back at Montag, who stood near the woman.	Они оглянулись на Монтэга, который все еще стоял возле женщины.

"You're not leaving her here?" he protested.	- Нельзя же бросить ее здесь! - возмущенно крикнул Монтэг.
"She won't come."	- Она не хочет уходить.
"Force her, then!"	- Надо ее заставить!
Beatty raised his hand in which was concealed the igniter.	Битти поднял руку с зажигалкой.
"We're due back at the house.	- Нам пора возвращаться на пожарную станцию.
Besides, these fanatics always try suicide; the pattern's familiar."	А эти фанатики всегда стараются кончить самоубийством. Дело известное.
Montag placed his hand on the woman's elbow.	Монтэг взял женщину за локоть.

"You can come with me."	- Пойдемте со мной.
"No," she said. "Thank you, anyway."	- Нет,- сказала она. - Но вам - спасибо!
"I'm counting to ten," said Beatty. "One. Two."	- Я буду считать до десяти,- сказал Битти.- Раз, два...
"Please," said Montag.	- Пожалуйста,- промолвил Монтэг, обращаясь к женщине.
"Go on," said the woman.	- Уходите,- ответила она.
"Three.	- Три.
Four."	Четыре...
"Here." Montag pulled at the woman.	- Ну, прошу вас,- Монтэг потянул женщину за собой.

The woman replied quietly, "I want to stay here"	- Я останусь здесь,- тихо ответила она.
"Five.	- Пять.
Six."	Шесть...-считал Битти.
"You can stop counting," she said. She opened the fingers of one hand slightly and in the palm of the hand was a single slender object.	- Можете дальше не считать,- сказала женщина и разжала пальцы - на ладони у нее лежала крохотная тоненькая палочка.
An ordinary kitchen match.	Обыкновенная спичка.
The sight of it rushed the men out and down away from the house.	Увидев ее, пожарные опрометью бросились вон из дома.

Captain Beatty, keeping his dignity, backed slowly through the front door, his pink face burnt and shiny from a thousand fires and night excitements.	Брандмейстер Битти, стараясь сохранить достоинство, медленно пятился к выходу. Его багровое лицо лоснилось и горело блеском тысячи пожаров и ночных тревог.
God, thought Montag, how true!	"Господи,- подумал Монтэг.- а ведь правда!
Always at night the alarm comes.	Сигналы тревоги бывают только ночью.
Never by day!	И никогда днем.
Is it because the fire is prettier by night? More spectacle, a better show?	Почему? Неужели только потому, что ночью пожар красивое, эффектное зрелище?"

The pink face of Beatty now showed the faintest panic in the door.	На красном лице Битти, замешкавшегося в дверях, мелькнул испуг.
The woman's hand twitched on the single matchstick.	Рука женщины сжимала спичку.
The fumes of kerosene bloomed up about her.	Воздух был пропитан парами керосина.
Montag felt the hidden book pound like a heart against his chest.	Спрятанная книга трепетала у Монтэга под мышкой, толкалась в его грудь, как живое сердце.

"Go on," said the woman, and Montag felt himself back away and away out of the door, after Beatty, down the steps, across the lawn, where the path of kerosene lay like the track of some evil snail.	- Уходите,- сказала женщина. Монтэг почувствовал, что пятится к двери следом за Битти, потом вниз по ступенькам и дальше, дальше, на лужайку, где, как след гигантского червя, пролегала темная полоска керосина.
On the front porch where she had come to weigh them quietly with her eyes, her quietness a condemnation, the woman stood motionless.	Женщина шла за ними. На крыльце она остановилась и окинула их долгим спокойным взглядом.
Beatty flicked his fingers to spark the kerosene.	Ее молчание осуждало их. Битти щелкнул зажигалкой.
He was too late.	Но он опоздал.

Montag gasped.	Монтэг замер от ужаса.
The woman on the porch reached out with contempt for them all, and struck the kitchen match against the railing.	Стоявшая на крыльце женщина, бросив на них взгляд, полный презрения, чиркнула спичкой о перила.
People ran out of houses all down the street.	Из домов на улицу выбегали люди.
They said nothing on their way back to the firehouse. Nobody looked at anyone else.	Обратно ехали молча, не глядя друг на друга.
Montag sat in the front seat with Beatty and Black.	Монтэг сидел впереди, вместе с Битти и Блэком.

They did not even smoke their pipes. They sat there looking out of the front of the great salamander as they turned a corner and went silently on.	Они даже не курили трубок, только молча глядели вперед, на дорогу. Мощная Саламандра круто сворачивала на перекрестках и мчалась дальше.
"Master Ridley," said Montag at last.	- Ридли,- наконец произнес Монтэг.
"What?" said Beatty.	- Что? - спросил Битти.
"She said, 'Master Ridley.'	- Она сказала "Ридли".
She said some crazy thing when we came in the door. 'Play the man,' she said, 'Master Ridley.'	Она что-то странное говорила, когда мы вошли в дом: "Будьте мужественны, Ридли".

Something, something, something." " 'We shall this day light such a candle, by God's grace, in England, as I trust shall never be put out,"' said Beatty.	И еще что-то... Что-то еще... - "Божьей милостью мы зажжем сегодня в Англии такую свечу, которую, я верю, им не погасить никогда",- промолвил Битти.
Stoneman glanced over at the Captain, as did Montag, startled.	Стоунмен и Монтэг изумленно взглянули на брандмейстера.
Beatty rubbed his chin.	Битти задумчиво потер подбородок.

"A man named Latimer said that to a man named Nicholas Ridley, as they were being burnt alive at Oxford, for heresy, on October 16, 1555."	- Человек по имени Латимер сказал это человеку, которого звали Николас Ридли, когда их сжигали заживо на костре за ересь в Оксфорде шестнадцатого октября тысяча пятьсот пятьдесят пятого года.

Montag and Stoneman went back to looking at the street as it moved under the engine wheels.	Монтэг и Стоунмен снова перевели взгляд на мостовую, быстро мелькавшую под колесами машины.
"I'm full of bits and pieces," said Beatty. "Most fire captains have to be.	- Я начинен цитатами, всякими обрывками,- сказал Битти.- У брандмейстеров это не редкость.
Sometimes I surprise myself. WATCH it, Stoneman!"	Иногда сам себе удивляюсь. Не зевайте, Стоунмен!
Stoneman braked the truck.	Стоунмен нажал на тормоза.
"Damn!" said Beatty. "You've gone right by the comer where we turn for the firehouse."	- Черт! - воскликнул Битти.- Проехали наш, поворот.

"Who is it?"	- Кто там?
"Who would it be?" said Montag, leaning back against the closed door in the dark.	- Кому же быть, как не мне?- отозвался из темноты Монтэг. Он затворил за собой дверь спальни и устало прислонился к косяку.
His wife said, at last,	После небольшой паузы жена наконец сказала:
"Well, put on the light."	- Зажги свет.
"I don't want the light."	- Мне не нужен свет.
"Come to bed."	- Тогда ложись спать.
He heard her roll impatiently; the bedsprings squealed.	Он слышал, как она недовольно заворочалась на постели, жалобно застонали пружины матраца.
"Are you drunk?" she said.	- Ты пьян?- спросила она.

So it was the hand that started it all.	Так вот значит как это вышло!
He felt one hand and then the other work his coat free and let it slump to the floor.	Во всем виновата его рука.
He held his pants out into an abyss and let them fall into darkness.	Он почувствовал, что его руки - сначала одна, потом другая - стащили с плеч куртку, бросили ее на пол.
His hands had been infected, and soon it would be his arms.	Снятые брюки повисли в его руках, и он равнодушно уронил их в темноту, как в пропасть.

He could feel the poison working up his wrists and into his elbows and his shoulders, and then the jump-over from shoulder-blade to shoulder-blade like a spark leaping a gap.	Кисти его рук поражены заразой, скоро она поднимется выше, к локтям, захватит плечи, перекинется, как искра, с одной лопатки на другую.
His hands were ravenous.	Его руки охвачены ненасытной жадностью.

And his eyes were beginning to feel hunger, as if they must look at something, anything, everything.	И теперь эта жадность передалась уже и его глазам: ему вдруг захотелось глядеть и глядеть, не переставая, глядеть на что-нибудь, безразлично, на что, глядеть на все...
His wife said, "What are you doing?"	- Что ты там делаешь?- спросила жена.

He balanced in space with the book in his sweating cold fingers.	Он стоял, пошатываясь в темноте, зажав книгу в холодных, влажных от пота пальцах.
A minute later she said,	Через минуту жена снова сказала:
"Well, just don't stand there in the middle of the floor."	- Ну! Долго ты еще будешь вот так стоять посреди комнаты?
He made a small sound.	Из груди его вырвался какой-то невнятный звук.
"What?" she asked.	- Ты что-то сказал?- спросила жена.
He made more soft sounds.	Снова неясный звук слетел с его губ.

He stumbled towards the bed and shoved the book clumsily under the cold pillow.	Спотыкаясь, ощупью добрался он до своей кровати, неловко сунул книгу под холодную как лед подушку, тяжело повалился на постель.
He fell into bed and his wife cried out, startled.	Его жена испуганно вскрикнула.
He lay far across the room from her, on a winter island separated by an empty sea.	Но ему казалось, что она где-то далеко, в другом конце комнаты, что его постель - это ледяной остров среди пустынного моря.

She talked to him for what seemed a long while and she talked about this and she talked about that and it was only words, like the words he had heard once in a nursery at a friend's house, a two-year-old child building word patterns, talking jargon, making pretty sounds in the air.	Жена что-то говорила ему, говорила долго, то об одном, то о другом, но для него это были только слова, без связи и без смысла. Однажды в доме приятеля он слышал, как, вот так же лепеча, двухлетний малыш выговаривал какие-то свои детские словечки, издавал приятные на слух, но ничего не значащие звуки...

But Montag said nothing and after a long while when he only made the small sounds, he felt her move in the room and come to his bed and stand over him and put her hand down to feel his cheek.	Монтэг молчал. Когда невнятный стон снова слетел с его уст, Милдред встала и подошла к его постели. Наклонившись, она коснулась его щеки.
He knew that when she pulled her hand away from his face it was wet.	И Монтэг знал, что, когда Милдред отняла руку, ладонь у нее была влажной.
Late in the night he looked over at Mildred.	Позже ночью он поглядел на Милдред.
She was awake.	Она не спала.

There was a tiny dance of melody in the air, her Seashell was tamped in her ear again and she was listening to far people in far places, her eyes wide and staring at the fathoms of blackness above her in the ceiling.	Чуть слышная мелодия звенела в воздухе - в ушах у нее опять были "Ракушки", и опять она слушала далекие голоса из далеких стран. Ее широко открытые глаза смотрели в потолок, в толщу нависшей над нею тьмы.
Wasn't there an old joke about the wife who talked so much on the telephone that her desperate husband ran out to the nearest store and telephoned her to ask what was for dinner?	Он вспомнил избитый анекдот о жене, которая так много разговаривала по телефону, что ее муж, желавший узнать, что сегодня на обед, вынужден был побежать в ближайший автомат и позвонить ей оттуда.

Well, then, why didn't he buy himself an audio-Seashell broadcasting station and talk to his wife late at night, murmur, whisper, shout, scream, yell?	Не купить ли и ему, Монтэгу, портативный передатчик системы "Ракушка", чтобы по ночам разговаривать со своей женой, нашептывать ей на ухо. кричать, вопить, орать?
But what would he whisper, what would he yell?	Но что нашептывать? О чем кричать?
What could he say?	Что мог он сказать ей?
And suddenly she was so strange he couldn't believe he knew her at all.	И вдруг она показалась ему такой чужой, как будто он никогда раньше ее и в глаза не видел.

He was in someone else's house, like those other jokes people told of the gentleman, drunk, coming home late at night, unlocking the wrong door, entering a wrong room, and bedding with a stranger and getting up early and going to work and neither of them the wiser.	Просто он по ошибке попал в чей-то дом, как тот человек в анекдоте, который, возвращаясь ночью пьяный, открыл чужую дверь, вошел в чужой дом и улегся в постель рядом с чужой женой, а рано утром встал и ушел на работу, и ни он, ни женщина так ничего и не заметили...
"Millie.... ?" he whispered.	- Милли! - прошептал он.
"What?"	- Что?..
"I didn't mean to startle you.	- Не пугайся!
What I want to know is ...."	Я Только хотел спросить...

"Well?"	- Ну?
"When did we meet. And where?"	- Когда мы встретились и где?
"When did we meet for what?" she asked.	- Для чего встретились?- спросила она.
"I mean-originally."	- Да нет! Я про нашу первую встречу.
He knew she must be frowning in the dark.	Он знал, что сейчас она недовольно хмурится в темноте.
He clarified it.	Он пояснил:
"The first time we ever met, where was it, and when?"	- Ну, когда мы с тобой в первый раз увидели друг друга. Где это было и когда?
"Why, it was at --" She stopped. "I don't know," she said.	- Это было...- она запнулась.- Я не знаю.
He was cold.	Ему стало холодно:

"Can't you remember?"	- Неужели ты не можешь вспомнить?'
"It's been so long."	- Это было так давно.
"Only ten years, that's all, only ten!"	- Десять лет назад. Всего лишь десять!
"Don't get excited, I'm trying to think."	- Что ты так расстраиваешься?
She laughed an odd little laugh that went up and up.	Я же стараюсь вспомнить.- Она вдруг засмеялась странным, взвизгивающим смехом. - Смешно!
"Funny, how funny, not to remember where or when you met your husband or wife."	Право, очень смешно! Забыть, где впервые встретилась со своим мужем... И муж тоже забыл, где встретился с женой...

He lay massaging his eyes, his brow, and the back of his neck, slowly.	Он лежал, тихонько растирая себе веки, лоб, затылок.

He held both hands over his eyes and applied a steady pressure there as if to crush memory into place.	Прикрыл ладонями глаза и нажал, словно пытаясь вдвинуть память на место.
It was suddenly more important than any other thing in a lifetime that he knew where he had met Mildred.	Почему-то сейчас важнее всего на свете было вспомнить, где он впервые встретился с Милдред.

"It doesn't matter," She was up in the bathroom now, and he heard the water running, and the swallowing sound she made.	- Да это же не имеет никакого значения.- Она, очевидно, встала и вышла в ванную. Монтэг слышал плеск воды, льющейся из 'крана, затем глотки - она запивала водой таблетки.
"No, I guess not," he said.	- Да, пожалуй, что и не имеет,- сказал он.

He tried to count how many times she swallowed and he thought of the visit from the two zinc-oxide-faced men with the cigarettes in their straight-lined mouths and the electronic-eyed snake winding down into the layer upon layer of night and stone and stagnant spring water, and he wanted to call out to her, how many have you taken TONIGHT! the capsules! how many will you take later and not know? and so on, every hour! or maybe not tonight, tomorrow night!	Он попытался сосчитать, сколько она их проглотила, и в его памяти встали вдруг те двое с иссиня-бледными, как цинковые белила, лицами, с сигаретами в тонких губах, и змея с электронным глазом, которая, извиваясь, проникала все глубже во тьму, в застоявшуюся воду на дне... Ему захотелось окликнуть Милдред, спросить: "Сколько ты сейчас проглотила таблеток? Сколько еще проглотишь и сама не заметишь?" Если не сейчас, так позже, если не в эту ночь, так в следующую...

And me not sleeping, tonight or tomorrow night or any night for a long while; now that this has started.	А я буду лежать всю ночь без сна, и эту, и следующую, и еще много ночей - теперь, когда это началось.
And he thought of her lying on the bed with the two technicians standing straight over her, not bent with concern, but only standing straight, arms folded.	Он вспомнил все, что было в ту ночь,-неподвижное тело жены, распростертое на постели, и двоих санитаров, не склонившихся заботливо над ней, а стоящих около, равнодушных и бесстрастных, со скрещенными на груди руками.
And he remembered thinking then that if she died, he was certain he wouldn't cry.	В ту ночь возле ее постели он почувствовал, что, если она умрет, он не сможет плакать по ней.

For it would be the dying of an unknown, a street face, a newspaper image, and it was suddenly so very wrong that he had begun to cry, not at death but at the thought of not crying at death, a silly empty man near a silly empty woman, while the hungry snake made her still more empty.	Ибо это будет для него как смерть чужого человека, чье лицо он мельком видел на улице или на снимке в газете... И это показалось ему таким ужасным, что он заплакал. Он плакал не оттого, что Милдред может умереть, а оттого, что. смерть ее уже не может вызвать у него слез. Глупый, опустошенный человек и рядом глупая, опустошенная женщина, которую у него на глазах еще больше опустошила эта голодная змея с электронным глазом...
How do you get so empty? he wondered. Who takes it out of you?	"Откуда эта опустошенность?- спросил он себя.-Почему все, что было в тебе, ушло и осталась одна пустота?

And that awful flower the other day, the dandelion!	Да еще этот цветок, этот одуванчик!"
It had summed up everything, hadn't it?	Он подвел итог:
"What a shame!	"Какая жалость!

You're not in love with anyone !"	Вы ни в кого не влюблены".
And why not?	Почему же он не влюблен?
Well, wasn't there a wall between him and Mildred, when you came down to it?	Собственно говоря, если вдуматься, то между ним и Милдред всегда стояла стена.
Literally not just one, wall but, so far, three! And expensive, too!	Даже не одна, а целых три, которые к тому же стоили так дорого.

And the uncles, the aunts, the cousins, the nieces, the nephews, that lived in those walls, the gibbering pack of tree-apes that said nothing, nothing, nothing and said it loud, loud, loud.	Все эти дядюшки, тетушки, двоюродные братья и сестры, племянники и племянницы, жившие на этих стенах, свора тараторящих обезьян, которые вечно что-то лопочут без связи, без смысла, но громко, громко, громко!
He had taken to calling them relatives from the very first.	Он с самого начала прозвал их "родственниками":
"How's Uncle Louis today?" "Who?" "And Aunt Maude?"	"Как поживает дядюшка Льюис?"-"Кто?"-"А тетушка Мод?"

The most significant memory he had of Mildred, really, was of a little girl in a forest without trees (how odd!) or rather a little girl lost on a plateau where there used to be trees (you could feel the memory of their shapes all about) sitting in the centre of the "living-room."	Когда он думал о Милдред, какой образ чаще всего вставал в его воображении? Девочка, затерявшаяся в лесу (только в этом лесу, как ни странно, не было деревьев) или, вернее, заблудившаяся в пустыне, где когда-то были деревья (память о них еще пробивалась то тут, то там), проще сказать, Милдред в своей "говорящей" гостиной.
The living-room; what a good job of labelling that was now.	Говорящая гостиная! Как это верно!
No matter when he came in, the walls were always talking to Mildred.	Когда бы он ни зашел туда, стены разговаривали с Милдред:

"Something must be done!I"	"Надо что-то сделать!"
"Yes, something must be done!"	"Да, да, это необходимо!"
"Well, let's not stand and talk!"	"Так чего же мы стоим и ничего не делаем?"
"Let's do it! "	"Ну давайте делать!"
"I'm so mad I could SPIT!"	"Я так зла, что готова плеваться!"
What was it all about?	О чем они говорят?
Mildred couldn't say.	Милдред не могла объяснить.
Who was mad at whom?	Кто на кого зол?
Mildred didn't quite know.	Милдред не знала.

What were they going to do?	Что они хотят делать?
Well, said Mildred, wait around and see.	"Подожди и сам увидишь",- говорила Милдред.
He had waited around to see.	Он садился и ждал.
A great thunderstorm of sound gushed from the walls.	Шквал звуков обрушивался на него со стен.

Music bombarded him at such an immense volume that his bones were almost shaken from their tendons; he felt his jaw vibrate, his eyes wobble in his head.	Музыка бомбардировала его с такой силой, что ему как будто отрывало сухожилия от костей, сворачивало челюсти и глаза у него плясали в орбитах, словно мячики.

He was a victim of concussion.	Что-то вроде контузии.
When it was all over he felt like a man who had been thrown from a cliff, whirled in a centrifuge and spat out over a waterfall that fell and fell into emptiness and emptiness and never-quite-touched-bottom-never-never-quite-no not quite-touched-bottom ... and you fell so fast you didn't touch the sides either ... never ... quite . . . touched . anything.	А когда это кончалось, он чувствовал себя, как человек, которого сбросили со скалы, повертели в воздухе с быстротой центрифуги и швырнули в водопад, и он летит, стремглав летит в пустоту-дна нет, быстрота такая, что не задеваешь о стены... Вниз... Вниз... И ничего кругом... Пусто...
The thunder faded.	Гром стихал.
The music died.	Музыка умолкала.
"There," said Mildred, And it was indeed remarkable.	- Ну как?- говорила Милдред.- Правда, потрясающе?
Something had happened.	Да, это было потрясающе.

Even though the people in the walls of the room had barely moved, and nothing had really been settled, you had the impression that someone had turned on a washing-machine or sucked you up in a gigantic vacuum.	Что-то совершилось, хотя люди на стенах за это время не двинулись с места и ничего между ними не произошло. Но у вас было такое чувство, как будто вас протащило сквозь стиральную машину или всосало гигантским пылесосом.
You drowned in music and pure cacophony.	Вы захлебывались от музыки, от какофонии звуков.
He came out of the room sweating and on the point of collapse.	Весь в поту, на грани обморока Монтэг выскакивал из гостиной.
Behind him, Mildred sat in her chair and the voices went on again:	Милдред оставалась в своем кресле, и вдогонку Монтэгу снова неслись голоса "родственников":
"Well, everything will be all right now," said an "aunt."	"Теперь все будет хорошо",- говорила тетушка.

"Oh, don't be too sure," said a "cousin."	"Ну, это еще как сказать",- отвечал двоюродный братец.
"Now, don't get angry!"	"Пожалуйста, не злись"
"Who's angry?" "YOU are ! "	"Кто злится?" "Ты". "Я?" "Да.
"You're mad!"	Прямо бесишься".
"Why should I be mad!"	"Почему ты так решила?"
"Because!"	"Потому".
"That's all very well," cried Montag, "but what are they mad about?	- Ну хорошо!- кричал Монтэг.- Но из-за чего у них ссора?
Who are these people?	Кто они такие?
Who's that man and who's that woman?	Кто этот мужчина И кто эта женщина?

Are they husband and wife, are they divorced, engaged, what?	Кто они, муж и жена? Жених и невеста? Разведены? Помолвлены?
Good God, nothing's connected up."	Господи, ничего нельзя понять!..
"They--" said Mildred.	- Они...- начинала Милдред.- Видишь ли. они...
"Well, they-they had this fight, you see.	Ну, в общем, они поссорились.
They certainly fight a lot.	Они часто ссорятся.
You should listen.	Ты бы только послушал!..
I think they're married.	Да, кажется, они муж и жена.
Yes, they're married.	Да. да, именно муж и жена.

Why?"	А что?
And if it was not the three walls soon to be four walls and the dream complete, then it was the open car and Mildred driving a hundred miles an hour across town, he shouting at her and she shouting back and both trying to hear what was said, but hearing only the scream of the car.	А если не гостиная, если не эти три говорящие стены, к которым по мечте Милдред скоро должна была прибавиться четвертая, тогда это был жук - открытая машина, которую Милдред вела со скоростью ста миль в час.
"At least keep it down to the minimum !" he yelled: "What?" she cried.	Они мчались по городу, и он кричал ей, а она кричала ему в ответ, и оба ничего не слышали, кроме рева мотора.

"Keep it down to fifty-five, the minimum! " he shouted.	"Сбавь до минимума!"- кричал он.
"The what?" she shrieked.	"Что?"- кричала она в ответ.
"Speed!" he shouted.	"До минимума!
And she pushed it up to one hundred and five miles an hour and tore the breath from his mouth.	До пятидесяти пяти! Сбавь скорость!" "Что?"- вопила она, не расслышав. "Скорость!"- орал он.
When they stepped out of the car, she had the Seashells stuffed in her ears.	И она вместо того, чтобы сбавить, доводила скорость до ста пяти миль в час, и у него перехватывало дыхание.
Silence.	А когда они выходили из машины, в ушах у Милдред уже опять были

Onlv the wind blowing softlv.	"Ракушки". Тишина. Только ветер мягко шумит за окном.
"Mildred." He stirred in bed.	- Милдред!- Он повернулся на постели.
He reached over and pulled one of the tiny musical insects out of her ear.	Протянув руку, он выдернул музыкальную пчелку из ушей Милдред:
"Mildred.	- Милдред!
Mildred?"	Милдред!
"Yes." Her voice was faint.	- Да,- еле слышно ответил ее голос из темноты.

He felt he was one of the creatures electronically inserted between the slots of the phono-colour walls, speaking, but the speech not piercing the crystal barrier.	Ему показалось, что он тоже превратился в одно из странных существ, живущих между стеклянными перегородками телевизорных стен. Он говорил, но голос его не проникал через прозрачный барьер.
He could only pantomime, hoping she would turn his way and see him.	Он мог объясняться только жестами и мимикой в надежде, что Милдред обернется и заметит его.
They could not touch through the glass.	Они не могли даже прикоснуться друг к другу сквозь эту стеклянную преграду.
"Mildred, do you know that girl I was telling you about?"	- Милдред, помнишь, я тебе говорил про девушку?

"What girl?" She was almost asleep.	- Какую девушку?- спросила она сонно.
"The girl next door."	- Девушку из соседнего дома.
"What girl next door?"	- Какую девушку из соседнего дома?
"You know, the high-school girl.	- Ну, ту, что учится в школе.
Clarisse, her name is."	Ее зовут Кларисса.
"Oh, yes," said his wife.	- А, да,- ответила жена.
"I haven't seen her for a few days-four days to be exact.	- Я уже несколько дней ее нигде не вижу. Четыре дня, чтобы быть точным.
Have you seen her?"	А ты ее не видала?
"No."	- Нет.

"I've meant to talk to you about her.	- Я хотел тебе рассказать о ней.
Strange."	Она очень странная.
"Oh, I know the one you mean."	- А! Теперь я знаю, о ком ты говоришь.
"I thought you would."	- Я так и думал, что ты ее знаешь.
"Her," said Mildred in the dark room.	- Она...- прозвучал голос Милдред в темноте.
"What about her?" asked Montag.	- Что она?- спросил Монтэг.
"I meant to tell you.	- Я хотела сказать тебе, но забыла.
Forgot.	Забыла...
Forgot."	- Ну скажи сейчас.
"Tell me now.	Что ты хотела сказать?

What is it?" "I think she's gone."	- Ее, кажется, уже нет.
"Gone?"	- Как так - нет?
"Whole family moved out somewhere.	- Вся семья уехала куда-то.
But she's gone for good.	Но ее совсем нет.
I think she's dead."	Кажется, она умерла.
"We couldn't be talking about the same girl."	- Да ты, должно быть, о ком-то другом говоришь.
"No.	- Нет.

The same girl. McClellan. McClellan, Run over by a car.	О ней. Маклеллан. Ее звали Маклеллан. Она попала под автомобиль.

Four days ago.	Четыре дня назад.
I'm not sure. But I think she's dead.	Не знаю наверное, но, кажется, она умерла.
The family moved out anyway.	Во всяком случае, семья уехала отсюда.
I don't know.	Точно не знаю.
But I think she's dead."	Но, кажется, умерла.
"You're not sure of it! "	- Ты уверена?..
"No, not sure.	- Нет, не уверена.
Pretty sure."	Впрочем, да, совершенно уверена.
"Why didn't you tell me sooner?"	- Почему ты раньше мне не сказала?
"Forgot."	- Забыла.
"Four days ago!"	- Четыре дня назад!

"I forgot all about it."	- Я совсем забыла.
"Four days ago," he said, quietly, lying there.	- Четыре дня,- еще раз тихо повторил он.
They lay there in the dark room not moving, either of them.	Не двигаясь, они лежали в темноте.
"Good night," she said.	- Спокойной ночи,- сказала наконец жена.
He heard a faint rustle. Her hands moved.	Он услышал легкий шорох: Милдред шарила по подушке.

The electric thimble moved like a praying mantis on the pillow, touched by her hand. Now it was in her ear again, humming.	Радиовтулка шевельнулась под ее рукой, как живое насекомое, и вот она снова жужжит в ушах Милдред.
He listened and his wife was singing under her breath.	Он прислушался - его жена тихонько напевала.
Outside the house, a shadow moved, an autumn wind rose up and faded away But there was something else in the silence that he heard. It was like a breath exhaled upon the window.	За окном мелькнула тень. Осенний ветер прошумел и замер. Но в тишине ночи слух Монтэга уловил еще какой-то странный звук: словно кто-то дохнул на окно.

It was like a faint drift of greenish luminescent smoke, the motion of a single huge October leaf blowing across the lawn and away.	Словно что-то, похожее на зеленоватую фосфоресцирующую струйку дыма или большой осенний лист, сорванный ветром, пронеслось через лужайку и исчезло.
The Hound, he thought. It's out there tonight. It's out there now.	"Механический пес,- подумал Монтэг.- Он сегодня на свободе.
If I opened the window . . .	Бродит возле дома...
He did not open the window.	Если открыть окно..."
He had chills and fever in the morning.	Но он не открыл окна.

"You can't be sick," said Mildred.	Утром у него начался озноб, потом жар.
He closed his eyes over the hotness.	- Ты болен?- спросила Милдред.- Не может быть!

"Yes."	Он прикрыл веками воспаленные глаза.
"But you were all right last night."	- Да, болен.
"No, I wasn't all right " He heard the "relatives" shouting in the parlour.	- Но еще вчера вечером ты был совершенно здоров!
Mildred stood over his bed, curiously.	- Нет, я и вчера уже был болен.- Он слышал, как в гостиной вопили "родственники".

He felt her there, he saw her without opening his eyes, her hair burnt by chemicals to a brittle straw, her eyes with a kind of cataract unseen but suspect far behind the pupils, the reddened pouting lips, the body as thin as a praying mantis from dieting, and her flesh like white bacon.	Милдред стояла у его постели, с любопытством разглядывая его.

He could remember her no other way.	Не открывая глаз, он видел ее всю - сожженные химическими составами, ломкие, как солома, волосы, глаза с тусклым блеском, словно на них были невидимые бельма, накрашенный капризный рот, худое от постоянной диеты, сухощавое, как у кузнечика, тело. белая, как сало, кожа.
"Will you bring me aspirin and water?"	Сколько он помнил, она всегда была такой.
"You've got to get up," she said. "It's noon.	- Дай мне воды и таблетку аспирина.
You've slept five hours later than usual."	- Тебе пора вставать,- сказала она.- Уже полдень.

"Will you turn the parlour off?" he asked.	Ты проспал лишних пять часов.
"That's my family."	- Пожалуйста, выключи гостиную.
"Will you turn it off for a sick man?"	- Но там сейчас "род-ственники"!
"I'll turn it down."	- Можешь ты уважить просьбу больного чело-века?
She went out of the room and did nothing to the parlour and came back.	- Хорошо, я уменьшу звук.
"Is that better?"	Она вышла, но тотчас вернулась, ничего не сделав.
"Thanks."	- Так лучше?

"That's my favourite programme," she said.	- Благодарю.
"What about the aspirin?"	- Это моя любимая программа,- сказала она.
"You've never been sick before." She went away again.	- Где же аспирин?
"Well, I'm sick now.	- Ты раньше никогда не болел.- Она опять вышла.
I'm not going to work tonight.	- Да, раньше не болел. А теперь болен.
Call Beatty for me."	Я не пойду сегодня на работу.
"You acted funny last night."	Позвони Битти.

She returned, humming.	- Ты ночью был какой-то странный.- Она подошла к его постели, тихонько напевая.
"Where's the aspirin?" He glanced at the water-glass she handed him.	- Где же аспирин?- повторил Монтэг, глядя на протянутый ему стакан с водой
"Oh." She walked to the bathroom again. "Did something happen?"	- Ах!- она снова ушла в ванную.- Что-нибудь вчера случилось?
"A fire, is all."	- Пожар. Больше ничего.
"I had a nice evening," she said, in the bathroom.	- А я очень хорошо провела вечер,- донесся ее голос из ванной.
"What doing?"	- Что же ты делала?
"The parlour."	- Смотрела передачу.
"What was on?"	- Что передавали?

"Programmes."	- Программу.
"What programmes?"	- Какую?
"Some of the best ever."	- Очень хорошую.
"Who?".	- Кто играл?
"Oh, you know, the bunch."	- Да, ну там вообще - вся труппа.
"Yes, the bunch, the bunch, the bunch." He pressed at the pain in his eyes and suddenly the odour of kerosene made him vomit.	- Вся труппа, вся труппа, вся труппа...- Он нажал пальцами на ноющие глаза. И вдруг бог весть откуда повеявший запах керосина вызвал у него неудержимую рвоту.
Mildred came in, humming.	Продолжая напевать, Милдред вошла в комнату.
She was surprised. "Why'd you do that?"	- Что ты делаешь?- удивленно воскликнула она.

He looked with dismay at the floor.	Он в смятении посмотрел на пол.
"We burned an old woman with her books."	- Вчера мы вместе с книгами сожгли женщину...
"It's a good thing the rug's washable."	- Хорошо, что ковер можно мыть.
She fetched a mop and worked on it.	Она принесла тряпку и стала подтирать пол.
"I went to Helen's last night."	- А я вчера была у Элен.
"Couldn't you get the shows in your own parlour?"	- Разве нельзя смотреть спектакль дома?
"Sure, but it's nice visiting."	- Конечно, можно. Но приятно иногда пойти в гости.
She went out into the parlour.	Она вышла в гостиную.

He heard her singing.	Он слышал, как она поет.
"Mildred?" he called.	- Милдред! - позвал он.
She returned, singing, snapping her fingers softly.	Она вернулась, напевая и легонько прищелкивая в такт пальцами.
"Aren't you going to ask me about last night?" he said.	- Тебе не хочется узнать, что у нас было прошлой ночью?- спросил он.
"What about it?"	- А что такое?

"We burned a thousand books.	- Мы сожгли добрую тысячу книг.
We burned a woman."	Мы сожгли женщину.
"Well?"	- Ну и что же?

The parlour was exploding with sound.	Гостиная сотрясалась от рева.
"We burned copies of Dante and Swift and Marcus Aurelius."	- Мы сожгли Данте, и Свифта, и Марка Авре-лия...
"Wasn't he a European?"	- Он был европеец?
"Something like that."	- Кажется, да.
"Wasn't he a radical?"	- Радикал?
"I never read him."	- Я никогда не читал его.
"He was a radical." Mildred fiddled with the telephone. "You don't expect me to call Captain Beatty, do you?"	- Ну ясно, радикал.- Мил-дред неохотно взялась за телефонную трубку.- Ты хочешь, чтобы я по-звонила брандмейстеру Битти? А почему не ты сам?
"You must! "	- Я сказал, позвони!

"Don't shout!"	- Не кричи на меня!
"I wasn't shouting." He was up in bed, suddenly, enraged and flushed, shaking.	- Я не кричу.- Он приподнялся и сел на постели, весь красный, дрожа от ярости.
The parlour roared in the hot air.	Гостиная грохотала в жарком воздухе.
"I can't call him.	- Я не могу сам позвонить.
I can't tell him I'm sick."	Не могу сказать ему, что я болен.
"Why?"	- Почему?
Because you're afraid, he thought. A child feigning illness, afraid to call because after a moment's discussion, the conversation would run so:	"Потому что боюсь,- подумал он.- Притворяюсь больным, как ребенок, и боюсь позвонить потому, что знаю, чем кончится этот короткий телефонный разговор:

"Yes, Captain, I feel better already.	"Да, брандмейстер, мне уже лучше.
I'll be in at ten o'clock tonight."	Да, в десять буду на работе".
"You're not sick," said Mildred.	- Ты вовсе не болен,- сказала Милдред.
Montag fell back in bed.	Монтэг откинулся на постели.
He reached under his pillow.	Сунул руку под подушку.
The hidden book was still there.	Книга была там.
"Mildred, how would it be if, well, maybe, I quit my job awhile?"	- Милдред, что ты скажешь, если я на время брошу работу?
"You want to give up everything?	- Как? Ты хочешь все бросить?

After all these years of working, because, one night, some woman and her books--"	После стольких лет работы? Только из-за того, что какая-то женщина со своими книгами...
"You should have seen her, Millie! "	- Если бы ты ее видела, Милли...

"She's nothing to me; she shouldn't have had books.	- Мне до нее нет дела. Не держала бы у себя книги!
It was her responsibility, she should have thought of that.	Сама виновата! Надо было раньше думать!
I hate her.	Ненавижу ее.
She's got you going and next thing you know we'll be out, no house, no job, nothing."	Она совсем сбила тебя с толку, и не успеем мы оглянуться, как окажемся на улице,- ни крыши над головой, ни работы, ничего!

"You weren't there, you didn't see," he said. "There must be something in books, things we can't imagine, to make a woman stay in a burning house; there must be something there.	- Ты не была там, ты не видела,- сказал Монтэг.-Есть. должно быть, что-то в этих книгах, чего мы даже себе не представляем, если эта женщина отказалась уйти из горящего дома.
You don't stay for nothing."	Должно быть, есть!
"She was simple-minded."	Человек не пойдет на смерть так, ни с того ни с сего.
"She was as rational as you and I, more so perhaps, and we burned her."	- Просто она была ненормальная. - Нет, она была нормальная. Как ты или я. А может быть, даже нормальнее нас с тобой.

"That's water under the bridge."	И мы ее сожгли. - Это все пройдет и забудется.
"No, not water; fire.	- Нет, это не пройдет и не забудется.
You ever seen a burned house?	Ты [Л]когда-нибудь видела дом после пожара?
It smoulders for days.	Он тлеет несколько дней.
Well, this fire'll last me the rest of my life.	А этот пожар мне не потушить до конца моей жизни.
God!	Господи!
I've been trying to put it out, in my mind, all night.	Я старался потушить его в своей памяти. Всю ночь мучился.
I'm crazy with trying."	Чуть с ума не сошел.

"You should have thought of that before becoming a fireman."	- Об этом надо было думать раньше, до того, как ты стал пожарным.
"Thought! " he said. "Was I given a choice?	- Думать!- воскликнул он.- Да разве у меня был выбор?
My grandfather and father were firemen.	Мой дед и мой отец были пожарными.
In my sleep, I ran after them."	Я даже во сне всегда видел себя пожарным.
The parlour was playing a dance tune.	Из гостиной доносились звуки танцевальной музыки.
"This is the day you go on the early shift," said Mildred. "You should have gone two hours ago.	- Сегодня ты в дневной смене,- сказала Милдред.-Тебе полагалось уйти еще два часа тому назад.

I just noticed."	Я только сейчас сообразила.

"It's not just the woman that died," said Montag. "Last night I thought about all the kerosene I've used in the past ten years.	- Дело не только в гибели этой женщины,-продолжал Монтэг.- Прошлой ночью я думал о том, сколько керосина я израсходовал' за эти десять лет.
And I thought about books.	А еще я думал о книгах.
And for the first time I realized that a man was behind each one of the books.	И впервые понял, что за каждой из них стоит человек.
A man had to think them up.	Человек думал, вынашивал в себе мысли.

A man had to take a long time to put them down on paper.	Тратил бездну времени, чтобы записать их на бумаге.
And I'd never even thought that thought before."	А мне это раньше и в голову не приходило.
He got out of bed.	Он вскочил с постели.
"It took some man a lifetime maybe to put some of his thoughts down, looking around at the world and life, and then I came along in two minutes and boom! it's all over."	- У кого-то, возможно, ушла вся жизнь на то, чтобы записать хоть частичку того, о чем он думал того, что он видел. А потом прихожу я, и- пуф! - за две минуты все обращено в пепел.

"Let me alone," said Mildred. "I didn't do anything."	- Оставь меня в покое.- сказала Милдред.- Я в этом не виновата.
"Let you alone!	- Оставить тебя в покое!
That's all very well, but how can I leave myself alone?	Хорошо. Но как я могу оставить в покое себя?
We need not to be let alone.	Нет, нельзя нас оставлять в покое.
We need to be really bothered once in a while.	Надо, чтобы мы беспокоились, хоть изредка.
How long is it since you were really bothered?	Сколько времени прошло с тех пор, как тебя в последний раз что-то тревожило?

About something important, about something real?"	Что-то значительное, настоящее?
And then he shut up, for he remembered last week and the two white stones staring up at the ceiling and the pump-snake with the probing eye and the two soap-faced men with the cigarettes moving in their mouths when they talked.	И вдруг он умолк. Он припомнил все, что было на прошлой неделе,- два лунных камня, глядевших вверх в темноту, змею-насос с электронным глазом и двух безликих, равнодушных людей с сигаретами в зубах.

But that was another Mildred, that was a Mildred so deep inside this one, and so bothered, really bothered, that the two women had never met.	Да, ту Милдред что-то тревожило - и еще как! Но то была другая Милдред, так глубоко запрятанная в этой, что между ними не было ничего общего. Они никогда не встречались, они не знали друг друга...
He turned away.	Он отвернулся.
Mildred said,	Вдруг Милдред сказала:
"Well, now you've done it.	- Ну вот, ты добился своего.
Out front of the house.	Посмотри, кто подъехал к дому.
Look who's here.".	- Мне все равно.
"I don't care."	- Машина марки

"There's a Phoenix car just driven up and a man in a black shirt with an orange snake stitched on his arm coming up the front walk."	"Феникс" и в ней человек в черной куртке с оранжевой змеей на рукаве. Он идет сюда.
"Captain Beauty?" he said,	- Брандмейстер Битти?
"Captain Beatty."	- Да, брандмейстер Битти.
Montag did not move, but stood looking into the cold whiteness of the wall immediately before him.	Монтэг не двинулся с места. Он стоял, глядя перед собой на холодную белую стену.
"Go let him in, will you?	- Впусти его.
Tell him I'm sick."	Скажи, что я болен,- промолвил он.

"Tell him yourself!" She ran a few steps this way, a few steps that, and stopped, eyes wide, when the front door speaker called her name, softly, softly, Mrs. Montag, Mrs. Montag, someone here, someone here, Mrs. Montag, Mrs. Montag, someone's here.	- Сам скажи.- Милдред заметалась по комнате и вдруг замерла, широко раскрыв глаза,- рупор сигнала у входной двери тихо забормотал: "Миссис Монтэг, миссис Монтэг, к вам пришли, к вам пришли. Миссис Монтэг, к вам пришли".
Fading.	Рупор умолк.

Montag made sure the book was well hidden behind the pillow, climbed slowly back into bed, arranged the covers over his knees and across his chest, half-sitting, and after a while Mildred moved and went out of the room and Captain Beatty strolled in, his hands in his pockets.	Монтэг проверил, хорошо ли спрятана книга, не спеша улегся, откинулся на подушки, оправил одеяло на груди и на согнутых коленях. Придя в себя, Милдред бросилась к двери, и тотчас же в комнату неторопливым шагом, засунув руки в карманы, вошел брандмейстер Битти.
"Shut the 'relatives' up," said Beatty, looking around at everything except Montag and his wife.	- Выключите-ка "родственников",- сказал он, не глядя на Монтэга и его жену.
This time, Mildred ran.	Милдред выскочила из комнаты.

The yammering voices stopped yelling in the parlour.	Шум голосов в гостиной умолк.
Captain Beatty sat down in the most comfortable chair with a peaceful look on his ruddy face.	Брандмейстер Битти уселся, выбрав самый удобный стул. Его красное лицо хранило самое мирное выражение.
He took time to prepare and light his brass pipe and puff out a great smoke cloud.	Не спеша он набил свою отделанную медью трубку и, раскурив ее, выпустил в потолок большое облако дыма.
"Just thought I'd come by and see how the sick man is."	- Решил зайти, проведать больного.
"How'd you guess?"	- Как вы узнали, что я болен?

Beatty smiled his smile which showed the candy pinkness of his gums and the tiny candy whiteness of his teeth.	Битти улыбнулся своей обычной улыбкой, обнажившей конфетно-розовые десны и мелкие, белые как сахар зубы.
"I've seen it all.	- Я видел, что к тому идет.
You were going to call for a night off."	Знал, что скоро вы на одну ночку попроситесь в отпуск.
Montag sat in bed.	Монтэг приподнялся и сел на постели.
"Well," said Beatty, "take the night off!"	- Ну что ж,- сказал Битти,- отдохните.

He examined his eternal matchbox, the lid of which said GUARANTEED: ONE MILLION LIGHTS IN THIS IGNITER, and began to strike the chemical match abstractedly, blow out, strike, blow out, strike, speak a few words, blow out. He looked at the flame. He blew, he looked at the smoke.	Он вертел в руках неразлучную свою зажигалку, на крышке которой красовалась надпись: "Гарантирован один миллион вспышек". Битти рассеянно зажигал и гасил химическую спичку - зажигал, ронял несколько слов, глядя на крохотный огонек, и гасил его, снова зажигал, гасил и смотрел, как тает в воздухе тоненькая струйка дыма.
"When will you be well?"	- Когда думаете поправиться?- спросил он.
"Tomorrow.	- Завтра.

The next day maybe.	Или послезавтра.
First of the week."	В начале той недели.
Beatty puffed his pipe.	Битти попыхивал трубкой.
"Every fireman, sooner or later, hits this.	- Каждый пожарник рано или поздно проходит через это.
They only need understanding, to know how the wheels run.	И надо помочь ему разобраться.
Need to know the history of our profession.	Надо, чтобы он знал историю своей профессии.
They don't feed it to rookies like they used to.	Раньше новичкам все это объясняли.
Damn shame."	А теперь нет.

Puff. "Only fire chiefs remember it now." Puff. "I'll let you in on it."	И очень жаль.- Пфф...- Только брандмейстеры еще помнят историю пожарного дела.- Снова пфф!..- Сейчас я вас просвещу.
Mildred fidgeted.	Милдред нервно заерзала на стуле.
Beatty took a full minute to settle himself in and think back for what he wanted to say.	Битти уселся поудобнее, минуту - не меньше -сидел молча, в раздумье.
"When did it all start, you ask, this job of ours, how did it come about, where, when?	- Как все это началось, спросите вы,- я говорю о нашей работе,- где, когда и почему?

Well, I'd say it really got started around about a thing called the Civil War. Even though our rule-book claims it was founded earlier.	Началось. по-моему, примерно в эпоху так называемой гражданской войны, хотя в наших уставах и сказано, что раньше.
The fact is we didn't get along well until photography came into its own.	Но настоящий расцвет наступил только с введением фотографии.
Then--motion pictures in the early twentieth century. Radio. Television.	А потом, в начале двадцатого века,- кино, радио, телевидение.
Things began to have mass."	И очень скоро все стало производиться в массовых масштабах.

Montag sat in bed, not moving.	Монтэг неподвижно сидел в постели.
"And because they had mass, they became simpler," said Beatty. "Once, books appealed to a few people, here, there, everywhere.	- А раз все стало массовым, то и упростилось,-продолжал Битти.- Когда-то книгу читали лишь немногие - тут, там, в разных местах.
They could afford to be different.	Поэтому и книги могли быть разными.
The world was roomy.	Мир был просторен.

But then the world got full of eyes and elbows and mouths. Double, triple, quadruple population. Films and radios, magazines, books levelled down to a sort of paste pudding norm, do you follow me?"	Но, когда в мире стало тесно от глаз. локтей, ртов, когда население удвоилось, утроилось, учетверилось, содержание фильмов, радиопередач, журналов, книг снизилось до. известного стандарта. Этакая универсальная жвачка. Вы понимаете меня. Монтэг?
"I think so."	- Кажется, да,- ответил Монтэг.
Beatty peered at the smoke pattern he had put out on the air.	Битти разглядывал узоры табачного дыма, плывущие в воздухе.
"Picture it. Nineteenthcentury man with his horses, dogs, carts, slow motion.	- Постарайтесь представить себе человека девятнадцатого столетия - собаки, лошади, экипажи - медленный темп жизни.

Then, in the twentieth century, speed up your camera.	Затем двадцатый век. Темп ускоряется.
Books cut shorter.	Книги уменьшаются в объеме.
Condensations, Digests.	Сокращенное издание.
Tabloids.	Пересказ.
Everything boils down to the gag, the snap ending."	Экстракт. Не размазывать!
"Snap ending."	Скорее к развязке!
Mildred nodded.	- Скорее к развязке,- кивнула головой Милдред.

"Classics cut to fit fifteen-minute radio shows, then cut again to fill a two-minute book column, winding up at last as a ten- or twelve-line dictionary resume.	- Произведения классиков сокращаются до пятнадцатиминутной радиопередачи. Потом еще больше: одна колонка текста, которую можно пробежать за две минуты, потом еще: десять - двадцать строк для энциклопедического словаря.
I exaggerate, of course.	Я, конечно, преувеличиваю.
The dictionaries were for reference.	Словари существовали для справок.

But many were those whose sole knowledge of Hamlet (you know the title certainly, Montag; it is probably only a faint rumour of a title to you, Mrs. Montag) whose sole knowledge, as I say, of Hamlet was a one-page digest in a book that claimed: 'now at least you can read all the classics; keep up with your neighbours.'	Но немало было людей, чье знакомство с "Гамлетом" - вы, Монтэг, конечно, хорошо знаете это название, а для вас, миссис Монтэг, это, наверно, так только, смутно знакомый звук,-так вот, немало было людей, чье знакомство с "Гамлетом" ограничивалось одной страничкой краткого пересказа в сборнике, который хвастливо заявлял: "Наконец-то вы можете прочитать всех классиков! Не отставайте от своих соседей".
Do you see?	Понимаете?

Out of the nursery into the college and back to the nursery; there's your intellectual pattern for the past five centuries or more."	Из детской прямо в колледж, а потом обратно в детскую. Вот вам интеллектуальный стандарт, господствовавший последние пять или более столетий.
Mildred arose and began to move around the room, picking things up and putting them down.	Милдред встала и начала ходить по комнате, бесцельно переставляя вещи с места на место.

Beatty ignored her and continued	Не обращая на нее внимания, Битти продолжал:
"Speed up the film, Montag, quick.	- А теперь быстрее крутите пленку, Монтэг! Быстрее!

Click?	Клик!
Pic?	Пик!
Look, Eye, Now, Flick, Here, There, Swift, Pace, Up, Down, In, Out, Why, How, Who, What, Where, Eh?	Флик. Сюда, туда, живей, быстрей, так, этак, вверх, вниз! Кто, что, где, как, почему? Эх!
Uh!	Ух!
Bang! Smack!	Бах, трах, хлоп, шлеп!
Wallop, Bing, Bong, Boom!	Дзинь! Бом! Бум!
Digest-digests, digest-digest-digests.	Сокращайте, ужимайте! Пересказ пересказа! Экстракт из пересказа пересказов!
Politics?	Политика?
One column, two sentences, a headline!	Одна колонка, две фразы, заголовок!

Then, in mid-air, all vanishes!	И через минуту все уже испарилось из памяти.

Whirl man's mind around about so fast under the pumping hands of publishers, exploiters, broadcasters, that the centrifuge flings off all unnecessary, time- wasting thought!"	Крутите человеческий разум в бешеном вихре, быстрей, быстрей! - руками издателей, предпринимателей, радиовещателей, так, чтобы центробежная сила вышвырнула вон все лишние, ненужные бесполезные мысли!..
	— Click, Pic, Flick - эти слова созвучны названиям американских бульварных изданий с минимальным количеством текста и большим количеством иллюстраций. (Здесь и далее примечания переводчика.)
	—

Mildred smoothed the bedclothes.	Милдред подошла к постели и стала оправлять простыни.
Montag felt his heart jump and jump again as she patted his pillow.	Сердце Монтэга дрогнуло и замерло, когда руки ее коснулись подушки.
Right now she was pulling at his shoulder to try to get him to move so she could take the pillow out and fix it nicely and put it back.	Вот она тормошит его за плечо хочет, чтобы он приподнялся, а она взобьет как следует подушку и снова положит ему за спину.
And perhaps cry out and stare or simply reach down her hand and say,	И, может быть, вскрикнет и широко раскроет глаза или просто, сунув руку под подушку, спросит:

"What's this?" and hold up the hidden book with touching innocence.	"Что это?" - и с трогательной наивностью покажет спрятанную книгу.

"School is shortened, discipline relaxed, philosophies, histories, languages dropped, English and spelling gradually neglected, finally almost completely ignored.	- Срок обучения в школах сокращается, дисциплина падает, философия, история, языки упразднены. Английскому языку и орфографии уделяется все меньше и меньше времени, и наконец эти предметы заброшены совсем.
Life is immediate, the job counts, pleasure lies all about after work.	Жизнь коротка. Что тебе нужно? Прежде всего работа, а после работы развлечения, а их кругом сколько угодно, на каждом шагу, наслаждайтесь!

Why learn anything save pressing buttons, pulling switches, fitting nuts and bolts?"	Так зачем же учиться чему-нибудь, кроме умения нажимать кнопки, включать рубильники, завинчивать гайки, пригонять болты?
"Let me fix your pillow," said Mildred.	- Дай я поправлю подушку,- сказала Милдред.
"No! " whispered Montag,	- Не надо,- тихо ответил Монтэг.
"The zipper displaces the button and a man lacks just that much time to think while dressing at. dawn, a philosophical hour, and thus a melancholy hour."	- Застежка-молния заменила пуговицу, и вот уже нет лишней полминуты, чтобы над чем-нибудь призадуматься, одеваясь на рассвете, в этот философский и потому грустный час.
Mildred said, "Here."	- Ну же,- повторила Милдред.

"Get away," said Montag.	- Уйди,- ответил Монтэг.
"Life becomes one big pratfall, Montag; everything bang; boff, and wow!"	- Жизнь превращается в сплошную карусель, Монтэг. Все визжит, кричит, грохочет! Бац, бах, трах!
"Wow," said Mildred, yanking at the pillow.	- Трах!- воскликнула Милдред, дергая подушку.
"For God's sake, let me be!" cried Montag passionately.	- Да оставь же меня наконец в покое!- в отчаянии воскликнул Монтэг.
Beatty opened his eyes wide.	Битти удивленно поднял брови.
Mildred's hand had frozen behind the pillow.	Рука Милдред застыла за подушкой.

Her fingers were tracing the book's outline and as the shape became familiar her face looked surprised and then stunned.	Пальцы ее ощупывали переплет книги, и по мере того, как она начала понимать, что это такое, лицо ее стало менять выражение - сперва любопытство, потом изумление...
Her mouth opened to ask a question . . .	Губы ее раскрылись... Сейчас спросит...
"Empty the theatres save for clowns and furnish the rooms with glass walls and pretty colours running up and down the walls like confetti or blood or sherry or sauterne.	- Долой драму, пусть в театре останется одна клоунада, а в комнатах сделайте стеклянные стены, и пусть на них взлетают цветные фейерверки, пусть переливаются краски, как рой конфетти, или как кровь, или херес, или сотерн.
You like baseball, don't you, Montag?"	Вы, конечно, любите бейсбол, Монтэг?

"Baseball's a fine game."	- Бейсбол - хорошая игра.
Now Beatty was almost invisible, a voice somewhere behind a screen of smoke	Теперь голос Битти звучал откуда-то издалека, из-за густой завесы дыма.
"What's this?" asked Mildred, almost with delight.	- Что это? - почти с восторгом воскликнула Милдред.

Montag heaved back against her arms. "What's this here?"	Монтэг тяжело навалился на ее руку.- Что это?
"Sit down!" Montag shouted.	- Сядь!-резко выкрикнул он.

She jumped away, her hands empty. "We're talking ! " Beatty went on as if nothing had happened.	Милдред отскочила. Руки ее были пусты.- Не видишь, что ли, что мы разговариваем? Битти продолжал, как ни'в чем не бывало:
"You like bowling, don't you, Montag?"	- А кегли любите?
"Bowling, yes."	- Да.
"And golf?"	- А гольф?
"Golf is a fine game."	- Гольф - прекрасная игра.
"Basketball?"	- Баскетбол?
"A fine game.".	- Великолепная.
"Billiards, pool? Football?"	- Биллиард, футбол?
"Fine games, all of them."	- Хорошие игры. Все хорошие.

"More sports for everyone, group spirit, fun, and you don't have to think, eh?	- Как можно больше спорта, игр, увеселений -пусть человек всегда будет в толпе, тогда ему не надо думать.
Organize and organize and superorganize super-super sports.	Организуйте же, организуйте все новые и новые виды спорта, сверхорганизуйте сверхспорт!
More cartoons in books.	Больше книг с картинками.
More pictures.	Больше фильмов.
The mind drinks less and less.	А пищи для ума все меньше.
Impatience.	В результате неудовлетворенность.

Highways full of crowds going somewhere, somewhere, somewhere, nowhere.	Какое-то беспокойство. Дороги запружены людьми, все стремятся куда-то, все равно куда.
The gasoline refugee.	Бензиновые беженцы.
Towns turn into motels, people in nomadic surges from place to place, following the moon tides, living tonight in the room where you slept this noon and I the night before."	Г орода превратились в туристские лагери, люди - в" орды кочевников, которые стихийно влекутся то туда, то сюда, как море во время прилива и отлива,- и вот сегодня он ночует в этой комнате, а перед тем ночевали вы, а накануне - я.
Mildred went out of the room and slammed the door.	Милдред вышла, хлопнув дверью.

The parlour "aunts" began to laugh at the parlour "uncles.",	В гостиной "тетушки" захохотали над "дядюшками".
"Now let's take up the minorities in our civilization, shall we?	- Возьмем теперь вопрос о разных мелких группах внутри нашей цивилизации.
Bigger the population, the more minorities.	Чем больше население, тем больше таких групп.

Don't step on the toes of the dog?lovers, the cat?lovers, doctors, lawyers, merchants, chiefs, Mormons, Baptists, Unitarians, second?generation Chinese, Swedes, Italians, Germans, Texans, Brooklynites, Irishmen, people from Oregon or Mexico.	И берегитесь обидеть которую-нибудь из них -любителей собак или кошек, врачей, адвокатов, торговцев, начальников, мормонов, баптистов, унитариев, потомков китайских, шведских, итальянских, немецких эмигрантов, техасцев, бруклинцев, ирландцев, жителей штатов Орегон или Мехико.
The people in this book, this play, this TV serial are not meant to represent any actual painters, cartographers, mechanics anywhere.	Герои книг, пьес, телевизионных передач не должны напоминать подлинно существующих художников, картографов, механиков.

The bigger your market, Montag, the less you handle controversy, remember that!	Запомните, Монтэг, чем шире рынок, тем тщательнее надо избегать конфликтов.
All the minor minor minorities with their navels to be kept clean.	Все эти группы и группочки, созерцающие собственный пуп,- не дай бог как-нибудь их задеть!
Authors, full of evil thoughts, lock up your typewriters. They did.	Злонамеренные писатели, закройте свои пишущие машинки! Ну что ж, они так и сделали.
Magazines became a nice blend of vanilla tapioca.	Журналы превратились в разновидность ванильного сиропа.

Books, so the damned snobbish critics said, were dishwater.	Книги - в подслащенные помои. Так, по крайней мере, утверждали критики, эти заносчивые снобы.
No wonder books stopped selling, the critics said.	Не удивительно, говорили они, что книг никто не покупает.
But the public, knowing what it wanted, spinning happily, let the comic?books survive.	Но читатель прекрасно знал, что ему нужно, и, кружась в вихре веселья, он оставил себе комиксы.
And the three?dimensional sex?magazines, of course.	Ну и, разумеется, эротические журналы.
There you have it, Montag.	Так-то вот, Монтэг.

It didn't come from the Government down.	И все это произошло без всякого вмешательства сверху, со стороны правительства.
There was no dictum, no declaration, no censorship, to start with, no!	Не с каких-либо предписаний это началось, не с приказов или цензурных ограничений. Нет!
Technology, mass exploitation, and minority pressure carried the trick, thank God.	Техника, массовость потребления и нажим со стороны этих самых групп - вот что, хвала господу, привело к нынешнему положению.
Today, thanks to them, you can stay happy all the time, you are allowed to read comics, the good old confessions, or trade?journals."	Теперь благодаря им вы можете всегда быть счастливы: читайте себе на здоровье комиксы, разные там любовные исповеди и торгово-рекламные издания.

"Yes, but what about the firemen, then?" asked Montag.	- Но при чем тут пожарные?- спросил Монтэг.
"Ah." Beatty leaned forward in the faint mist of smoke from his pipe.	- А, - Битти наклонился вперед, окруженный легким облаком табачного дыма.
"What more easily explained and natural?	- Ну, это очень просто.

With school turning out more runners, jumpers, racers, tinkerers, grabbers, snatchers, fliers, and swimmers instead of examiners, critics, knowers, and imaginative creators, the word 'intellectual,' of course, became the swear word it deserved to be.	Когда школы стали выпускать все больше и больше бегунов, прыгунов, скакунов, пловцов, любителей ковыряться в моторах, летчиков, автогонщиков вместо исследователей, критиков, ученых и людей искусства, слово "интеллектуальный" стало бранным словом, каким ему и надлежит быть.
You always dread the unfamiliar.	Человек не терпит того, что выходит за рамки обычного.

Surely you remember the boy in your own school class who was exceptionally 'bright,' did most of the reciting and answering while the others sat like so many leaden idols, hating him.	Вспомните-ка, в школе в одном классе с вами был, наверное, какой-нибудь особо одаренный малыш? Он лучше всех читал вслух и чаще всех отвечал на уроках, а другие сидели, как истуканы, и ненавидели его от всего сердца?
And wasn't it this bright boy you selected for beatings and tortures after hours?	И кого же вы колотили и всячески истязали после уроков, как не этого мальчишку?
Of course it was. We must all be alike.	Мы все должны быть одинаковыми.

Not everyone born free and equal, as the Constitution says, but everyone made equal.	Не свободными и равными от рождения, как сказано в конституции, а просто мы все должны стать одинаковыми.
Each man the image of every other; then all are happy, for there are no mountains to make them cower, to judge themselves against.	Пусть люди станут похожи друг на друга как две капли воды, тогда все будут счастливы, ибо не будет великанов, рядом с которыми другие почувствуют свое ничтожество.
So!	Вот!
A book is a loaded gun in the house next door.	А книга - это заряженное ружье в доме соседа.
Burn it.	Сжечь ее!
Take the shot from the weapon.	Разрядить ружье!

Breach man's mind.	Надо обуздать человеческий разум.
Who knows who might be the target of the well?read man?	Почем знать, кто завтра станет очередной мишенью для начитанного человека?
Me?	Может быть, я?
I won't stomach them for a minute.	Но я не выношу эту публику?

And so when houses were finally fireproofed completely, all over the world (you were correct in your assumption the other night) there was no longer need of firemen for the old purposes. They were given the new job, as custodians of our peace of mind, the focus of our understandable and rightful dread of being inferior; official censors, judges, and executors.	И вот, когда дома во всем мире стали строить из несгораемых материалов и отпала необходимость в той работе, которую раньше выполняли пожарные (раньше они тушили пожары, в этом, Монтэг, вы вчера были правы), тогда на пожарных возложили новые обязанности - их сделали хранителями нашего спокойствия. В них, как в фокусе, сосредоточился весь наш вполне понятный и законный страх оказаться ниже других. Они стали нашими официальными цензорами, судьями и исполнителями приговоров.
That's you, Montag, and that's me."	Это - вы, Монтэг, и это - я.

The door to the parlour opened and Mildred stood there looking in at them, looking at Beatty and then at Montag.	Дверь из гостиной открылась, и на пороге появилась Милдред. Она поглядела на Битти, потом на Монтэга.
Behind her the walls of the room were flooded with green and yellow and orange fireworks sizzling and bursting to some music composed almost completely of trap?drums, tom?toms, and cymbals.	Позади нее на стенах гостиной шипели и хлопали зеленые, желтые и оранжевые фейерверки под аккомпанемент барабанного боя, глухих ударов там-тама и звона цимбал.
Her mouth moved and she was saying something but the sound covered it.	Губы Милдред двигались, она что-то говорила, но шум заглушал ее слова.

Beatty knocked his pipe into the palm of his pink hand, studied the ashes as if they were a symbol to be diagnosed and searched for meaning.	Битти вытряхнул пепел из трубки на розовую ладонь и принялся его разглядывать, словно в этом пепле заключен был некий таинственный смысл, в который надлежало проникнуть.
"You must understand that our civilization is so vast that we can't have our minorities upset and stirred.	- Вы должны понять, сколь огромна наша цивилизация. Она так велика, что мы не можем допустить волнений и недовольства среди составляющих ее групп.
Ask yourself, What do we want in this country, above all?	Спросите самого себя: чего мы больше всего жаждем?
People want to be happy, isn't that right?	Быть счастливыми, ведь так?

Haven't you heard it all your life?	Всю жизнь вы только это и слышали.
I want to be happy, people say.	Мы хотим быть счастливыми, говорят люди.
Well, aren't they?	Ну и разве они не получили то, чего хотели?
Don't we keep them moving, don't we give them fun?	Разве мы не держим их в вечном движении, не предоставляем им возможности развлекаться?
That's all we live for, isn't it?	Ведь человек только для того и существует.
For pleasure, for titillation?	Для удовольствий, для острых ощущений.
And you must admit our culture provides plenty of these."	И согласитесь, что наша культура щедро предоставляет ему такую возможность.
"Yes."	- Да.

Montag could lip?read what Mildred was saying in the doorway.	По движению губ Милдред Монтэг догадывался, о чем она говорит, стоя в дверях.
He tried not to look at her mouth, because then Beatty might turn and read what was there, too.	Но он старался не глядеть на нее, так как боялся, что Битти обернется и тоже все поймет.
"Coloured people don't like Little Black Sambo.	- Цветным не нравится книга "Маленький черный Самбо".
Burn it.	Сжечь ее.
White people don't feel good about Uncle Tom's Cabin.	Белым неприятна "Хижина дяди Тома".
Burn it.	Сжечь и ее тоже.

Someone's written a book on tobacco and cancer of the lungs?	Кто-то написал книгу о том, что курение предрасполагает к раку легких.
The cigarette people are weeping?	Табачные фабриканты в панике.

Bum the book.	Сжечь эту книгу.
Serenity, Montag. Peace, Montag.	Нужна безмятежность, Монтэг, спокойствие.
Take your fight outside.	Прочь все, что рождает тревогу.
Better yet, into the incinerator.	' В печку!
Funerals are unhappy and pagan?	Похороны нагоняют уныние-это языческий обряд.
Eliminate them, too.	Упразднить похороны.

Five minutes after a person is dead he's on his way to the Big Flue, the Incinerators serviced by helicopters all over the country.	Через пять минут после кончины человек уже на пути в "большую трубу". Крематории обслуживаются геликоптерами.
Ten minutes after death a man's a speck of black dust.	Через десять минут после смерти от человека остается щепотка черной пыли.
Let's not quibble over individuals with memoriams.	Не будем оплакивать умерших.
Forget them.	Забудем их.
Burn them all, burn everything.	Жгите, жгите все подряд.
Fire is bright and fire is clean."	Огонь горит ярко, огонь очищает.

The fireworks died in the parlour behind Mildred.	Фейерверки за спиной у Милдред погасли.
She had stopped talking at the same time; a miraculous coincidence.	И одновременно - какое счастливое совпадение!- перестали двигаться гу-бы Милдред.
Montag held his breath.	Монтэг с трудом перевел дух.
"There was a girl next door," he said, slowly. "She's gone now, I think, dead.	- Тут, по соседству, жила девушка,- медленно про-говорил он.- Ее уже нет. Кажется, она умерла.
I can't even remember her face.	Я даже хорошенько не помню ее лица.
But she was different.	Но она была не такая.
How?how did she happen?"	Как .. как это могло слу-читься?

Beatty smiled.	Битти улыбнулся.
"Here or there, that's bound to occur.	- Время от времени случается - то там, то тут.
Clarisse McClellan?	Это Кларисса Маклеллан, да?
We've a record on her family.	Ее семья нам известна.
We've watched them carefully.	Мы держим их под надзором.
Heredity and environment are funny things.	Наследственность и среда - это, я вам скажу, любопытная штука.
You can't rid yourselves of all the odd ducks in just a few years.	Не так-то просто избавиться от всех чудаков, за несколько лет этого не сделаешь.
The home environment can undo a lot you try to do at school.	Домашняя среда может свести на нет многое из того, что пытается привить школа.

That's why we've lowered the kindergarten age year after year until now we're almost snatching them from the cradle.	Вот почему мы все время снижали возраст для поступления в детские сады. Теперь выхватываем ребятишек чуть не из колыбели.

We had some false alarms on the McClellans, when they lived in Chicago.	К нам уже поступали сигналы о Маклелланах, еще когда они жили в Чикаго, но сигналы все оказались ложными.
Never found a book.	Книг у них мы не нашли.
Uncle had a mixed record; anti?social. The girl? She was a time bomb.	У дядюшки репутация неважная, необщителен А что касается девушки, то это была бомба замедленного действия.

The family had been feeding her subconscious, I'm sure, from what I saw of her school record.	Семья влияла на ее подсознание, в этом я убедился, просмотрев ее школьную характеристику.
She didn't want to know how a thing was done, but why.	Ее интересовало не то, как делается что-нибудь, а для чего и почему.
That can be embarrassing.	А подобная любознательность опасна.
You ask Why to a lot of things and you wind up very unhappy indeed, if you keep at it.	Начни только спрашивать почему да зачем, и если вовремя не остановиться, то конец может быть очень печальный.
The poor girl's better off dead."	Для бедняжки лучше, что она умерла.
"Yes, dead."	- Да, она умерла.

"Luckily, queer ones like her don't happen, often.	- К счастью, такие, как она, встречаются редко.
We know how to nip most of them in the bud, early.	Мы умеем вовремя подавлять подобные тенденции.
You can't build a house without nails and wood. If you don't want a house built, hide the nails and wood.	В самом раннем возрасте.Без досок и гвоздей дом не построишь, и если не хочешь, чтобы дом был построен, спрячь доски и гвозди.
If you don't want a man unhappy politically, don't give him two sides to a question to worry him; give him one.	Если не хочешь, чтобы человек расстраивался из-за политики, не давай ему возможности видеть обе стороны вопроса.
Better yet, give him none.	Пусть видит только одну, а еще лучше - ни одной.

Let him forget there is such a thing as war.	Пусть забудет, что есть на свете такая вещь, как война.
If the Government is inefficient, top?heavy, and tax?mad, better it be all those than that people worry over it.	Если правительство плохо, ни черта не понимает, душит народ налогами,- это все-таки лучше, чем если народ волнуется.
Peace, Montag.	Спокойствие, Монтэг, превыше всего!
Give the people contests they win by remembering the words to more popular songs or the names of state capitals or how much corn Iowa grew last year.	Устраивайте разные конкурсы, например: кто лучше помнит слова популярных песенок, кто может назвать все главные города штатов или кто знает, сколько собрали зерна в штате Айова в прошлом году.

Cram them full of non?combustible data, chock them so damned full of 'facts' they feel stuffed, but absolutely 'brilliant' with information.	Набивайте людям головы цифрами, начиняйте их безобидными фактами, пока их не затошнит,-ничего, зато им будет казаться, что они очень образованные.

Then they'll feel they're thinking, they'll get a sense of motion without moving.	У них даже будет впечатление, что они мыслят, что они движутся вперед, хоть на самом деле они стоят на месте.
And they'll be happy, because facts of that sort don't change.	И люди будут счастливы, ибо "факты", которыми они напичканы, это нечто неизменное.

Don't give them any slippery stuff like philosophy or sociology to tie things up with.	Но не давайте им такой скользкой материи, как философия или социология. Не дай бог, если они начнут строить выводы и обобщения.
That way lies melancholy.	Ибо это ведет к меланхолии!

Any man who can take a TV wall apart and put it back together again, and most men can nowadays, is happier than any man who tries to slide?rule, measure, and equate the universe, which just won't be measured or equated without making man feel bestial and lonely.	Человек, умеющий разобрать и собрать телевизорную стену,- а в наши дни большинство это умеет,- куда счастливее человека, пытающегося измерить и исчислить вселенную, ибо нельзя ее ни измерить, ни исчислить, не ощутив при этом, как сам ты ничтожен и одинок.
I know, I've tried it; to hell with it.	Я знаю, я пробовал! Нет, к черту!

So bring on your clubs and parties, your acrobats and magicians, your dare-devils, jet cars, motor?cycle helicopters, your sex and heroin, more of everything to do with automatic reflex.	Подавайте нам увеселения, вечеринки, акробатов и фокусников, отчаянные трюки, реактивные автомобили, мотоциклы-гелико-птеры, порнографию и наркотики. Побольше такого, что вызывает простейшие автоматические рефлексы!
If the drama is bad, if the film says nothing, if the play is hollow, sting me with the theremin, loudly.	Если драма бессодержательна, фильм пустой, а комедия бездарна, дайте мне дозу возбуждающего - ударьте по нервам оглушительной музыкой!

I'll think I'm responding to the play, when it's only a tactile reaction to vibration.	И мне будет казаться, что я реагирую на пьесу, тогда как это всего-навсего механическая реакция на звуковолны.
But I don't care.	Но мне-то все равно.
I just like solid entertainment."	Я люблю, чтобы меня трахнуло как следует.
Beatty got up.	Битти встал.
"I must be going.	- Ну, мне пора.
Lecture's over.	Лекция окончена.
I hope I've clarified things.	Надеюсь, я вам все разъяснил.

The important thing for you to remember, Montag, is we're the Happiness Boys, the Dixie Duo, you and I and the others.	Главное, Монтэг, запомните - мы борцы за счастье-вы, я и другие.
We stand against the small tide of those who want to make everyone unhappy with conflicting theory and thought.	Мы охраняем человечество от той ничтожной кучки, которая своими противоречивыми идеями и теориями хочет сделать всех несчастными.
We have our fingers in the dyke.	Мы сторожа на плотине.
Hold steady.	Держитесь крепче Монтэг!

Don't let the torrent of melancholy and drear philosophy drown our world.	Следите, чтобы поток меланхолии и мрачной философии не захлестнул наш мир.

We depend on you.	На вас вся наша надежда!
I don't think you realize how important you are, to our happy world as it stands now."	Вы даже не понимаете, как вы нужны, как мы с вами нужны в этом счастливом мире сегодняшнего дня.
Beatty shook Montag's limp hand.	Битти пожал безжизненную руку Монтэга.
Montag still sat, as if the house were collapsing about him and he could not move, in the bed.	Тот неподвижно сидел в постели. Казалось, обрушься сейчас потолок ему на голову, он не шелохнется.

Mildred had vanished from the door.	Милдред уже не было в дверях.
"One last thing," said Beatty. "At least once in his career, every fireman gets an itch.	- Еще одно напоследок,- сказал Битти.- У каждого пожарника хотя бы раз за время его служебной карьеры бывает такая минута: его вдруг охватывает любопытство.
What do the books say, he wonders.	Вдруг захочется узнать: да что же такое написано в этих книгах?
Oh, to scratch that itch, eh?	И так, знаете, захочется, что нет сил бороться.
Well, Montag, take my word for it, I've had to read a few in my time, to know what I was about, and the books say nothing!	Ну так вот что, Монтэг, уж- вы поверьте, мне в свое время немало пришлось прочитать книг -для ориентировки, и я вам говорю: в книгах ничего нет!

Nothing you can teach or believe.	Ничего такого, во что можно бы поверить, чему стоило бы научить других.
They're about non?existent people, figments of imagination, if they're fiction.	Если это беллетристика, там рассказывается о людях, которых никогда не было на свете, чистый вымысел!
And if they're non?fiction, it's worse, one professor calling another an idiot, one philosopher screaming down another's gullet.	А если это научная литература, так еще хуже:-один ученый обзывает другого идиотом, один философ старается перекричать другого.
All of them running about, putting out the stars and extinguishing the sun.	И все суетятся и мечутся, стараются потушить звезды и погасить солнце.

You come away lost."	Почитаешь - голова кругом пойдет.
"Well, then, what if a fireman accidentally, really not, intending anything, takes a book home with him?" Montag twitched.	- А что, если пожарник случайно, без всякого злого умысла унесет с собой книгу?- Нервная дрожь пробежала по лицу Монтэга.
The open door looked at him with its great vacant eye.	Открытая дверь гля-дела на него, словно огромный пустой глаз.
"A natural error.	- Вполне объяснимый поступок.
Curiosity alone," said Beatty. "We don't get over?anxious or mad.	Простое любопытство, не больше,- ответил Битти.- Мы из-за это-го не тревожимся и не приходим в ярость.

We let the fireman keep the book twenty?four hours.	Позволяем ему сутки держать у себя книгу.
If he hasn't burned it by then, we simply come and burn it for him."	Если через сутки он сам ее не сожжет, мы это сделаем за него.
"Of course."	- Да.

Montag's mouth was dry.	Понятно..- Во рту у Монтэ-га пересохло.
"Well, Montag.	- Ну вот и все, Монтэг.
Will you take another, later shift, today?	Может, хотите сегодня выйти попозже, в ночную смену?
Will we see you tonight perhaps?"	Увидимся с вами сегодня?
"I don't know," said Montag.	- Не знаю,- ответил Монтэг.

"What?" Beatty looked faintly surprised.	- Как?- На лице Битти отразилось легкое удивление.
Montag shut his eyes.	Монтэг закрыл глаза.
"I'll be in later.	- Может быть, я и приду.
Maybe."	Попозже.
"We'd certainly miss you if you didn't show," said Beatty, putting his pipe in his pocket thoughtfully.	- Жаль, если сегодня не придете,- сказал Битти в раздумье, пряча трубку в карман.
I'll never come in again, thought Montag.	"Я никогда больше не приду",- подумал Монтэг.
"Get well and keep well," said Beatty. He turned and went out through the open door.	- Ну, поправляйтесь,- сказал Битти.-Выздоравливайте.- И, повернувшись, вышел через открытую дверь.

Montag watched through the window as Beatty drove away in his gleaming yellow?flame?coloured beetle with the black, char?coloured tyres.	Монтэг видел в окно, как отъехал Битти в своем сверкающем огненно-желтом с черными, как уголь, шинами жуке-автомобиле.
Across the street and down the way the other houses stood with their flat fronts.	Из окна была видна улица и дома с плоскими фасадами.
What was it Clarisse had said one afternoon?	Что это Кларисса однажды сказала о них?
"No front porches.	Да: "Больше нет крылечек на фасаде.
My uncle says there used to be front porches.	А дядя говорит, что прежде дома были с крылечками.

And people sat there sometimes at night, talking when they wanted to talk, rocking, and not talking when they didn't want to talk.	И по вечерам люди сидели у себя на крыльце, разговаривали друг с другом, если им хотелось, а нет, так молчали, покачиваясь в качалках.
Sometimes they just sat there and thought about things, turned things over.	Просто сидели и думали о чем-нибудь. Архитекторы уничтожили крылечки, потому что они будто бы портят фасад.

My uncle says the architects got rid of the front porches because they didn't look well. But my uncle says that was merely rationalizing it; the real reason, hidden underneath, might be they didn't want people sitting like that, doing nothing, rocking, talking; that was the wrong kind of social life.	Но дядя говорит, что это только отговорка, а на самом деле нельзя было допускать, чтобы люди вот так сидели на крылечках, отдыхали, качались в качалках, беседовали. Это вредное времяпрепровождение.
People talked too much.	Люди слишком много разговаривали.
And they had time to think.	И у них было время думать.
So they ran off with the porches.	Поэтому крылечки решили уничтожить.
And the gardens, too.	И сады тоже.

Not many gardens any more to sit around in.	Возле домов нет больше садиков, где можно посидеть.
And look at the furniture.	А посмотрите на мебель!
No rocking?chairs any more.	Кресло-качалка исчезло.
They're too comfortable.	Оно слишком удобно.
Get people up and running around.	Надо, чтобы люди больше двигались.
My uncle says . . . and . . . my uncle . . . and . . . my uncle . . ."	Дядя говорит... дядя говорит... дядя..."
Her voice faded.	Голос Клариссы умолк.

Montag turned and looked at his wife, who sat in the middle of the parlour talking to an announcer, who in turn was talking to her.	Монтэг отвернулся от окна и взглянул на жену, она сидела в гостиной и разговаривала с диктором, а тот, в свою очередь, обращался к ней.
"Mrs. Montag," he was saying. This, that and the other.	"Миссис Монтэг",- говорил диктор,- и еще какие-то слова.-
"Mrs. Montag?" Something else and still another.	"Миссис Монтэг" - и еще что-то.

The converter attachment, which had cost them one hundred dollars, automatically supplied her name whenever the announcer addressed his anonymous audience, leaving a blank where the proper syllables could be filled in. A special spot?wavex?scrambler also caused his televised image, in the area immediately about his lips, to mouth the vowels and consonants beautifully.	Специальный прибор, обошедшийся им в сто долларов, в нужный момент автоматически произносил имя его жены. Обращаясь к своей аудитории, диктор делал паузу и в каждом доме в этот момент прибор произносил имя хозяев, а другое специальное приспособление соответственно изменяло на телевизионном экране движение губ и мускулов лица диктора.
He was a friend, no doubt of it, a good friend.	Диктор был другом дома, близким и хорошим знакомым...

"Mrs. Montag?now look right here."	"Миссис Монтэг, а теперь взгляните сюда".
Her head turned. Though she quite obviously was not listening.	Милдред повернула голову, хотя было совершенно очевидно, что она не слушает.
Montag said,	Монтэг сказал:
"It's only a step from not going to work today to not working tomorrow, to not working at the firehouse ever again." ,	- Стоит сегодня не пойти на работу - и уже можно не ходить и завтра, можно не ходить совсем.
"You are going to work tonight, though, aren't you?" said Mildred.	- Но ты ведь пойдешь сегодня?- воскликнула Милдред.
"I haven't decided.	- Я еще не решил.

Right now I've got an awful feeling I want to smash things and kill things :'	Пока у меня только одно желание - это ужасное чувство!- хочется все ломать и разрушать. - Возьми автомобиль.
"Go take the beetle."	Поезжай, проветрись.
"No thanks."	- Нет, спасибо.
"The keys to the beetle are on the night table.	- Ключи от машины на ночном столике.

I always like to drive fast when I feel that way. You get it up around ninetyfive and you feel wonderful.	Когда у меня бывает такое состояние, я всегда кажусь в машину и еду куда глаза глядят, -только побыстрей. Доведешь до девяноста пяти миль в час - и великолепно помогает.

Sometimes I drive all night and come back and you don't know it.	Иногда всю ночь катаюсь, возвращаюсь домой под утро, а ты не знаешь ничего.
It's fun out in the country.	За городом хорошо.
You hit rabbits, sometimes you hit dogs.	Иной раз под колеса кролик попадет, а то и собака.
Go take the beetle."	Возьми машину.
"No, I don't want to, this time. I want to hold on to this funny thing.	- Нет, сегодня не надо. .Я не хочу, чтобы это чувство рассеивалось.
God, it's gotten big on me.	О черт, что-то кипит во мне!
I don't know what it is.	Не понимаю, что это такое.

I'm so damned unhappy, I'm so mad, and I don't know why I feel like I'm putting on weight.	Я так ужасно несчастлив, я так зол, сам не знаю почему.
I feel fat.	Мне кажется, я пухну, я разбухаю.
I feel like I've been saving up a lot of things, and don't know what.	Как будто я слишком многое держал в себе... Но что, я не знаю.
I might even start reading books."	Я, может быть, даже начну читать книги.
"They'd put you in jail, wouldn't they?" She looked at him as if he were behind the glass wall.	- Но ведь тебя посадят в тюрьму.- Она посмотрела на него так, словно между ними была стеклянная стена.

He began to put on his clothes, moving restlessly about the bedroom.	Он начал одеваться, беспокойно бродя по комнате.
"Yes, and it might be a good idea. Before I hurt someone.	- Ну и пусть. Может, так и надо, посадить меня, пока я еще кого-нибудь не покалечил.
Did you hear Beatty?	Ты слышала Битти?
Did you listen to him?	Слышала, что он говорит?
He knows all the answers.	У него на все есть ответ.
He's right.	И он прав.
Happiness is important.	Быть счастливым - это очень важно.
Fun is everything.	Веселье - это все.

And yet I kept sitting there saying to myself, I'm not happy, I'm not happy."	А я слушал его и твердил про себя: нет, я несчастлив, я несчастлив.
"I am." Mildred's mouth beamed. "And proud of it."	- А я счастлива,- рот Милдред растянулся в ослепительной улыбке. - И горжусь этим!
"I'm going to do something," said Montag. "I don't even know what yet, but I'm going to do something big."	- Я должен что-то сделать,- сказал Монтэг.- Не знаю что. Но что-то очень важное.

"I'm tired of listening to this junk," said Mildred, turning from him to the announcer again Montag touched the volume control in the wall and the announcer was speechless.	- Мне надоело слушать эту чепуху,-промолвила Милдред и снова повернулась к диктору. Монтэг тронул регулятор на стене, и диктор умолк.
"Millie?" He paused. "This is your house as well as mine.	- Милли!- начал Монтэг и остановился.- Это ведь и твой дом тоже, не только мой.
I feel it's only fair that I tell you something now.	И, чтобы быть честным, я должен тебе рассказать.
I should have told you before, but I wasn't even admitting it to myself.	Давно надо было это сделать, но я даже самому себе боялся признаться.

I have something I want you to see, something I've put away and hid during the past year, now and again, once in a while, I didn't know why, but I did it and I never told you."	Я покажу тебе то, что я целый год тут прятал. Целый год собирал, по одной, тайком. Сам не знаю, зачем я это делал, но вот, одним словом, сделал, а тебе так и не сказал...
He took hold of a straight?backed chair and moved it slowly and steadily into the hall near the front door and climbed up on it and stood for a moment like a statue on a pedestal, his wife standing under him, waiting.	Он взял стул с прямой спинкой, не спеша отнес его в переднюю, поставил у стены возле входной двери, взобрался на него. С минуту постоял неподвижно, как статуя на пьедестале, а Милдред стояла рядом, глядя на него снизу вверх, и ждала.

Then he reached up and pulled back the grille of the air?conditioning system and reached far back inside to the right and moved still another sliding sheet of metal and took out a book.	Затем он отодвинул вентиляционную решетку в стене, глубоко засунул руку в вентиляционную трубу, нащупал и отодвинул еще одну решетку и достал книгу.
Without looking at it he dropped it to the floor.	Не глядя, бросил ее на пол.
He put his hand back up and took out two books and moved his hand down and dropped the two books to the floor.	Снова засунул руку, вытащил еще две книги и тоже бросил на пол.

He kept moving his hand and dropping books, small ones, fairly large ones, yellow, red, green ones.	Он вынимал книги одну за другой и бросал их на пол: маленькие, большие, в желтых, красных, зеленых переплетах.
When he was done he looked down upon some twenty books lying at his wife's feet.	Когда он вытащил последнюю, у ног Милдред лежало не менее двадцати книг.
"I'm sorry," he said. "I didn't really think.	- Прости меня,- сказал он.- Я сделал это не подумав.
But now it looks as if we're in this together."	А теперь похоже, что мы с тобой оба запутались в эту историю.

Mildred backed away as if she were suddenly confronted by a pack of mice that had come up out of the floor.	Милдред отшатнулась, словно увидела перед собой стаю мышей, выскочивших из-под пола.
He could hear her breathing rapidly and her face was paled out and her eyes were fastened wide.	Монтэг слышал ее прерывистое дыхание, видел ее побледневшее лицо, застывшие широко открытые глаза.
She said his name over, twice, three times. Then moaning, she ran forward, seized a book and ran toward the kitchen incinerator.	Она повторяла его имя - еще и еще раз,- затем с жалобным стоном метнулась к книгам, схватила одну и бросилась в кухню к печке для сжигания мусора.
He caught her, shrieking.	Монтэг схватил ее.

He held her and she tried to fight away from him, scratching.	Она завизжала и, царапаясь, стала вырываться.
"No, Millie, no!	- Нет, Милли, нет!
Wait!	Подожди!
Stop it, will you?	Перестань, прошу тебя.
You don't know . . . stop it!"	Ты ничего не знаешь...
He slapped her face, he grabbed her again and shook her.	Да перестань же!.. - он ударил ее по лицу и, схватив за плечи, встряхнул.
She said his name and began to cry.	Губы ее снова произнесли его имя, и она заплакала.
"Millie! "' he said. "Listen.	- Милли! - сказал он.- Выслушай меня.
Give me a second, will you?	Одну секунду! Умоляю!

We can't do anything.	Теперь уж ничего не поделаешь.
We can't burn these.	Нельзя их сейчас жечь.
I want to look at them, at least look at them once.	Я хочу сперва заглянуть в них, понимаешь, заглянуть хоть разок.
Then if what the Captain says is true, we'll burn them together, believe me, we'll burn them together.	И если брандмейстер прав, мы вместе сожжем их. Даю тебе слово, мы вместе их сожжем!
You must help me." He looked down into her face and took hold of her chin and held her firmly.	Ты должна помочь мне, Милли!-Он заглянул ей в лицо. Взял ее за подбородок. Вглядываясь в ее'лицо, он искал в нем себя, искал ответ на вопрос, что ему делать.

He was looking not only at her, but for himself and what he must do, in her face.	- Хочешь не хочешь, а мы все равно уже запутались.
"Whether we like this or not, we're in it.	Я ни о чем не просил тебя все эти годы, но теперь я прошу, я умоляю.
I've never asked for much from you in all these years, but I ask it now, I plead for it.	Мы должны наконец разобраться, почему все так получилось - ты и эти пилюли и безумные поездки в автомобиле по ночам, я и моя работа.
We've got to start somewhere here, figuring out why we're in such a mess, you and the medicine at night, and the car, and me and my work.	Мы катимся в пропасть, Милли!

We're heading right for the cliff, Millie.	Но я не хочу, черт возьми!
God, I don't want to go over.	Нам будет нелегко, мы даже не знаем, с чего начать, но попробуем как-нибудь разобраться, обдумать все это, помочь друг другу.
This isn't going to be easy. We haven't anything to go on, but maybe we can piece it out and figure it and help each other.	Мне так нужна твоя помощь, Милли, именно сейчас! Мне даже трудно передать тебе, как нужна!
I need you so much right now, I can't tell you.	Если ты хоть капельку меня любишь, то потерпишь день, два. Вот все, о чем я тебя прошу,- и на том все кончится!

If you love me at all you'll put up with this, twenty?four, forty?eight hours, that's all I ask, then it'll be over.	Я обещаю, я клянусь тебе!
I promise, I swear!	И если есть хоть что-нибудь толковое в этих книгах, хоть крупица разума среди хаоса, может быть, мы сможем передать ее другим.
And if there is something here, just one little thing out of a whole mess of things, maybe we can pass it on to someone else."	Милдред больше не сопротивлялась, и он отпустил ее.

She wasn't fighting any more, so he let her go.	Она отшатнулась к стене, обессиленно прислонилась к ней, потом тяжело сползла на пол. Она молча сидела на полу, глядя на разбросанные книги.
She sagged away from him and slid down the wall, and sat on the floor looking at the books.	Нога ее коснулась одной из них, и она поспешно отдернула ногу.
Her foot touched one and she saw this and pulled her foot away.	- Эта женщина вчера... Ты не была 'там, Милли, ты не видела ее лица.
"That woman, the other night, Millie, you weren't there. You didn't see her face.	И Кларисса...

And Clarisse.	Ты никогда не говорила с ней.
You never talked to her.	А я говорил.
I talked to her.	Такие люди, как Битти, боятся ее.
And men like Beatty are afraid of her.	Не понимаю!
I can't understand it.	Почему они боятся Клариссы и таких, как Кларисса?
Why should they be so afraid of someone like her?	Но вчера на дежурстве я начал сравнивать ее с пожарниками на станции и вдруг понял, что ненавижу их, ненавижу самого себя.

But I kept putting her alongside the firemen in the house last night, and I suddenly realized I didn't like them at all, and I didn't like myself at all any more.	Я подумал. что, может быть, лучше всего было бы сжечь самих пожар-ных.
And I thought maybe it would be best if the firemen themselves were burnt."	- Гай! Рупор у входной двери тихо забормотал:
"Guy! " The front door voice called softly:	"Миссис Монтэг, миссис Монтэг, к вам пришли, к вам пришли"
"Mrs. Montag, Mrs. Montag, someone here, someone here, Mrs. Montag, Mrs. Montag, someone here."	Тишина.

Softly.	Они испуганно смотрели на входную дверь, на книги, валявшиеся на полу.
They turned to stare at the door and the books toppled everywhere, everywhere in heaps.	- Битти! - промолвила Милдред.
"Beatty!" said Mildred.	- Не может быть.
"It can't be him."	Это не он.

"He's come back!" she whispered.	- Он вернулся! - прошептала она.
The front door voice called again softly. "Someone here . . ."	И Снова мягкий голос из рупора: "... к вам пришли".
"We won't answer."	- Не надо открывать.

Montag lay back against the wall and then slowly sank to a crouching position and began to nudge the books, bewilderedly, with his thumb, his forefinger.	Монтэг прислонился к стене, затем медленно опустился на корточки и стал растерянно перебирать книги, хватая то одну, то другую, сам не понимая, что делает.
He was shivering and he wanted above all to shove the books up through the ventilator again, but he knew he could not face Beatty again.	Он весь дрожал, и больше всего ему хотелось снова запрятать их в вентилятор. Но он знал, что встретиться еще раз с брандмейстером Битти он не в силах.
He crouched and then he sat and the voice of the front door spoke again, more insistently.	Он сидел на корточках, потом просто сел на пол, и тут уже более настойчиво прозвучал голос рупора у двери.

Montag picked a single small volume from the floor.	Монтэг поднял с полу маленький томик.
"Where do we begin?"	- С чего мы начнем?
He opened the book half?way and peered at it. "We begin by beginning, I guess."	- Он раскрыл книгу на середине и заглянул в нее.-Думаю, надо начать с начала...
"He'll come in," said Mildred, "and burn us and the books!"	- Он войдет, - сказала Милдред,- и сожжет нас вместе с книгами.
The front door voice faded at last.	Рупор у двери наконец умолк.
There was a silence.	Тишина.
Montag felt the presence of someone beyond the door, waiting, listening.	Монтэг чувствовал чье-то присутствие за дверью: кто-то стоял, ждал, прислушивался.

Then the footsteps going away down the walk and over the lawn.	Затем послышались шаги. Они удалялись. По дорожке. Потом через лужайку...
"Let's see what this is," said Montag.	- Посмотрим, что тут написано,- сказал Монтэг.
He spoke the words haltingly and with a terrible selfconsciousness.	Он выговорил это с трудом, запинаясь, словно его сковывал жестокий стыд.

He read a dozen pages here and there and came at last to this: " 'It is computed that eleven thousand persons have at several times suffered death rather than submit to break eggs at the smaller end.'" Mildred sat across the hall from him.	Он пробежал глазами с десяток страниц, перескакивая с одного на другое, пока наконец не остановился на следующих строках: "Установлено, что за все это время не меньше одиннадцати тысяч человек пошли на казнь, лишь бы не подчиняться повелению разбивать яйца с острого конца". Милдред сидела напротив.
"What does it mean?	- Что это значит?
It doesn't mean anything!	В этом же нет никакого смысла!
The Captain was right! "	Брандмейстер был прав!

"Here now," said Montag.	- Нет, подожди, - ответил Монтэг.- Начнем опять.

"We'll start over again, at the beginning." PART II THE SIEVE AND THE SAND THEY read the long afternoon through, while the cold November rain fell from the sky upon the quiet house.	Начнем с самого начала. Часть 2. СИТО И ПЕСОК Весь долгий день они читали, а холодный ноябрьский дождь падал с неба на притихший дом.

They sat in the hall because the parlour was so empty and grey-looking without its walls lit with orange and yellow confetti and sky-rockets and women in gold-mesh dresses and men in black velvet pulling one-hundred- pound rabbits from silver hats.	Они читали в передней. Гостиная казалась пустой и серой. На ее умолкших стенах не играла радуга конфетти, не сверкали огнями фейерверки, не было женщин в платьях из золотой мишуры, и мужчины в черных бархатных костюмах не извлекали стофунтовых кроликов из серебряных цилиндров.

The parlour was dead and Mildred kept peering in at it with a blank expression as Montag paced the floor and came back and squatted down and read a page as many as ten times, aloud. " 'We cannot tell the precise moment when friendship is formed.	Г остиная была мертва. И Милдред с застывшим, лишенным выражения лицом то и дело поглядывала на молчавшие стены, а Монтэг то беспокойно шагал по комнате, то опять опускался на корточки и по нескольку раз перечитывал вслух какую-нибудь страницу.

As in filling a vessel drop by drop, there is at last a drop which makes it run over, so in a series of kindnesses there is at last one which makes the heart run over.'" Montag sat listening to the rain.	"Трудно сказать, в какой именно момент рождается дружба. Когда по капле наливаешь воду в сосуд, бывает какая-то одна, последняя капля, от которой он вдруг переполняется, и влага переливается через край, так и здесь в ряде добрых поступков какой-то один вдруг переполняет сердце". Монтэг сидел, прислушиваясь к шуму дождя.
"Is that what it was in the girl next door?	- Может быть, это-то и было в той девушке, что жила рядом с нами?
I've tried so hard to figure."	Мне так хотелось понять ее.

"She's dead.	- Она же умерла.
Let's talk about someone alive, for goodness' sake."	Ради бога, поговорим о ком-нибудь живом.
Montag did not look back at his wife as he went trembling along the hall to the kitchen, where he stood a long .time watching the rain hit the windows before he came back down the hall in the grey light, waiting for the tremble to subside. He opened another book. " 'That favourite subject, Myself.'" He squinted at the wall. " 'The favourite subject, Myself.'"	Не взглянув на жену, Монтэг, весь дрожа, как в ознобе, вышел в кухню. Он долго стоял там, глядя в окно на дождь, хлеставший по стеклам. Когда дрожь унялась, он вернулся в серый сумрак передней и взял новую книгу: - "Наша излюбленная тема: о Себе". - Прищурившись, он поглядел на стену. - "Наша излюбленная тема: о Себе".

"I understand that one," said Mildred.	- Вот это мне понятно,- сказала Милдред.
"But Clarisse's favourite subject wasn't herself.	- Но для Клариссы это вовсе не было излюбленной темой.
It was everyone else, and me.	Она любила говорить о других, обо мне.
She was the first person in a good many years I've really liked.	Из всех, кого я встречал за много, много лет, она первая мне по-настоящему понравилась.
She was the first person I can remember who looked straight at me as if I counted."	Только она одна из всех, кого я помню, смотрела мне прямо в глаза - так, словно я что-то значу.

He lifted the two books.	Он поднял с полу обе книги, которые только что читал.
"These men have been dead a long time, but I know their words point, one way or another, to Clansse."	- Эти люди умерли много лет назад, но я знаю, что все написанное ими здесь так или иначе связано с Клариссой.
Outside the front door, in the rain, a faint scratching.	Снаружи, под дождем, что-то тихо заскреблось в дверь.
Montag froze.	Монтэг замер.
He saw Mildred thrust herself back to the wall and gasp. "I shut it off."	Милдред, вскрикнув, прижалась к стене.

"Someone--the door--why doesn't the door-voice tell us--" Under the door-sill, a slow, probing sniff, an exhalation of electric steam.	- Кто-то за дверью... Почему молчит рупор? - Я его выключил. За дверью слышалось слабое пофыркивание, легкое шипение электрического пара.
Mildred laughed.	Милдред рассмеялась.
"It's only a dog, that's what!	- Да это просто собака!..
You want me to shoo him away?"	Только и всего!
"Stay where you are!"	Прогнать ее?
Silence.	- Не смей!
The cold rain falling.	Сиди! Тишина. Там, снаружи, моросящий холодный дождь.

And the smell of blue electricity blowing under the locked door.	А из-под запертой двери - тонкий запах голубых электрических разрядов.
"Let's get back to work," said Montag quietly.	- Продолжим,- спокойно сказал Монтэг.
Mildred kicked at a book.	Милдред отшвырнула книгу ногой.
"Books aren't people.	- Книги - это не люди.
You read and I look around, but there isn't anybody!"	Ты читаешь, а я смотрю кругом, и никого нет!
He stared at the parlour that was dead and grey as the waters of an ocean that might teem with life if they switched on the electronic sun.	Он глянул на стены гостиной: мертвые и серые, как воды океана, который, однако, готов забурлить жизнью, стоит только включить электронное солнце.

"Now," said Mildred, "my 'family' is people.	- А вот "родственники" - это живые люди.
They tell me things; I laugh, they laugh!	Они мне что-то говорят, я смеюсь, они смеются.
And the colours!"	А краски!
"Yes, I know."	- Да. Я знаю.
"And besides, if Captain Beatty knew about those books--" She thought about it.	- А кроме того, если брандмейстер Битти узнает об этих книгах...- Она задумалась.
Her face grew amazed and then horrified.	На лице ее отразилось удивление, потом страх.
"He might come and bum the house and the family.'	- Он может прийти сюда, сжечь дом, "родственников", все!

That's awful!	О, какой ужас!

Think of our investment.	Подумай, сколько денег мы вложили во все это!
Why should I read?	Почему я должна читать книги?
What for?"	Зачем?
"What for!	- Почему?
Why!" said Montag. "I saw the damnedest snake in the world the other night.	Зачем?- воскликнул Монтэг.- Прошлой ночью я видел змею. Отвратительней ее нет ничего на свете!
It was dead but it was alive.	Она была как будто мертвая и вместе с тем живая.
It could see but it couldn't see.	Она могла смотреть, но она не видела.
You want to see that snake.	Хочешь взглянуть на нее?

It's at Emergency Hospital where they filed a report on all the junk the snake got out of you!	Она в больнице неотложной помощи, там подробно записано, какую мерзость она высосала из тебя.
Would you like to go and check their file?	Может, пойдешь туда, почитаешь запись?
Maybe you'd look under Guy Montag or maybe under Fear or War.	Не знаю только, под какой рубрикой ее искать: "Гай Монтэг", или "Страх", или "Война"?
Would you like to go to that house that burnt last night?	А может, пойдешь посмотреть на дом, который вчера сгорел?
And rake ashes for the bones of the woman who set fire to her own house!	Раскопаешь в пепле кости той женщины, что сама сожгла себя вместе с домом?

What about Clarisse McClellan, where do we look for her?	А Кларисса Маклеллан? Где ее теперь искать?
The morgue!	В морге?
Listen!"	Вот слушай!
The bombers crossed the sky and crossed the sky over the house, gasping, murmuring, whistling like an immense, invisible fan, circling in emptiness.	Над домом проносились бомбардировщики, один за другим, проносились с ревом, грохотом и свистом, словно гигантский невидимый вентилятор вращался в пустой дыре неба.
"Jesus God," said Montag.	- Господи боже мой! - воскликнул Монтэг.
"Every hour so many damn things in the sky!	- Каждый час они воют у нас над головой!

How in hell did those bombers get up there every single second of our lives!	Каждая секунда нашей жизни этим заполнена!
Why doesn't someone want to talk about it?	Почему никто не говорит об этом?
We've started and won two atomic wars since 1960.	После 1960 года мы затеяли и выиграли две атомные войны.
Is it because we're having so much fun at home we've forgotten the world?	Мы тут так веселимся, что совсем забыли и думать об остальном мире.

Is it because we're so rich and the rest of the world's so poor and we just don't care if they are?	А не потому ли мы так богаты, что весь остальной мир беден и нам дела нет до этого?

I've heard rumours; the world is starving, but we're well-fed.	Я слышал, что во всем мире люди голодают. Но мы сыты!
Is it true, the world works hard and we play?	Я слышал, что весь мир тяжко трудится. Но мы веселимся.
Is that why we're hated so much?	И не потому ли нас так ненавидят?
I've heard the rumours about hate, too, once in a long while, over the years.	Я слышал - когда-то давно, - что нас все ненавидят.

Do you know why?	А почему? За что? Ты знаешь?..
I don't, that's sure!	Я не знаю.
Maybe the books can get us half out of the cave.	Но, может быть, эти книги откроют нам глаза!
They just might stop us from making the same damn insane mistakes!	Может быть, хоть они предостерегут нас от повторения все тех же ужасных ошибок!
I don't hear those idiot bastards in your parlour talking about it.	Я что-то не слыхал, чтобы эти идиотики в твоей гостиной когда-нибудь говорили об этом.
God, Millie, don't you see?	Боже мой, Милли, ну как ты не понимаешь?
An hour a day, two hours, with these books, and maybe..."	Если читать каждый день понемногу - ну, час в день, два часа в день, - так, может быть...

The telephone rang.	Зазвонил телефон.
Mildred snatched the phone.	Милдред схватила трубку.
"Ann!"	- Энн!
She laughed.	- Она радостно засмеялась.
"Yes, the White Clown's on tonight!"	- Да, Белый клоун! Сегодня в вечерней программе!
Montag walked to the kitchen and threw the book down.	Монтэг вышел в кухню и швырнул книгу на стол.
"Montag," he said, "you're really stupid. Where do we go from here?	"Монтэг, - сказал он себе,- ты в самом деле глуп Но что же делать?

Do we turn the books in, forget it?" He opened the book to read over Mildred's laughter.	Сообщить о книгах на станцию? Забыть о них?" - Он снова раскрыл книгу, стараясь не слышать смеха Милдред.
Poor Millie, he thought.	"Бедная Милли, - думал он.
Poor Montag, it's mud to you, too.	- Бедный Монтэг. Ведь и ты тоже ничего в них не можешь понять.
But where do you get help, where do you find a teacher this late?	Где просить помощи, где найти учителя, когда уже столько времени потеряно?"
Hold on.	Не надо сдаваться.
He shut his eyes.	Он закрыл глаза.
Yes, of course.	Ну да, конечно.

Again he found himself thinking of the green park a year ago.	Он снова поймал себя на том, что думает о городском парке, куда однажды забрел год тому назад.

The thought had been with him many times recently, but now he remembered how it was that day in the city park when he had seen that old man in the black suit hide something, quickly in his coat	В последнее время он все чаще вспоминал об этом И сейчас в памяти ясно всплыло все, что произошло в тот день: зеленый уголок парка, на скамейке старик в черном костюме, при виде Монтэга он быстро спрятал что-то в карман пальто.
The old man leapt up as if to run.	...Старик вскочил, словно хотел бежать.
And Montag said,	А Монтэг сказал:
"Wait ! "	- Подождите!

"I haven't done anything! " cried the old man trembling.	- Я ни в чем не виноват! - воскликнул старик дрожа.
"No one said you did."	- А я и не говорю, что вы в чем-то виноваты, -ответил Монтэг.
They had sat in the green soft light without saying a word for a moment, and then Montag talked about the weather, and then the old man responded with a pale voice.	Какое-то время они сидели молча в мягких зеленых отсветах листвы. Потом Монтэг заговорил о погоде, и старик отвечал ему тихим, слабым голосом.
It was a strange quiet meeting.	Это была странная, какая-то очень тихая и спокойная беседа.

The old man admitted to being a retired English professor who had been thrown out upon the world forty years ago when the last liberal arts college shut for lack of students and patronage.	Старик признался, что он бывший профессор английского языка, он лишился работы лет сорок тому назад, когда из-за отсутствия учащихся и материальной поддержки закрылся последний колледж изящной словесности.
His name was Faber, and when he finally lost his fear of Montag, he talked in a cadenced voice, looking at the sky and the trees and the green park, and when an hour had passed he said something to Montag and Montag sensed it was a rhymeless poem.	Старика звали Фабер, и когда наконец его страх перед Монтэгом прошел, он стал словоохотлив, он заговорил тихим размеренным голосом, глядя на небо, на деревья, на зеленые лужайки парка. Они беседовали около часа, и тут старик вдруг что-то прочитал наизусть, и Монтэг понял, что это стихи.

Then the old man grew even more courageous and said something else and that was a poem, too.	Потом старик, еще больше осмелев, снова что-то прочитал, и это тоже были стихи.
Faber held his hand over his left coat-pocket and spoke these words gently, and Montag knew if he reached out, he might pull a book of poetry from the man's coat.	Прижав руку к левому карману пальто, Фабер с нежностью произносил слова, и Монтэг знал, что стоит ему протянуть руку - ив кармане у старика обнаружится томик стихов.
But he did not reach out.	Но он не сделал этого.
His. hands stayed on his knees, numbed and useless.	Руки его, странно бессильные и ненужные, неподвижно лежали на коленях.

"I don't talk things, sir," said Faber.	- Я ведь говорю не о самих вещах, сэр, - говорил Фабер.
"I talk the meaning of things.	- Я говорю об их значении.
I sit here and know I'm alive."	Вот я сижу здесь и знаю - я живу.
That was all there was to it, really.	Вот и все, что случилось тогда.

An hour of monologue, a poem, a comment, and then without even acknowledging the fact that Montag was a fireman, Faber with a certain trembling, wrote his address on a slip of paper.	Разговор, длившийся час, стихи и эти слова, а затем старик слегка дрожащими пальцами записал ему свой адрес на клочке бумажки. До этой минуты оба избегали упоминать о том, что Монтэг - пожарный.

"For your file," he said, "in case you decide to be angry with me."	- Для вашей картотеки, - сказал старик,- на тот случай, если вы вздумаете рассердиться на меня.
"I'm not angry," Montag said, surprised.	- Я не сержусь на вас, - удивленно ответил Монтэг.
Mildred shrieked with laughter in the hall.	В передней пронзительно смеялась Милдред.
Montag went to his bedroom closet and flipped through his file-wallet to the heading: FUTURE INVESTIGATIONS (?).	Открыв стенной шкаф в спальне, Монтэг перебирал карточки в ящике с надписью "Предстоящие расследования (?)".
Faber's name was there.	Среди них была карточка Фабера.

He hadn't turned it in and he hadn't erased it.	Монтэг не донес на него тогда, но и не уничтожил адреса.
He dialled the call on a secondary phone.	Он набрал номер телефона.
The phone on the far end of the line called Faber's name a dozen times before the professor answered in a faint voice.	На другом конце провода сигнал несколько раз повторил имя Фабера, и наконец в трубке послышался слабый голос профессора.
Montag identified himself and was met with a lengthy silence.	Монтэг назвал себя. Ответом было долгое молчание, а затем:
"Yes, Mr. Montag?"	- Да, мистер Монтэг?
"Professor Faber, I have a rather odd question to ask.	- Профессор Фабер, у меня к вам не совсем обычный вопрос.

How many copies of the Bible are left in this country?"	Сколько экземпляров библии осталось в нашей стране?
"I don't know what you're talking about! "	- Не понимаю, о чем вы говорите.
"I want to know if there are any copies left at all."	- Я хочу знать, остался ли у нас хоть один экземпляр библии?
"This is some sort of a trap!	- Это какая-то ловушка!
I can't talk to just anyone on the phone!"	Я не могу со всяким разговаривать по телефону.
"How many copies of Shakespeare and Plato?"	- Сколько осталось экземпляров произведений Шекспира, Платона?
"None !	- Ни одного!

You know as well as I do.	Вы знаете это не хуже меня.
None!"	Ни одного!
Faber hung up.	Фабер бросил трубку.
Montag put down the phone.	Монтэг тоже положил трубку.
None.	Ни одного.
A thing he knew of course from the firehouse listings.	Монтэг и раньше это знал по спискам на пожарной станции.

But somehow he had wanted to hear it from Faber himself.	Но почему-то ему хотелось услышать это от самого Фабера.
In the hall Mildred's face was suffused with excitement.	В передней его встретила Милдред с порозовевшим, веселым лицом.

"Well, the ladies are coming over!"	- Ну вот, сегодня у нас в гостях будут дамы!
Montag showed her a book.	Монтэг показал ей книгу.
"This is the Old and New Testament, and-"	- Это Ветхий и Новый завет, и знаешь, Милдред..
"Don't start that again!"	- Не начинай, пожалуйста, опять все сначала!
"It might be the last copy in this part of the world."	- Это, возможно, единственный уцелевший экземпляр в нашей части света.
"You've got to hand it back tonight, don't you know?	- Но ты должен сегодня же ее вернуть?
Captain Beatty knows you've got it, doesn't he?"	Ведь брандмейстер Битти знает об этой книге?

"I don't think he knows which book I stole.	- Вряд ли он знает, какую именно книгу я унес Можно сдать другую.
But how do I choose a substitute?	Но какую?
Do I turn in Mr. Jefferson?	Джефферсона?
Mr. Thoreau?	Или Торо?
Which is least valuable?	Какая из них менее ценна?
If I pick a substitute and Beatty does know which book I stole, he'll guess we've an entire library here!"	А с другой стороны, если я ее подменю, а Битти знает, какую именно книгу я украл, он догадается, что у нас тут целая библиотека.
Mildred's mouth twitched.	У Милдред задергались губы.

"See what you're doing?	- Ну подумай, что ты делаешь!
You'll ruin us!	Ты нас погубишь!
Who's more important, me or that Bible?"	Что для тебя важнее - я или библия?
She was beginning to shriek now, sitting there like a wax doll melting in its own heat.	Она уже опять истерически кричала, похожая на восковую куклу, тающую от собственного жара. Но Монтэг не слушал ее.
He could hear Beatty's voice.	Он слышал голос Битти.
"Sit down, Montag.	"Садитесь, Монтэг.
Watch.	Смотрите.
Delicately, like the petals of a flower.	Берем страничку. Осторожно. Как лепесток цветка.

Light the first page, light the second page.	Поджигаем первую. Затем вторую.
Each becomes a black butterfly.	Огонь превращает их в черных бабочек.
Beautiful, eh?	Красиво, а?

Light the third page from the second and so on, chainsmoking, chapter by chapter, all the silly things the words mean, all the false promises, all the secondhand notions and time-worn philosophies."	Теперь от второй зажигайте третью, и так, цепочкой, страницу за страницей, главу за главой - все глупости, заключенные в словах, все лживые обещания, подержанные мысли, отжившую философию!"

There sat Beatty, perspiring gently, the floor littered with swarms of black moths that had died in a single storm Mildred stopped screaming as quickly as she started.	Перед ним сидел Битти с влажным от пота лбом, а вокруг него пол был усеян трупами черных бабочек, погибших в огненном смерче. Милдред перестала вопить столь же неожиданно, как и начала.
Montag was not listening.	Монтэг не обращал на нее внимания.
"There's only one thing to do," he said. "Some time before tonight when I give the book to Beatty, I've got to have a duplicate made."	- Остается одно,- сказал он.- До того как наступит вечер и я буду вынужден отдать книгу Битти, надо снять с нее копию.

"You'll be here for the White Clown tonight, and the ladies coming over?" cried Mildred.	- Ты будешь дома, когда начнется программа Белого клоуна и придут гости?- крикнула ему вслед Милдред.
Montag stopped at the door, with his back turned.	Не оборачиваясь, Монтэг остановился в дверях.
"Millie?"	- Милли!
A silence	Молчание.
"What?"	- Ну что?
"Millie? Does the White Clown love you?"	- Милли, Белый клоун любит тебя?
No answer.	Ответа нет.

"Millie, does--" He licked his lips. "Does your 'family' love you, love you very much, love you with all their heart and soul, Millie?"	- Милли, - он облизнул сухие губы,- твои "родственники" любят тебя? Любят всем сердцем, всей душой? А, Милли?
He felt her blinking slowly at the back of his neck.	Он чувствовал, что, растерянно моргая, она смотрит ему в затылок.
"Why'd you ask a silly question like that?"	- Зачем ты задаешь такие глупые вопросы?
He felt he wanted to cry, but nothing would happen to his eyes or his mouth.	Ему хотелось плакать, но губы его были плотно сжаты, и в глазах не было слез.
"If you see that dog outside," said Mildred, "give him a kick for me."	- Если увидишь за дверью собаку, дай ей за меня пинка,- сказала Милдред.

He hesitated, listening at the door.	Он стоял в нерешительности перед дверью, прислушиваясь.
He opened it and stepped out.	Затем открыл ее и перешагнул порог.
The rain had stopped and the sun was setting in the clear sky.	Дождь перестал, на безоблачном небе солнце клонилось к закату.
The street and the lawn and the porch were empty.	Около дома никого не было, улица и лужайка были пусты.
He let his breath go in a great sigh.	Вздох облегчения вырвался из груди Монтэга.
He slammed the door.	Он захлопнул за собой дверь.
He was on the subway.	Монтэг ехал в метро.

I'm numb, he thought.	"Я весь словно застыл,- думал он.- Когда же это началось?
When did the numbness really begin in my face? In my body?	Когда застыло мое лицо, мое тело?
The night I kicked the pill-bottle in the dark, like kicking a buried mine.	Не в ту ли ночь, когда в темноте я натолкнулся на флакон с таблетками, словно на спрятанную мину?
The numbness will go away, he thought.	Это пройдет.
It'll take time, but I'll do it, or Faber will do it for me.	Не сразу, может быть, понадобится время. Но я все сделаю, чтобы это прошло, да и Фа-бер мне поможет.

Someone somewhere will give me back the old face and the old hands the way they were.	Кто-нибудь вернет мне мое прежнее лицо, мои руки, они опять станут такими, как были.
Even the smile, he thought, the old burnt-in smile, that's gone.	Сейчас даже улыбка, привычная улыбка пожарника покинула меня.
I'm lost without it.	Без нее я как потерянный".
The subway fled past him, cream- tile, jet-black, cream-tile, jet-black, numerals and darkness, more darkness and the total adding itself.	В окнах мелькала стена туннеля - кремовые изразцы и густая чернота - изразцы и чернота, цифры и снова чернота, все неслось мимо, все складывалось в какой-то непонятный итог.

Once as a child he had sat upon a yellow dune by the sea in the middle of the blue and hot summer day, trying to fill a sieve with sand, because some cruel cousin had said,	Когда-то давно, когда он был еще ребенком, он сидел однажды на берегу моря, на желтом песке дюн в жаркий летний день и пытался наполнить песком сито, потому что двоюродный брат зло подшутил над ним, сказав:
"Fill this sieve and you'll get a dime!" 'And the faster he poured, the faster it sifted through with a hot whispering.	"Если наполнишь сито песком, получишь десять центов". Но чем быстрее он наполнял его, тем стремительнее, с сухим горячим шелестом песок просыпался сквозь сито.

His hands were tired, the sand was boiling, the sieve was empty.	Руки у него устали, песок был горячий, как огонь, а сито все оставалось пустым.
Seated there in the midst of July, without a sound, he felt the tears move down his cheeks.	Он молча сидел на берегу в душный, июльский день, и слезы катились по его щекам.
Now as the vacuum-underground rushed him through the dead cellars of town, jolting him, he remembered the terrible logic of that sieve, and he looked down and saw that he was carrying the Bible open.	Теперь, когда пневматический поезд мчал его, потряхивая и качая, по пустым подземным коридорам, он вспомнил безжалостную логику сита и, опустив глаза, вдруг 'увидел, что держит в руках раскрытую библию.

There were people in the suction train but he held the book in his hands and the silly thought came to him, if you read fast and read all, maybe some of the sand will stay in the sieve.	В вагоне были люди, но он, не скрываясь, держал книгу в руках, и в голову ему вдруг пришла нелепая мысль: если читать быстро и все подряд, то хоть немного песка задержится в сите.

But he read and the words fell through, and he thought, in a few hours, there will be Beatty, and here will be me handing this over, so no phrase must escape me, each line must be memorized.	Он начал читать, но слова просыпались насквозь, а ведь через несколько часов он увидит Битти и отдаст ему книгу, поэтому ни одна фраза не должна ускользнуть, нужно запомнить каждую строчку.

I will myself to do it.	"Я, Монтэг, должен это сделать, я заставлю себя это сделать!"
He clenched the book in his fists.	Он судорожно стиснул книгу.
Trumpets blared.	В вагоне ревели радиорупоры:
"Denham's Dentrifice."	- Зубная паста Денгэм!..
Shut up, thought Montag. Consider the lilies of the field.	"Замолчи,- думал Монтэг.- Посмотрите на лилии, как они растут..."
"Denham's Dentifrice."	- Зубная паста Денгэм!
They toil not-	"Они не трудятся..."
"Denham's-- " Consider the lilies of the field, shut up, shut up.	- Зубная паста... "Посмотрите на лилии... Замолчи, да замолчи же!.."

"Dentifrice ! " He tore the book open and flicked the pages and felt them as if he were blind, he picked at the shape of the individual letters, not blinking.	- Зубная паста!.. Он опять раскрыл книгу, стал лихорадочно листать страницы, он ощупывал их, как слепой, впивался взглядом в строчки, в каждую букву.
"Denham's.	- Денгэм.
Spelled : D-E.N " They toil not, neither do they . . .	По буквам: Д-е-н... "Не трудятся, не прядут..."
A fierce whisper of hot sand through empty sieve.	Сухой шелест песка, просыпающегося сквозь пустое сито.
"Denham's does it!"	- Денгэм освежает!..
Consider the lilies, the lilies, the lilies...	"Посмотрите на лилии, лилии, лилии..."
"Denham's dental detergent."	- Зубной эликсир Денгэм!

"Shut up, shut up, shut up!" It was a plea, a cry so terrible that Montag found himself on his feet, the shocked inhabitants of the loud car staring, moving back from this man with the insane, gorged face, the gibbering, dry mouth, the flapping book in his fist. The people who had been sitting a moment before, tapping their feet to the rhythm of Denham's Dentifrice, Denham's Dandy Dental Detergent, Denham's Dentifrice Dentifrice Dentifrice, one two, one two three, one two, one two three. The people whose mouths had been	- Замолчите, замолчите, замолчите!.. - эта мольба, этот крик о помощи с такой силой вырвался из груди Монтэга, что он сам не заметил, как вскочил на ноги. Пассажиры шумного вагона испуганно отшатнулись от человека с безумным, побагровевшим от крика лицом, с перекошенными, воспаленными губами, сжимавшего в руках открытую книгу, все с опаской смотрели на него, все, кто минуту назад мирно отбивал такт ногой под выкрики рупора: Денгэм, Денгэм, зубная паста, Денгэм, Денгэм, зубной эликсир - раз два, раз два, раз два три, раз два, раз два, раз два три, все, кто только что машинально бормотал себе под нос: "Паста,

The train radio vomited upon Montag, in retaliation, a great ton-load of music made of tin, copper, silver, chromium, and brass.	И. как бы в отместку, рупоры обрушили на Монтэга тонну музыки, составленной из металлического лязга - из дребезжания и звона жести, меди, серебра, латуни.

The people wcre pounded into submission; they did not run, there was no place to run; the great air-train fell down its shaft in the earth.	И люди смирились, оглушенные до состояния полной покорности, они не убегали, ибо бежать было некуда: огромный пневматический поезд мчался в глубоком тунеле под землей.
"Lilies of the field."	- Лилии полевые...
"Denham's."	- Денгэм!
"Lilies, I said!"	- Лилии!.. Лилии!!

The people stared.	Люди с удивлением смотрели на него:
"Call the guard."	- Позовите кондуктора.
"The man's off--"	- Человек сошел с ума...
"Knoll View!"	- Станция Нолл Вью!
The train hissed to its stop.	Со свистом выпустив воздух, поезд остановился.
"Knoll View!" A cry.	- Нолл Вью! - громко.
"Denham's." A whisper.	- Денгэм,- шепотом.
Montag's mouth barely moved.	Губы Монтэга едва шевелились.
"Lilies..."	- Лилии...
The train door whistled open.	Зашипев, дверь вагона открылась.

Montag stood.	Монтэг все еще стоял.
The door gasped, started shut.	Шумно вздохнув, дверь стала закрываться.
Only then .did he leap past the other passengers, screaming in his mind, plunge through the slicing door only in time.	И только тогда Монтэг рванулся вперед, растолкал пассажиров и, продолжая беззвучно кричать, выскочил на платформу сквозь узкую щель закрывающейся двери.
He ran on the white tiles up through the tunnels, ignoring the escalators, because he wanted to feel his feet-move, arms swing, lungs clench, unclench, feel his throat go raw with air.	Он бежал по белым плиткам туннеля, не обращая внимания на эскалаторы,- ему хотелось чувствовать, как ДВИЖУТСЯ его ноги, руки, как сжимаются и разжимаются легкие при каждом вдохе и выдохе и воздух обжигает горло.
A voice drifted after him,	Вслед ему несся рев:

"Denham's Denham's Denham's," the train hissed like a snake.	"Денгэм, Денгэм, Денгэм!!"
The train vanished in its hole.	Зашипев, словно змея, поезд исчез в черной дыре туннеля.
"Who is it?"	- Кто там?
"Montag out here."	- Это я. Монтэг.
"What do you want?"	- Что вам угодно?
"Let me in."	- Впустите меня.
"I haven't done anything l"	- Я ничего не сделал.
"I'm alone, dammit ! "	- Я тут один. Понимаете? Один.
"You swear it?"	- Поклянитесь.

"I swear!"	- Клянусь.
The front door opened slowly. Faber peered out, looking very old in the light and very fragile and very much afraid.	Дверь медленно отворилась, выглянул Фабер. При ярком свете дня он казался очень старым, слабым, напуганным.
The old man looked as if he had not been out of the house in years.	Старик выглядел так, словно много лет не выходил из дому.
He and the white plaster walls inside were much the same.	Его лицо и белые оштукатуренные стены комнаты, видневшиеся за ним, были одного цвета.

There was white in the flesh of his mouth and his cheeks and his hair was white and his eyes had faded, with white in the vague blueness there.	Белыми казались его губы, и кожа щек, и седые волосы, и угасшие бледно-голубые глаза.
Then his eyes touched on the book under Montag's arm and he did not look so old any more and not quite as fragile.	Но вдруг взгляд его упал на книгу, которую Монтэг держал под мышкой, и старик разом изменился, теперь он уже не казался ни таким старым, ни слабым.
Slowly his fear went.	Страх его понемногу проходил.

"I'm sorry. One has to be careful." He looked at the book under Montag's arm and could not stop. "So it's true."	- Простите, приходится быть осторожным.- Глаза Фабера были прикованы к книге.- Значит, это правда?
Montag stepped inside.	Монтэг вошел.
The door shut.	Дверь захлопнулась.
"Sit down."	- Присядьте.
Faber backed up, as if he feared the book might vanish if he took his eyes from it.	- Фабер пятился, не сводя глаз с книги, словно боялся, что она исчезнет, если он хоть на секунду оторвет от нее взгляд.

Behind him, the door to a bedroom stood open, and in that room a litter of machinery and steel tools was strewn upon a desk-top.	За ним виднелась открытая дверь в спальню и там - стол, загроможденный частями каких-то механизмов и рабочим инструментом.
Montag had only a glimpse, before Faber, seeing Montag's attention diverted, turned quickly and shut the bedroom door and stood holding the knob with a trembling hand.	Монтэг увидел все это лишь мельком, ибо Фабер, заметив, куда он смотрит, быстро обернулся и захлопнул дверь. Он стоял, сжимая дрожащей рукой дверную ручку.
His gaze returned unsteadily to Montag, who was now seated with the book in his lap.	Затем перевел нерешительный взгляд на Монтэга. Теперь Монтэг сидел, держа книгу на коленях.

"The book-where did you-?"	- Эта книга... Где вы?..
"I stole it."	- Я украл ее.
Faber, for the first time, raised his eyes and looked directly into Montag's face.	Впервые Фабер посмотрел прямо в глаза Монтэгу.
"You're brave."	- Вы смелый человек.
"No," said Montag.	- Нет,- сказал Монтэг.
"My wife's dying.	- Но моя жена умирает.

A friend of mine's already dead.	Девушка, которая была мне другом, уже умерла.
Someone who may have been a friend was burnt less than twenty-four hours ago.	Женщину, которая могла бы стать моим другом, сожгли заживо всего сутки тому назад.

You're the only one I knew might help me.	Вы единственный, кто может помочь мне.
To see.	Я хочу видеть!
To see. ."	Видеть!
Faber's hands itched on his knees.	Руки Фабера, дрожащие от нетерпения, протянулись к книге:
"May I?"	- Можно?..
"Sorry."	- Ах да. Простите.
Montag gave him the book.	- Монтэг протянул ему книгу.
"It's been a long time.	- Столько времени!..
I'm not a religious man.	Я никогда не был религиозным...

But it's been a long time." Faber turned the pages, stopping here and there to read.	Но столько времени прошло с тех пор...- Фабер перелистывал книгу, останавливаясь иногда, пробегая глазами страничку.
"It's as good as I remember.	- Все та же, та же, точь-в-точь такая, какой я ее помню!
Lord, how they've changed it- in our 'parlours' these days.	А как ее теперь исковеркали в наших телевизорных гостиных!
Christ is one of the 'family' now.	Христос стал одним из "родственников".
I often wonder it God recognizes His own son the way we've dressed him up, or is it dressed him down?	Я часто думаю, узнал бы господь бог своего сына? Мы так его разодели. Или, лучше сказать,- раздели.

He's a regular peppermint stick now, all sugar-crystal and saccharine when he isn't making veiled references to certain commercial products that every worshipper absolutely needs."	Теперь это настоящий мятный леденец. Он источает сироп и сахарин, если только не занимается замаскированной рекламой каких-нибудь товаров, без которых, мол, нельзя обойтись верующему.
Faber sniffed the book.	Фабер понюхал книгу.
"Do you know that books smell like nutmeg or some spice from a foreign land?	- Знаете, книги пахнут мускатным орехом или еще какими-то пряностями из далеких заморских стран.
I loved to smell them when I was a boy.	Ребенком я любил нюхать книги.

Lord, there were a lot of lovely books once, before we let them go."	Господи, ведь сколько же было хороших книг, пока мы не позволили уничтожить их!
Faber turned the pages.	Он перелистывал страницы.
"Mr. Montag, you are looking at a coward.	- Мистер Монтэг, вы видите перед собой труса.
I saw the way things were going, a long time back. I said nothing.	Я знал тогда, я видел, к чему идет, но я молчал.

I'm one of the innocents who could have spoken up and out when no one would listen to the 'guilty,' but I did not speak and thus became guilty myself.	Я был одним из невиновных, одним из тех," кто мог бы поднять голос, когда никто уже не хотел слушать "виновных". Но я молчал и, таким образом, сам стал соучастником.

And when finally they set the structure to burn the books, using the, firemen, I grunted a few times and subsided, for there were no others grunting or yelling with me, by then.	И когда наконец придумали жечь книги, используя для этого пожарных, я пороптал немного и смирился, потому что никто меня не поддержал.
Now, it's too late."	А сейчас уже поздно.
Faber closed the Bible.	Фабер закрыл библию.
"Well--suppose you tell me why you came here?"	- Теперь скажите мне, зачем вы пришли?
"Nobody listens any more.	- Мне нужно поговорить, а слушать меня некому.
I can't talk to the walls because they're yelling at me.	Я не могу говорить со стенами, они кричат на меня.

I can't talk to my wife; she listens to the walls.	Я не могу говорить с женой, она слушает только стены.
I just want someone to hear what I have to say.	Я хочу, чтобы кто-нибудь выслушал меня.
And maybe if I talk long enough, it'll make sense.	И если я буду говорить долго, то, может быть, и договорюсь до чего-нибудь разумного.
And I want you to teach me to understand what I read."	А еще я хочу, чтобы вы научили меня понимать то, что я читаю.
Faber examined Montag's thin, blue-jowled face.	Фабер пристально посмотрел на худое, с синевой на бритых щеках, лицо Монтэга.
"How did you get shaken up?	- Что вас так всколыхнуло?

What knocked the torch out of your hands?"	Что выбило факел пожарника из ваших рук?
"I don't know.	- Не знаю.
We have everything we need to be happy, but we aren't happy.	У нас есть все, чтобы быть счастливыми, но мы несчастны.
Something's missing.	Чего-то нет.
I looked around.	Я искал повсюду.
The only thing I positively knew was gone was the books I'd burned in ten or twelve years.	Единственное, о чем я знаю, что раньше оно было, а теперь его нет,- это книги, которые я сам сжигал вот уже десять или двенадцать лет.
So I thought books might help."	И я подумал: может быть, книги мне и помогут.

"You're a hopeless romantic," said Faber. "It would be funny if it were not serious.	- Вы - безнадежный романтик,- сказал Фабер.-Это было бы смешно, если бы не было так серьезно.
It's not books you need, it's some of the things that once were in books. The same things could be in the 'parlour families' today.	Вам не книги нужны, а то, что когда-то было в них, что могло бы и теперь быть в программах наших гостиных.

The same infinite detail and awareness could be projected through the radios and televisors, but are not.	То же внимание к подробностям, ту же чуткость и сознательность могли бы воспитывать и наши радио- и телевизионные передачи, но, увы, они этого не делают.
No, no, it's not books at all you're looking for!	Нет, нет, книги не выложат вам сразу все, чего вам хочется.

Take it where you can find it, in old phonograph records, old motion pictures, and in old friends; look for it in nature and look for it in yourself.	Ищите это сами всюду, где можно,- в старых граммофонных пластинках, в старых фильмах, в старых друзьях. Ищите это в окружающей вас природе, в самом себе.
Books were only one type of receptacle where we stored a lot of things we were afraid we might forget.	Книги - только одно из вместилищ, где мы храним то, что боимся забыть.
There is nothing magical in them at all.	В них нет никакой тайны, никакого волшебства.

The magic is only in what books say, how they stitched the patches of the universe together into one garment for us.	Волшебство лишь в том, что они говорят, в том, как они сшивают лоскутки вселенной в единое целое.
Of course you couldn't know this, of course you still can't understand what I mean when I say all this.	Конечно, вам неоткуда было это узнать. Вам, наверно, и сейчас еще непонятно, о чем я говорю.
You are intuitively right, that's what counts.	Но вы интуитивно пошли по правильному пути, а это главное.
Three things are missing.	Слушайте, нам не хватает трех вещей.

"Number one: Do you know why books such as this are so important?	Первая. Знаете ли вы, почему так важны такие книги, как эта?
Because they have quality.	Потому что они обладают качеством.
And what does the word quality mean?	А что значит качество?
To me it means texture.	Для меня это текстура, ткань книги.
This book has pores.	У этой книги есть поры, она дышит.
It has features.	У нее есть лицо.
This book can go under the microscope.	Ее можно изучать под микроскопом.

You'd find life under the glass, streaming past in infinite profusion.	И вы найдете в ней жизнь, живую жизнь, протекающую перед вами в неисчерпаемом своем разнообразии.
The more pores, the more truthfully recorded details of life per square inch you can get on a sheet of paper, the more 'literary' you are.	Чем больше пор, чем больше правдивого изображения разных сторон жизни на квадратный дюйм бумаги, тем более "художественна" книга.
That's my definition, anyway.	Вот мое определение качества.
Telling detail. Fresh detail.	Давать подробности, новые подробности.
The good writers touch life often.	Хорошие писатели тесно соприкасаются с жизнью.

The mediocre ones run a quick hand over her.	Посредственные - лишь поверхностно скользят по ней.

The bad ones rape her and leave her for the flies.	А плохие насилуют ее и оставляют растерзанную на съедение мухам.
"So now do you see why books are hated and feared?	- Теперь вам понятно, - продолжал Фабер,-почему книги вызывают такую ненависть, почему их так боятся?
They show the pores in the face of life.	Они показывают нам поры на лице жизни.
The comfortable people want only wax moon faces, poreless, hairless, expressionless.	Тем. кто ищет только покоя, хотелось бы видеть перед собой восковые лица, без пор и волос, без выражения.

We are living in a time when flowers are trying to live on flowers, instead of growing on good rain and black loam.	Мы живем в такое время, когда цветы хотят питаться цветами же, вместо того чтобы пить влагу дождя и соки жирной почвы.
Even fireworks, for all their prettiness, come from the chemistry of the earth.	Но ведь даже фейерверк, даже все его великолепие и богатство красок создано химией земли.
Yet somehow we think we can grow, feeding on flowers and fireworks, without completing the cycle back to reality.	А мы вообразили, будто можем жить и расти, питаясь цветами и фейерверками, не завершая естественного цикла, возвращающего нас к действительности.

Do you know the legend of Hercules and Antaeus, the giant wrestler, whose strength was incredible so long as he stood firmly on the earth.	Известна ли вам легенда об Антее? Это был великан, обладавший непобедимой силой, пока он прочно стоял на земле.
But when he was held, rootless, in mid-air, by Hercules, he perished easily.	Но, когда Геркулес оторвал его от земли и поднял в воздух, Антей погиб.
If there isn't something in that legend for us today, in this city, in our time, then I am completely insane.	То же самое справедливо и для нас, живущих сейчас, вот в этом городе,- или я уж совсем сумасшедший.

Well, there we have the first thing I said we needed. Quality, texture of information."	Итак, вот первое, чего нам не хватает: качества, текстуры наших знаний.
"And the second?"	- А второе?
"Leisure."	- Досуга.
"Oh, but we've plenty of off-hours."	- Но у нас достаточно свободного времени!
"Off-hours, yes.	- Да. Свободного времени у нас достаточно.
But time to think?	Но есть ли у нас время подумать?

If you're not driving a hundred miles an hour, at a clip where you can't think of anything else but the danger, then you're playing some game or sitting in some room where you can't argue with the fourwall televisor.	На что вы тратите свое свободное время? Либо вы мчитесь в машине со скоростью ста миль в час, так что ни о чем уж другом нельзя думать, кроме угрожающей вам опасности, либо вы убиваете время, играя в какую-нибудь игру, либо вы сидите в комнате с четырехстенным телевизором, а с ним уж, знаете ли, не поспоришь.
Why?	Почему?
The televisor is 'real.'	Да потому, что эти изображения на стенах - это "реальность".

It is immediate, it has dimension. It tells you what to think and blasts it in.	Вот они перед вами, они зримы, они объемны, и они говорят вам, что вы должны думать, они вколачивают это вам в голову.
It must be, right.	Ну вам и начинает казаться, что это правильно -то, что они говорят.
It seems so right.	Вы начинаете верить, что это правильно.
It rushes you on so quickly to its own conclusions your mind hasn't time to protest,	Вас так стремительно приводят к заданным выводам, что ваш разум не успевает возмутиться и воскликнуть:
' What nonsense!'"	"Да ведь это чистейший вздор!"
"Only the 'family' is 'people.'"	- Только "родственники" - живые люди.

"I beg your pardon?"	- Простите, что вы сказали?
"My wife says books aren't 'real.'"	- Моя жена говорит, что книги не обладают такой "реальностью", как телевизор.
"Thank God for that.	- И слава богу, что так.
You can shut them, say,	Вы можете закрыть книгу и сказать ей:
' Hold on a moment.'	"Подожди".
You play God to it.	Вы ее властелин.
But who has ever torn himself from the claw that encloses you when you drop a seed in a TV parlour?	Но кто вырвет вас из цепких когтей, которые захватывают вас в плен, когда вы включаете телевизорную гостиную?
It grows you any shape it wishes!	Она мнет вас, как глину, и формирует вас по своему желанию.

It is an environment as real as the world.	Это тоже "среда" - такая же реальная, как мир.
It becomes and is the truth.	Она становится истиной, она есть истина.
Books can be beaten down with reason.	Книгу можно победить силой разума.
But with all my knowledge and scepticism, I have never been able to argue with a onehundred-piece symphony orchestra, full colour, three dimensions, and I being in and part of those incredible parlours.	Но при всех моих знаниях и скептицизме я никогда не находил в себе силы вступить в спор с симфоническим оркестром из ста инструментов, который ревел на меня с цветного и объемного экрана наших чудовищных гостиных.

As you see, my parlour is nothing but four plaster walls.	Вы видите, моя гостиная - это четыре обыкновенные оштукатуренные стены.
And here " He held out two small rubber plugs. "For my ears when I ride the subway-jets."	А это, - Фабер показал две маленькие резиновые пробки, - это чтобы затыкать уши, когда я еду в метро.
"Denham's Dentifrice; they toil not, neither do they spin," said Montag, eyes shut.	- Денгэм, Денгэм, зубная паста... "Они не трудятся, не прядут",- прошептал Монтэг, закрыв глаза.- Да.
"Where do we go from here?	Но что же дальше?
Would books help us?"	Помогут ли нам книги?

"Only if the third necessary thing could be given us.	- Только при условии, что у нас будет третья необходимая нам вещь.
Number one, as I said, quality of information.	Первая, как я уже сказал,- это качество наших знаний.
Number two: leisure to digest it.	Вторая - досуг, чтобы продумать, усвоить эти знания.
And number three: the right to carry out actions based on what we learn from the inter-action of the first two.	А третья - право действовать на основе того, что мы почерпнули из взаимодействия двух первых.

And I hardly think a very old man and a fireman turned sour could do much this late in the game..."	Но сомнительно, чтобы один глубокий старик и один разочаровавшийся пожарник могли что-то изменить теперь, когда дело зашло уже так далеко...
"I can get books."	- Я могу доставать книги.
"You're running a risk."	- Это страшный риск.
"That's the good part of dying; when you've nothing to lose, you run any risk you want."	- Знаете, в положении умирающего есть свои преимущества. Когда нечего терять - не боишься риска.
"There, you've said an interesting thing," laughed Faber, "without having read it!"	- Вы сейчас сказали очень любопытную вещь,-засмеялся Фабер,- и ведь ниоткуда не вычитали!

"Are things like that in books.	- А разве в книгах пишут о таком?
But it came off the top of my mind!"	Мне это так, вдруг почему-то пришло в голову.
"All the better.	- То-то и хорошо.
You didn't fancy it up for me or anyone, even yourself."	Значит, не придумали нарочно для меня, или для кого-нибудь другого, или хоть для самого себя.
Montag leaned forward.	Монтэг нагнулся к Фаберу.
"This afternoon I thought that if it turned out that books were worth while, we might get a press and print some extra copies--" " We?"	- Я сегодня вот что придумал: если книги действительно так ценны, так нельзя, ли раздобыть печатный станок и отпечатать несколько экземпляров?.. Мы могли бы... - Мы?

"You and I"	- Да, вы и я.
"Oh, no ! " Faber sat up.	- Ну уж нет! - Фабер резко выпрямился.
"But let me tell you my plan—"	- Да вы послушайте - я хоть изложу свой план...
"If you insist on telling me, I must ask you to leave."	- Если вы будете настаивать, я попрошу вас покинуть мой дом.
"But aren't you interested?"	- Но разве вам не интересно?
"Not if you start talking the sort of talk that might get me burnt for my trouble.	- Нет, мне не интересны такие разговоры, за которые меня могут сжечь.

The only way I could possibly listen to you would be if somehow the fireman structure itself could be burnt.	Другое дело, если бы можно было уничтожить саму систему пожарных.

Now if you suggest that we print extra books and arrange to have them hidden in firemen's houses all over the country, so that seeds of suspicion would be sown among these arsonists, bravo, I'd say!"	Вот если бы вы предложили отпечатать несколько книг и спрятать их в домах у пожарных так, чтобы посеять семена сомнения среди самих поджигателей, я сказал бы вам: браво!

"Plant the books, turn in an alarm, and see the firemen's houses bum, is that what you mean?"	- Подбросить книги, дать сигнал тревоги и смотреть, как огонь пожирает дома пожарных? Вы это хотите сказать?
Faber raised his brows and looked at Montag as if he were seeing a new man.	Фабер поднял брови и посмотрел на Монтэга, словно видел его впервые.
"I was joking."	- Я пошутил.
"If you thought it would be a plan worth trying, I'd have to take your word it would help."	- Вы считаете, что это дельный план? Стоит попытаться? Но мне нужно знать наверное, что от этого будет толк.
"You can't guarantee things like that!	- Этого вам никто не может гарантировать.

After all, when we had all the books we needed, we still insisted on finding the highest cliff to jump off.	Ведь когда-то книг у нас было сколько угодно, а мы все-таки только и делали, что искали самый крутой утес, чтобы с него прыгнуть.
But we do need a breather.	Тут достоверно только одно: да, нам необходимо дышать полной грудью.
We do need knowledge.	Да, нам нужны знания.
And perhaps in a thousand years we might pick smaller cliffs to jump off.	И, может быть, лет этак через тысячу мы научимся выбирать для прыжков менее крутые утесы.
The books are to remind us what asses and fools we are.	Ведь книги существуют для того, чтобы напоминать нам, какие мы дураки и упрямые ослы.

They're Caesar's praetorian guard, whispering as the parade roars down the avenue, 'Remember, Caesar, thou art mortal.'	Они как преторианская стража Цезаря, которая нашептывала ему во время триумфа: "Помни, Цезарь, что и ты смертей".
Most of us can't rush around, talking to everyone, know all the cities of the world, we haven't time, money or that many friends.	Большинство из нас не может всюду побывать, со всеми поговорить, посетить все города мира. У нас нет ни времени, ни денег, ни такого количества друзей.
The things you're looking for, Montag, are in the world, but the only way the average chap will ever see ninety-nine per cent of them is in a book.	Все, что вы ищете, Монтэг, существует в мире, но простой человек разве только одну сотую может увидеть своими глазами, а остальные девяносто девять процентов он познает через книгу.

Don't ask for guarantees.	Не требуйте гарантий.
And don't look to be saved in any one thing, person, machine, or library.	И не ждите спасения от чего-то одного - от человека, или машины, или библиотеки.
Do your own bit of saving, and if you drown, at least die knowing you were headed for shore."	Сами создавайте то, что может спасти мир, - и если утонете по дороге, так хоть будете знать, что плыли к берегу.
Faber got up and began to pace the room.	Фабер встал и начал ходить по комнате.

"Well?" asked Montag.	- Ну? - спросил Монтэг.
"You're absolutely serious?"	- Вы это серьезно - насчет пожарных?
"Absolutely."	- Абсолютно.

"It's an insidious plan, if I do say so myself." Faber glanced nervously at his bedroom door.	- Коварный план, ничего не скажешь, - Фабер нервно покосился на дверь спальни.
"To see the firehouses burn across the land, destroyed as hotbeds of treason.	- Видеть, как по всей стране пылают дома пожарных, гибнут эти очаги предательства!
The salamander devours his tail!	Саламандра, пожирающая свой собственный хвост!
Но, God! "	Ух! Здорово!
"I've a list of firemen's residences everywhere.	- У меня есть адреса всех пожарных.
With some sort of underground "	Если у нас будет своего рода тайное...
"Can't trust people, that's the dirty part.	- Людям нельзя доверять, в этом весь ужас.

You and I and who else will set the fires?"	Вы да я, а кто еще?
"Aren't there professors like yourself, former writers, historians, linguists . . .?"	- Разве не осталось профессоров, таких, как вы? Бывших писателей, историков, лингвистов?..
"Dead or ancient."	- Умерли или уже очень стары.
"The older the better; they'll go unnoticed.	- Чем старше, тем лучше. Меньше вызовут подозрений.
You know dozens, admit it ! "	Вы же знаете таких, и, наверно, не один десяток. Признайтесь!

"Oh, there are many actors alone who haven't acted Pirandello or Shaw or Shakespeare for years because their plays are too aware of the world.	- Да, пожалуй. Есть, например, актеры, которым уже много лет не приходилось играть в пьесах Пиранделло, Шоу и Шекспира, ибо эти пьесы слишком верно отражают жизнь.
We could use their anger.	Можно бы использовать их гнев.
And we could use the honest rage of those historians who haven't written a line for forty years.	И благородное возмущение историков, не написавших ни одной строчки за последние сорок лет.
True, we might form classes in thinking and reading."	Это верно, мы могли бы создать школу и сызнова учить людей читать и мыслить.
"Yes! "	- Да!

"But that would just nibble the edges.	- Но все это капля в море.
The whole culture's shot through.	Вся наша культура мертва.
The skeleton needs melting and re-shaping.	Самый остов ее надо переплавить и отлить в новую форму.
Good God, it isn't as simple as just picking up a book you laid down half a century ago.	Но это не так-то просто! Дело ведь не только в том, чтобы снова взять в руки книгу, которую ты отложил полвека назад.
Remember, the firemen are rarely necessary.	Вспомните, что надобность в пожарных возникает не так уж часто.

The public itself stopped reading of its own accord.	Люди сами перестали читать книги, по собственной воле.

You firemen provide a circus now and then at which buildings are set off and crowds gather for the pretty blaze, but it's a small sideshow indeed, and hardly necessary to keep things in line.	Время от времени вы, пожарники, устраиваете для нас цирковые представления - поджигаете дома и развлекаете толпу. Но это так -дивертисмент, и вряд ли на этом все держится.
So few want to be rebels any more.	Охотников бунтовать в наше время осталось очень немного.
And out of those few, most, like myself, scare easily.	А из этих немногих большинство легко запугать. Как меня, например.

Can you dance faster than the White Clown, shout louder than Mr. Gimmick' and the parlour 'families'?	Можете вы плясать быстрее, чем Белый клоун, или кричать громче, чем сам господин Главный Фокусник и все гостиные "родственники"?
If you can, you'll win your way, Montag.	Если можете, то, пожалуй, добьетесь своего.
In any event, you're a fool.	А в общем, Монтэг, вы, конечно, глупец.
People are having fun"	Люди-то ведь действительно веселятся.
"Committing suicide!	- Кончая жизнь самоубийством?
Murdering!"	Убивая друг друга?

A bomber flight had been moving east all the time they talked, and only now did the two men stop and listen, feeling the great jet sound tremble inside themselves.	Пока они говорили, над домом проносились эскадрильи бомбардировщиков, держа курс на восток. Только сейчас они заметили это и умолкли, прислушиваясь к мощному реву реактивных моторов, чувствуя, как от него все сотрясается у них внутри.
"Patience, Montag.	- Потерпите, Монтэг.
Let the war turn off the 'families.'	Вот будет война - и все наши гостиные сами собой умолкнут.
Our civilization is flinging itself to pieces.	Наша цивилизация несется к гибели.
Stand back from the centrifuge."	Отойдите в сторону, чтобы вас не задело колесом.

"There has to be someone ready when it blows up."	- Но ведь кто-то должен быть наготове, чтобы строить, когда все рухнет?
"What?	- Кто же?
Men quoting Milton?	Те, кто может наизусть цитировать Мильтона?
Saying, I remember Sophocles?	Кто может сказать: "А я еще помню Софокла"?
Reminding the survivors that man has his good side, too?	Да и что они станут делать? Напоминать уцелевшим, что у человека есть также и хорошие стороны?
They will only gather up their stones to hurl at each other.	Эти уцелевшие только о том будут думать, как бы набрать камней да запустить ими друг в друга.
Montag, go home.	Идите домой, Монтэг.
Go to bed.	Ложитесь спать.

Why waste your final hours racing about your cage denying you're a squirrel?"	Зачем тратить свои последние часы на то, чтобы кружиться по клетке и уверять себя, что ты не белка в колесе?
"Then you don't care any more?"	- Значит, вам уже все равно?
"I care so much I'm sick."	- Нет, мне не все равно. Мне до такой степени не все равно, что я прямо болен от этого.
"And you won't help me?"	- И вы не хотите помочь мне?
"Good night, good night."	- Спокойной ночи. Спокойной ночи.
Montag's hands picked up the Bible.	Руки Монтэга протянулись к библии.

He saw what his hands had done and he looked surprised.	Он сам удивился тому, что вдруг сделали его руки.
"Would you like to own this?"	- Хотели бы вы иметь эту книгу?
Faber said, "I'd give my right arm."	- Правую руку отдал бы за это,- сказал Фабер.
Montag stood there and waited for the next thing to happen.	Монтэг стоял и ждал, что будут делать дальше его руки.
His hands, by themselves, like two men working together, began to rip the pages from the book.	И они, помимо его воли и желания, словно два живых существа, охваченных одним стремлением, стали вырывать страницы.
The hands tore the flyleaf and then the first and then the second page.	Оторвали титульный лист, первую страницу, вторую.

"Idiot, what're you doing!"	- Сумасшедший!
Faber sprang up, as if he had been struck.	Что вы делаете?- Фабер подскочил как от удара.
He fell, against Montag. Montag warded him off and let his hands continue.	Он бросился к Монтэгу, но тот отстранил его. Руки Монтэга продолжали рвать книгу.
Six more pages fell to the floor.	Еще шесть страниц упали на пол.
He picked them up and wadded the paper under Faber's gaze.	Монтэг поднял их и на глазах у Фабера скомкал в руке.
"Don't, oh, don't ! " said the old man.	- Не надо! Прошу вас, не надо!- воскликнул старик.
"Who can stop me?	- А кто мне помешает?
I'm a fireman.	Я пожарный.

I can bum you!"	Я могу сжечь вас.
The old man stood looking at him.	Старик взглянул на него.
"You wouldn't."	- Вы этого не сделаете!
"I could ! "	- Могу сделать, если захочу.
"The book. Don't tear it any more."	- Эта книга... не рвите ее!
Faber sank into a chair, his face very white, his mouth trembling.	Фабер опустился на стул. Лицо его побелело как полотно, губы дрожали.
"Don't make me feel any more tired.	- Я устал. Не мучайте меня.

What do you want?"	Чего вы хотите?
"I need you to teach me."	- Я хочу, чтобы вы научили меня.

"All right, all right."	- Хорошо. Хорошо.
Montag put the book down.	Монтэг положил книгу.
He began to unwad the crumpled paper and flatten it out as the old man watched tiredly.	Руки его начали разглаживать смятые страницы. Старик устало следил за ним.
Faber shook his head as if he were waking up.	Тряхнув головой, словно сбрасывая с себя оцепенение, Фабер спросил:
"Montag, have you some money?"	- У вас есть деньги, Монтэг?
"Some.	- Есть. Немного.
Four, five hundred dollars.	Четыреста или пятьсот долларов.
Why?"	Почему вы спрашиваете?

"Bring it.	- Принесите мне.
I know a man who printed our college paper half a century ago.	Я знаю человека, который полвека тому назад печатал газету нашего колледжа.
That was the year I came to class at the start of the new semester and found only one student to sign up for Drama from Aeschylus to O'Neill.	Это было в тот самый год, когда, придя в аудиторию в начале нового семестра, я обнаружил, что на курс лекций по истории драмы, от Эсхила до Юджина О'Нила, записался всего один студент.
You see?	Понимаете?
How like a beautiful statue of ice it was, melting in the sun.	Впечатление было такое, будто прекрасная статуя изо льда тает у тебя на глазах под палящими лучами солнца.

I remember the newspapers dying like huge moths.	Я помню, как одна за другой умирали газеты, словно бабочки на огне.
No one wanted them back.	Никто не пытался их воскресить.
No one missed them.	Никто не жалел о них.
And the Government, seeing how advantageous it was to have people reading only about passionate lips and the fist in the stomach, circled the situation with your fire-eaters.	И тогда, поняв, наскольк ко будет спокойнее, ес- ли люди будут читать только о страстных по- целуях и жестоких дра- ках, наше правитель- ство подвело итог, при- звав вас, пожирателей огня.
So, Montag, there's this unemployed printer.	Так вот, Монтэг, у нас, стало быть, имеется без- работный печатник.

We might start a few books, and wait on the war to break the pattern and give us the push we need.	Мы можем отпечатать несколько книг и ждать, пока не начнется война, которая разрушит нынешний порядок вещей и даст нам нужный толчок.
A few bombs and the 'families' in the walls of all the houses, like harlequin rats, will shut up!	Несколько бомб - и все эти "родственники", обитающие в стенах гостиных, вся эта шутовская свора умолкнет навсегда!

In silence, our stage-whisper might carry."	И в наступившей тишине, может быть, станет слышен наш шепот.
They both stood looking at the book on the table.	Глаза обоих были устремлены на книгу, лежащую на столе.

"I've tried to remember," said Montag.	- Я пытался запомнить, - сказал Монтэг.
"But, hell, it's gone when I turn my head.	- Но, черт! Стоит отвести глаза, и я уже все забыл.
God, how I want something to say to the Captain.	Г осподи, как бы мне хотелось поговорить с брандмейстером Битти!
He's read enough so he has all the answers, or seems to have.	Он много читал, у него на все есть ответ, или так, по крайней мере, кажется.
His voice is like butter.	Голос у него, как масло.
I'm afraid he'll talk me back the way I was.	Я только боюсь, что он уговорит меня и я опять стану прежним.

Only a week ago, pumping a kerosene hose, I thought: God, what fun!"	Ведь всего неделю назад, наполняя шланг керосином, я думал: черт возьми, до чего же здорово!
The old man nodded.	Старик кивнул головой:
"Those who don't build must burn.	- Кто не созидает, должен разрушать.
It's as old as history and juvenile delinquents."	Это старо как мир. Психология малолетних преступников.
"So that's what I am."	- Так вот, значит, кто я такой'
"There's some of it in all of us."	- В каждом из нас это есть.
Montag moved towards the front door.	Монтэг сделал несколько шагов к выходу.

"Can you help me in any way tonight, with the Fire Captain?	- Вы не можете как-нибудь мне помочь, когда я •сегодня вечером буду разговаривать с брандмейстером Битти?
I need an umbrella to keep off the rain.	Мне нужна поддержка.
I'm so damned afraid I'll drown if he gets me again."	А то как бы мне не захлебнуться, когда он станет изливать на меня потоки своих речей.
The old man said nothing, but glanced once more nervously, at his bedroom.	Старик ничего не ответил и снова бросил беспокойный взгляд на дверь спальни.
Montag caught the glance.	Монтэг заметил это.
"Well?"	- Ну так как же?

The old man took a deep breath, held it, and let it out.	Старик глубоко вздохнул.
He took another, eyes closed, his mouth tight, and at last exhaled.	Закрыв глаза и плотно сжав губы, он еще раз с усилием перевел дыхание.
"Montag..."	С его губ слетело имя Монтэга.
The old man turned at last and said,	Наконец, повернувшись к Монтэгу, он сказал:
"Come along.	- Пойдемте.

I would actually have let you walk right out of my house.	Я чуть было не позволил вам уйти.
I am a cowardly old fool."	Я в самом деле трус. И старый дурак.

Faber opened the bedroom door and led Montag into a small chamber where stood a table upon which a number of metal tools lay among a welter of microscopic wirehairs, tiny coils, bobbins, and crystals.	Он растворил дверь спальни. Следом за ним Монтэг вошел в небольшую комнату, где стоял стол, заваленный инструментами, мотками тончайшей, как паутина, проволоки, крошечными пружинками, катушками, кристалликами.
"What's this?" asked Montag.	- Что это?- спросил Монтэг.
"Proof of my terrible cowardice.	- Свидетельство моей страшной трусости.
I've lived alone so many years, throwing images on walls with my imagination.	Я столько лет жил один в этих стенах, наедине со своими мыслями.

Fiddling with electronics, radio-transmission, has been my hobby.	Возиться с электрическими приборами и радиоприемниками стало моей страстью.
My cowardice is of such a passion, complementing the revolutionary spirit that lives in its shadow, I was forced to design this."	Именно эта трусость и в то же время мятежный дух, подспудно живущий во мне, побудили меня изобрести вот это.
He picked up a small green-metal object no larger than a .22 bullet.	Он взял со стола маленький металлический предмет зеленоватого цвета, напоминающий пулю небольшого калибра.
"I paid for all this- how?	- Откуда я взял на это средства, спросите вы?

Playing the stock-market, of course, the last refuge in the world for the dangerous intellectual out of a job.	Ну, понятно, играл на бирже. Это ведь последнее прибежище для опасномыслящих интеллигентов, оставшихся без работы.
Well, I played the market and built all this and I've waited.	Играл на бирже, работал над этим изобретением и ждал.
I've waited, trembling, half a lifetime for someone to speak to me.	Полжизни просидел, трясясь от страха, все ждал, чтобы кто-нибудь заговорил со мной.
I dared speak to no one.	Сам я не решался ни с кем заговаривать.

That day in the park when we sat together, I knew that some day you might drop by, with fire or friendship, it was hard to guess.	Когда мы с вами сидели в парке и беседовали - помните?- я уже знал, что вы придете ко мне, но с факелом ли пожарника или за тем, чтобы протянуть мне руку дружбы,- вот этого я не мог сказать наперед.
I've had this little item ready for months.	И этот маленький аппарат был уже готов несколько месяцев тому назад.
But I almost let you go, I'm that afraid!"	А все-таки я чуть было не позволил вам уйти. Вот какой я трус.
"It looks like a Seashell radio."	- Похож на радиоприемник "Ракушку".
"And something more!	- Но это больше, чем приемник.
It listens!	Мой аппарат слушает!

If you put it in your ear, Montag, I can sit comfortably home, warming my frightened bones, and hear and analyse the firemen's world, find its weaknesses, without danger.	Если вы вставите эту пульку в ухо, Монтэг, я могу спокойно сидеть дома, греть в тепле свои напуганные старые кости и вместе с тем слушать и изучать мир пожарников, выискивать его слабые стороны, не подвергаясь при этом ни малейшему риску.
I'm the Queen Bee, safe in the hive.	Я буду, как пчелиная матка, сидящая в своем улье.
You will be the drone, the travelling ear.	А вы будете рабочей пчелой, моим путешествующим ухом.
Eventually, I could put out ears into all parts of the city, with various men, listening and evaluating.	Я мог бы иметь уши во всех концах города, среди самых различных людей. Я мог бы слушать и делать выводы.

If the drones die, I'm still safe at home, tending my fright with a maximum of comfort and a minimum of chance.	Если пчелы погибнут, меня это не коснется, я по-прежнему буду у себя дома в безопасности, буду переживать свои страх с максимумом комфорта и минимумом риска.
See how safe I play it, how contemptible I am?"	Теперь вы видите, как мало я рискую в этой игре, какого презрения я достоин!
Montag placed the green bullet in his ear.	Монтэг вложил зеленую пульку в ухо.
The old man inserted a similar object in his own ear and moved his lips.	Старик тоже вложил в ухо такой же маленький металлический предмет и зашевелил губами:
"Montag! " The voice was in Montag's head.	- Монтэг! Голос раздавался где-то в глубине мозга Монтэга.

"I hear you! " The old man laughed. "You're coming over fine, too!" Faber whispered, but the voice in Montag's head was clear.	- Я слышу вас! Старик засмеялся: - Я вас тоже хорошо слышу, - Фабер говорил шепотом, но голос его отчетливо звучал в голове Монтэга.
"Go to the firehouse when it's time.	- Когда придет время, идите на пожарную станцию.
I'll be with you.	Я буду с вами.
Let's listen to this Captain Beatty together.	Мы вместе послушаем вашего брандмейстера.
He could be one of us. God knows.	Может быть, он один из нас, кто знает.
I'll give you things to say.	Я подскажу вам, что говорить.
We'll give him a good show.	Мы славно его разыграем.

Do you hate me for this electronic cowardice of mine?	Скажите, вы ненавидите меня сейчас за эту электронную штучку, а?
Here I am sending you out into the night, while I stay behind the lines with my damned ears listening for you to get your head chopped off."	Я выгоняю вас на улицу, в темноту, а сам остаюсь за линией фронта, мои уши будут слушать, а вам за это, может быть, снимут голову.
"We all do what we do," said Montag.	- Каждый делает что может,- ответил Монтэг.
He put the Bible in the old man's hands.	Он вложил библию в руки старика.- Берите.
"Here. I'll chance turning in a substitute.	Я попробую отдать что-нибудь другое вместо нее.

Tomorrow--"	А завтра...

"I'll see the unemployed printer, yes; that much I can do."	- Да, завтра я повидаюсь с безработным" печатником. Хоть это-то я могу сделать.
"Good night, Professor."	- Спокойной ночи, профессор.
"Not good night.	- Нет, спокойной эта ночь не будет.
I'll be with you the rest of the night, a vinegar gnat tickling your ear when you need me.	Но я все время буду с вами. Как назойливый комар, стану жужжать вам на ухо, как только понадоблюсь.
But good night and good luck, anyway."	И все же дай вам бог спокойствия в эту ночь, Монтэг. И удачи.
The door opened and shut.	Дверь растворилась и захлопнулась.

Montag was in the dark street again, looking at the world.	Монтэг снова был на темной улице и снова один на один с миром.
You could feel the war getting ready in the sky that night.	В ту ночь даже небо готовилось 'к войне.
The way the clouds moved aside and came back, and the way the stars looked, a million of them swimming between the clouds, like the enemy discs, and the feeling that the sky might fall upon the city and turn it to chalk dust, and the moon go up in red fire; that was how the night felt.	По нему клубились тучи, и в просветах между ними, как вражеские дозорные, сияли мириады звезд. Небо словно собиралось обрушиться на город и превратить его в кучу белой пыли. В кровавом зареве вставала луна. Вот какой была эта ночь.

Montag walked from the subway with the money in his pocket (he had visited the bank which was open all night and every night with robot tellers in attendance) and as he walked he was listening to the Seashell radio in one car...	Монтэг шел от станции метро, деньги лежали у него в кармане (он уже побывал в банке, открытом всю ночь,-его обслуживали механические роботы). Он шел и, вставив "Ракушку" в ухо, слушал голос диктора:
"We have mobilized a million men.	- Мобилизован один миллион человек.
Quick victory is ours if the war comes .. .."	Если начнется война, быстрая победа обеспечена...
Music flooded over the voice quickly and it was gone.	- Внезапно ворвавшаяся музыка заглушила голос диктора, и он умолк.

"Ten million men mobilized," Faber's voice whispered in his other ear.	- Мобилизовано десять миллионов,- шептал голос Фабера в другом ухе. - Но говорят, что один.
"But say one million. It's happier."	Так спокойнее.
"Faber?"	- Фабер!
"Yes?"	- Да
"I'm not thinking.	- Я не думаю.
I'm just doing like I'm told, like always.	Я только выполняю то, что мне приказано, как делал это всегда.
You said get the money and I got it.	Вы сказали достать деньги, и я достал.
I didn't really think of it myself.	Но сам я не подумал об этом.

When do I start working things out on my own?"	Когда же я начну думать и действовать самостоятельно?

"You've started already, by saying what you just said.	- Вы уже начали, когда это сказали.
You'll have to take me on faith."	Но на первых порах придется вам полагаться на меня.
"I took the others on faith ! "	- На тех я тоже полагался.
"Yes, and look where we're headed.	- Да, и видите, куда это вас завело.
You'll have to travel blind for a while.	Какое-то время вы будете брести вслепую.
Here's my arm to hold on to."	Вот вам моя рука.

"I don't want to change sides and just be told what to do.	- Перейти на другую сторону и опять действовать по указке?
There's no reason to change if I do that."	Нет, так я не хочу. Зачем мне тогда пе реходить на вашу сторону?
"You're wise already!"	- Вы уже поумнели, Монтэг.
Montag felt his feet moving him on the sidewalk.toward his house.	Монтэг почувствовал под ногами знакомый тротуар, и ноги сами несли его к дому.
"Keep talking."	- Продолжайте, профессор.
"Would you like me to read?	- Хотите, я вам почитаю?
I'll read so you can remember.	Я постараюсь читать так, чтобы вы все запомнили.

I go to bed only five hours a night.	Я сплю всего пять часов в сутки.
Nothing to do.	Свободного времени у меня много.
So if you like; I'll read you to sleep nights.	Если хотите, я буду читать вам каждый вечер, на сон грядущий.
They say you retain knowledge even when you're sleeping, if someone whispers it in your ear."	Г оворят, что мозг спящего человека все запоминает, если тихонько нашептывать спящему на ухо.
"Yes."	- Да.
"Here." Far away across town in the night, the faintest whisper of a turned page. "The Book of Job."	- Так вот слушайте.- Далеко, в другом конце города, тихо зашелестели переворачиваемые страницы.- Книга Иова.

The moon rose in the sky as Montag walked, his lips moving just a trifle.	Взошла луна. Беззвучно шевеля губами, Монтэг шел по тротуару.
He was eating a light supper at nine in the evening when the front door cried out in the hall and Mildred ran from the parlour like a native fleeing an eruption of Vesuvius.	В девять вечера, когда он заканчивал свой легкий ужин, рупор у входной двери возвестил о приходе гостей. Милдред бросилась в переднюю с поспешностью человека, спасающегося от извержения вулкана.
Mrs. Phelps and Mrs. Bowles came through the front door and vanished into the volcano's mouth with martinis in their hands: Montag stopped eating.	В дом вошли миссис Фелпс и миссис Бауэлс, и гостиная поглотила их, словно огненный кратер. В руках у дам были бутылки мартини. Монтэг прервал свою трапезу.

They were like a monstrous crystal chandelier tinkling in a thousand chimes, he saw their Cheshire Cat smiles burning through the walls of the house, and now they were screaming at each other above the din.	Эти женщины были похожи на чудовищные стеклянные люстры, звенящие тысячами хрустальных подвесок. Даже сквозь стену он видел их застывшие бессмысленные улыбки. Они визгливо приветствовали друг друга, стараясь перекричать шум гостиной.
Montag found himself at the parlour door with his food still in his mouth.	Дожевывая кусок, Монтэг остановился в дверях.
"Doesn't everyone look nice!"	- У вас прекрасный вид1
"Nice."	- Прекрасный!

"You look fine, Millie! "	- Ты шикарно выглядишь, Милли!
"Fine."	- Шикарно!
"Everyone looks swell."	- Все выглядят чудесно!
"Swell!	- Чудесно!
"Montag stood watching them.	Монтэг молча наблюдал их.
"Patience," whispered Faber.	- Спокойно, Монтэг, - предостерегающе шептал в ухо Фабер.
"I shouldn't be here," whispered Montag, almost to himself.	- Зря я тут задержался, - почти про себя сказал Монтэг.
"I should be on my way back to you with the money!"	- Давно уже надо было бы ехать к вам с деньгами.

"Tomorrow's time enough.	- Это не поздно сделать и завтра.
Careful!"	Будьте осторожны, Монтэг.
"Isn't this show wonderful?" cried Mildred.	- Чудесное ревю, не правда ли?- воскликнула Милдред.
"Wonderful!"	- Восхитительное!
On one wall a woman smiled and drank orange juice simultaneously.	На одной из трех телевизорных стен какая-то женщина одновременно пила апельсиновый сок и улыбалась ослепительной улыбкой.
How does she do both at once, thought Montag, insanely.	"Как это она ухитряется?" - думал Монтэг, испытывая странную ненависть к улыбающейся даме.

In the other walls an X-ray of the same woman revealed the contracting journey of the refreshing beverage on its way to her delightful stomach!	На другой стене видно было в рентгеновских лучах, как апельсиновый сок совершает путь по пищеводу той же дамы, направляясь к ее трепещущему от восторга желудку.
Abruptly the room took off on a rocket flight into the clouds, it plunged into a lime-green sea where blue fish ate red and yellow fish.	Вдруг гостиная ринулась в облака на крыльях ракетного самолета, потом нырнула в мутно-зеленые воды моря, где синие рыбы пожирали красных и желтых рыб.

A minute later, Three White Cartoon Clowns chopped off each other's limbs to the accompaniment of immense incoming tides of laughter.	А через минуту три белых мультипликационных клоуна уже рубили друг другу руки и ноги под взрывы одобрительного хохота.

Two minutes more and the room whipped out of town to the jet cars wildly circling an arena, bashing and backing up and bashing each other again.	Спустя еще две минуты стены перенесли зрителей куда-то за город, где по кругу в бешеном темпе мчались ракетные автомобили, сталкиваясь и сшибая друг друга.
Montag saw a number of bodies fly in the air.	Монтэг видел, как в воздух взлетели человеческие тела.
"Millie, did you see that?"	- Милли, ты видела?

"I saw it, I saw it! " Montag reached inside the parlour wall and pulled the main switch.	- Видела, видела! Монтэг просунул руку внутрь стены и повернул центральный выключатель.
The images drained away, as if the water had been let out from a gigantic crystal bowl of hysterical fish.	Изображения на стенах погасли, как будто из огромного стеклянного аквариума, в котором метались обезумевшие рыбы, кто-то внезапно выпустил воду.
The three women turned slowly and looked with unconcealed irritation and then dislike at Montag.	Все три женщины обернулись и с нескрываемым раздражением и неприязнью посмотрели на Монтэга.
"When do you suppose the war will start?" he said.	- Как вы думаете, когда начнется война?-спросил Монтэг.

"I notice your husbands aren't here tonight?"	- Я вижу, ваших мужей сегодня нет с вами.
"Oh, they come and go, come and go," said Mrs. Phelps. "In again out again Finnegan, the Army called Pete yesterday.	- О, они то приходят, то уходят,- сказала миссис Фелпс. - То приходят, то уходят, себе места не находят... Пита вчера призвали.
He'll be back next week.	Он вернется на буду-щей неделе.
The Army said so.	Так ему сказали.
Quick war.	Короткая война.
Forty-eight hours they said, and everyone home.	Через сорок восемь ча-сов все будут дома.
That's what the Army said.	Так сказали в армии.
Quick war.	Короткая война.

Pete was called yesterday and they said he'd be, back next week.	Пита призвали вчера и сказали, что через неделю он будет дома.
Quick..."	Короткая...
The three women fidgeted and looked nervously at the empty mud-coloured walls.	Три женщины беспокойно ерзали на стульях, нервно поглядывая на пустые грязно-серые стены.
"I'm not worried," said Mrs. Phelps.	- Я не беспокоюсь,- сказала миссис Фелпс.
"I'll let Pete do all the worrying." She giggled. "I'll let old Pete do all the worrying.	- Пусть Пит беспокоится, - хихикнула она.- Пусть себе Пит беспокоится.
Not me.	А я и не подумаю.
I'm not worried."	Я ничуть не тревожусь.
"Yes," said Millie.	- Да, да, - подхватила Милли.

"Let old Pete do the worrying."	- Пусть себе Пит тревожится.
"It's always someone else's husband dies, they say."	- Убивают всегда чужих мужей. Так говорят.

"I've heard that, too.	- Да, я тоже слышала.
I've never known any dead man killed in a war.	Не знаю ни одного человека, погибшего на войне.
Killed jumping off buildings, yes, like Gloria's husband last week, but from wars?	Погибают как-нибудь иначе. Например, бросаются с высоких зданий. Это бывает. Как муж Глории на прошлой неделе. Это да. Но на войне?
No."	Нет.
"Not from wars," said Mrs. Phelps.	- На войне - нет, - согласилась миссис Фелпс.

"Anyway, Pete and I always said, no tears, nothing like that.	- Во всяком случае, мы с Питом всегда говорили: никаких слез и прочих сентиментов.
It's our third marriage each and we're independent.	Это мой третий брак, у Пита тоже третий, и мы оба совершенно независимы.
Be independent, we always said.	Надо быть независимым - так мы всегда считали.
He said, if I get killed off, you just go right ahead and don't cry, but get married again, and don't think of me."	Пит сказал, если его убьют, чтобы я не плакала, а скорей бы выходила замуж - и дело с концом.

"That reminds me," said Mildred. "Did you see that Clara Dove five-minute romance last night in your wall?	- Кстати!- воскликнула Милдред.- Вы видели вчера на стенах пятиминутный роман Клары Дов?
Well, it was all about this woman who--" Montag said nothing but stood looking at the women's faces as he had once looked at the faces of saints in a strange church he had entered when he was a child.	Это про то, как она... Монтэг молча разглядывал лица женщин, так когда-то он разглядывал изображения святых в какой-то церквушке чужого вероисповедания, в которую случайно забрел ребенком.

The faces of those enamelled creatures meant nothing to him, though he talked to them and stood in that church for a long time, trying to be of that religion, trying to know what that religion was, trying to get enough of the raw incense and special dust of the place into his lungs and thus into his blood to feel touched and concerned by the meaning of the colourful men and women with the porcelain eyes and the blood-ruby lips.	Эмалевые лики этих странных существ остались чужды и непонятны ему, хоть он и пробовал обращаться к ним в молитве и долго простоял в церкви, стараясь проникнуться чужой верой, поглубже вдохнуть в себя запах ладана и какой-то особой, присущей только этому месту пыли. Ему думалось: если эти запахи наполнят его легкие, проникнут в его кровь, тогда, быть может, его тронут, станут понятнее эти раскрашенные фигурки с фарфоровыми глазами и яркими, как рубин, губами.

But there was nothing, nothing; it was a stroll through another store, and his currency strange and unusable there, and his passion cold, even when he touched the wood and plaster and clay.	Но ничего не получилось, ничего! Все равно как если бы он зашел в лавку, где в обращении была другая валюта, так что он ничего не мог купить на свои деньги. Он остался холоден, Даже когда потрогал святых - просто дерево, глина.

So it was now, in his own parlour, with these women twisting in their chairs under his gaze, lighting cigarettes, blowing smoke, touching their sun-fired hair and examining their blazing fingernails as if they had caught fire from his look.	Так чувствовал он себя и сейчас, в своей собственной гостиной, глядя на трех женщин, нервно ерзавших на стульях. Они курили, пускали в воздух клубы дыма, поправляли свои яркие волосы, разглядывали свои нор-ти -огненно-красные, словно воспламенившиеся от пристального взгляда Монтэга.
Their faces grew haunted with silence.	Тишина угнетала женщин, в их лицах была тоска.
They leaned forward at the sound of Montag's swallowing his final bite of food.	Когда Монтэг проглотил наконец недоеденный кусок, женщины невольно подались вперед.

They listened to his feverish breathing. The three empty walls of the room were like the pale brows of sleeping giants now, empty of dreams.	Они настороженно прислушивались к его лихорадочному дыханию Три пустые стены гостиной были похожи теперь на бледные лбы спящих великанов, погруженных в тяжкий сон без сновидений.
Montag felt that if you touched these three staring brows you would feel a fine salt sweat on your finger-tips.	Монтэгу чудилось - если коснуться великаньих лбов, на пальцах останется след соленого пота.
The perspiration gathered with the silence and the subaudible trembling around and about and in the women who were burning with tension.	И чем дальше, тем явственнее выступала испарина на этих мертвых лбах, тем напряженнее молчание, тем ощутимее трепет в воздухе и в теле этих сгорающих от нетерпения женщин.

Any moment they might hiss a long sputtering hiss and explode.	Казалось, еще минута - и они, громко зашипев, взорвутся.
Montag moved his lips.	Губы Монтэга шевельнулись:
"Let's talk."	- Давайте поговорим.
The women jerked and stared.	Женщины вздрогнули и уставились на него.
"How're your children, Mrs. Phelps?" he asked.	- Как ваши дети, миссис Фелпс?- спросил Монтэг.
"You know I haven't any!	- Вы прекрасно знаете, что у меня нет детей!

No one in his right mind, the Good Lord knows; would have children!" said Mrs. Phelps, not quite sure why she was angry with this man.	Да и кто в наше время, будучи в здравом уме, захочет иметь детей?- воскликнула миссис Фелпс, не понимая, почему так раздражает ее этот человек.
"I wouldn't say that," said Mrs. Bowles.	- Нет, тут я с вами не согласна,- промолвила миссис Бауэлс.- У меня двое.
"I've had two children by Caesarian section.	Мне, разумеется, оба раза делали кесарево сечение.
No use going through all that agony for a baby.	Не терпеть же мне родовые муки из-за какого-то там ребенка?
The world must reproduce, you know, the race must go on.	Но, с другой стороны, люди должны размножаться. Мы обязаны продолжать человеческий род.

Besides, they sometimes look just like you, and that's nice.	Кроме того, дети иногда бывают похожи на родителей, а это очень забавно.

Two Caesarians tamed the trick, yes, sir.	Ну, что ж, два кесаревых сечения - и проблема решена. Да, сэр.
Oh, my doctor said, Caesarians aren't necessary; you've got the, hips for it, everything's normal, but I insisted."	Мой врач говорил - кесарево не обязательно, вы нормально сложены, можете рожать, но я настояла.
"Caesarians or not, children are ruinous; you're out of your mind," said Mrs. Phelps.	- И все-таки дети - это ужасная обуза. Вы проста сумасшедшая, что вздумали их заводить!-воскликнула миссис Фелпс.

"I plunk the children in school nine days out of ten.	- Да нет, не так уж плохо. Девять дней из десяти они проводят в школе.
I put up with them when they come home three days a month; it's not bad at all.	Мне с ними приходится бывать только три дня в месяц, когда они дома. Но и это ничего.
You heave them into the 'parlour' and turn the switch.	Я их загоняю в гостиную, включаю стены - и все.
It's like washing clothes; stuff laundry in and slam the lid."	Как при стирке белья. Вы закладываете белье в машину и захлопываете крышку.
Mrs. Bowles tittered.	- Миссис Бауэлс хихикнула.

"They'd just as soon kick as kiss me.	- А нежностей у нас никаких не полагается. Им и в голову не приходит меня поцеловать. Скорее уж дадут пинка.
Thank God, I can kick back! " The women showed their tongues, laughing.	Слава богу, я еще могу ответить им тем же. Женщины громко расхохотались.
Mildred sat a moment and then, seeing that Montag was still in the doorway, clapped her hands.	Милдред с минуту сидела молча, но видя, что Монтэг не уходит, захлопала в ладоши и воскликнула:
"Let's talk politics, to please Guy!"	- Давайте доставим удовольствие Гаю и поговорим о политике.

"Sounds fine," said Mrs. Bowles. "I voted last election, same as everyone, and I laid it on the line for President Noble.	- Ну что ж, прекрасно,- сказала миссис Бауэлс. -На прошлых выборах я голосовала, как и все. Конечно, за Нобля.
I think he's one of the nicest-looking men who ever became president."	Я нахожу, что он один из самых приятных мужчин, когда-либо избиравшихся в президенты.
"Oh, but the man they ran against him!"	- О да. А помните того, другого, которого выставили против Нобля?
"He wasn't much, was he?	- Да уж хорош был, нечего сказать!
Kind of small and homely and he didn't shave too close or comb his hair very well."	Маленький, невзрачный, и выбрит кое-как, и причесан плохо.

"What possessed the 'Outs' to run him?	- И что это оппозиции пришло в голову выставить его кандидатуру?
You just don't go running a little short man like that against a tall man.	Разве можно выставлять такого коротышку против человека высокого роста?
Besides -he mumbled.	Вдобавок он мямлил.
Half the time I couldn't hear a word he said.	Я почти ничего не расслышала из того, что он говорил.

And the words I did hear I didn't understand!"	А что расслышала, того не поняла.

"Fat, too, and didn't dress to hide it.	- Кроме того, он толстяк и даже не старался скрыть это одеждой.
No wonder the landslide was for Winston Noble.	Чему же удивляться! Конечно, большинство голосовало за Уинстона Нобля.
Even their names helped.	Даже их имена сыграли тут роль.
Compare Winston Noble to Hubert Hoag for ten seconds and you can almost figure the results."	Сравните: Уинстон Нобль и Хьюберт Хауг - и ответ вам сразу станет ясен.
"Damn it!" cried Montag. "What do you know about Hoag and Noble?"	- Черт!- воскликнул Монтэг.- Да ведь вы же ничего о них не знаете - ни о том, ни о другом!

"Why, they were right in that parlour wall, not six months ago.	- Ну как же не знаем. Мы их видели на стенах вот этой самой гостиной! Всего полгода назад.
One was always picking his nose; it drove me wild."	Один все время ковырял в носу. Ужас что такое! Смотреть было противно.
"Well, Mr. Montag," said Mrs. Phelps, "do you want us to vote for a man like that?"	- И по-вашему, мистер Монтэг, мы должны были голосовать за такого человека? -воскликнула миссис Фелпс.
Mildred beamed.	Милдред засияла улыбкой:
"You just run away from the door, Guy, and don't make us nervous."	- Гай, пожалуйста, не зли нас! Отойди от двери!

But Montag was gone and back in a moment with a book in his hand.	Но Монтэг уже исчез, через минуту он вернулся с книгой в руках.
"Guy!"	- Гай!
"Damn it all, damn it all, damn it!"	- К черту все! К черту! К черту!
"What've you got there; isn't that a book?	- Что это? Неужели книга?
I thought that all special training these days was done by film." Mrs. Phelps blinked. "You reading up on fireman theory?"	А мне казалось, что специальное обучение все теперь проводится с помощью кинофильмов.-Миссис Фелпс удивленно заморгала глазами.-Вы изучаете теорию пожарного дела?
"Theory, hell," said Montag. "It's poetry."	- Какая там к черту теория! - ответил Монтэг.- Это стихи.

"Montag." A whisper.	- Монтэг!- прозвучал у него в ушах предостерегающий шепот Фабера.
"Leave me alone! " Montag felt himself turning in a great circling roar and buzz and hum.	- Оставьте меня в покое! - Монтэг чувствовал, что его словно затягивает в какой-то стремительный гудящий и звенящий водо-ворот.
"Montag, hold on, don't..."	- Монтэг, держите себя в ру-ках! Не смейте...
"Did you hear them, did you hear these monsters talking about monsters?	- Вы слышали их? Слыша-ли, что эти чудовища лопо-тали тут о других таких же чудовищах?

Oh God, the way they jabber about people and their own children and themselves and the way they talk about their husbands and the way they talk about war, dammit, I stand here and I can't believe it!"	Господи! Что только они говорят о людях! О собственных детях, о самих себе, о своих мужьях, о войне!.. Будь они прокляты! Я слушал и не верил своим ушам.

"I didn't say a single word about any war, I'll have you know," said Mrs, Phelps.	- Позвольте! Я ни слова не сказала о войне! -воскликнула миссис Фелпс.
"As for poetry, I hate it," said Mrs. Bowles.	- Стихи! Терпеть не могу стихов,- сказала миссис Бауэлс.
"Have you ever read any?"	- А вы их когда-нибудь слышали?

"Montag," Faber's voice scraped away at him. "You'll ruin everything.	- Монтэг!- голос Фабера ввинчивался Монтэгу в ухо.- Вы все погубите.
Shut up, you fool!"	Сумасшедший! Замолчите!
"All three women were on their feet.	Женщины вскочили.
"Sit down!"	- Сядьте! - крикнул Монтэг.
They sat.	Они послушно сели.
"I'm going home," quavered Mrs. Bowles.	- Я ухожу домой,- дрожащим голосом промолвила миссис Бауэлс.
"Montag, Montag, please, in the name of God, what are you up to?" pleaded Faber.	- Монтэг, Монтэг, прошу вас, ради бога! Что вы затеяли?- умолял Фабер.

"Why don't you just read us one of those poems from your little book," Mrs. Phelps nodded. "I think that'd he very interesting."	- Да вы почитали бы нам какой-нибудь стишок из вашей книжки,- миссис Фелпс кивнула головой.- Будет очень интересно.
"That's not right," wailed Mrs. Bowles. "We can't do that!"	- Но это запрещено, - жалобно возопила миссис Бауэлс.- Этого нельзя!
"Well, look at Mr. Montag, he wants to, I know he does.	- Но посмотрите на мистера Монтэга! Ему очень хочется почитать, я же вижу.
And if we listen nice, Mr. Montag will be happy and then maybe we can go on and do something else." She glanced nervously at the long emptiness of the walls enclosing them.	И, если мы минутку посидим смирно и послушаем, мистер Монтэг будет доволен, и тогда мы сможем заняться чем-нибудь другим.- Миссис Фелпс нервно покосилась на пустые стены.

"Montag, go through with this and I'll cut off, I'll leave." The beetle jabbed his ear.	- Монтэг, если вы это сделаете, я выключусь, я вас брошу,- пронзительно звенела в ухе мошка.
"What good is this, what'll you prove?"	- Что это вам даст? Чего вы достигнете?
"Scare hell out of them, that's what, scare the living daylights out!"	- Напугаю их до смерти, вот что! Так напугаю, что света не взвидят!
Mildred looked at the empty air.	Милдред оглянулась:
"Now Guy, just who are you talking to?"	- Да с кем ты разговариваешь, Гай?
A silver needle pierced his brain.	Серебряная игла вонзилась ему в мозг.

"Montag, listen, only one way out, play it as a joke, cover up, pretend you aren't mad at all.	- Монтэг, слушайте, есть только один выход! Обратите все в шутку, смейтесь, сделайте вид, что вам весело!
Then-walk to your wall-incinerator, and throw the book in!"	А затем сожгите книгу в печке.
Mildred had already anticipated this in a quavery voice.	Но Милдред его опередила. Предчувствуя беду, она уже объясняла дрожащим голосом:

"Ladies, once a year, every fireman's allowed to bring one book home, from the old days, to show his family how silly it all was, how nervous that sort of thing can make you, how crazy.	- Дорогие дамы, раз в год каждому пожарному разрешается принести домой книгу, чтобы показать своей семье, как в прежнее время все было глупо и нелепо, как книги лишали людей спокойствия и сводили их с ума.
Guy's surprise tonight is to read you one sample to show how mixed-up things were, so none of us will ever have to bother our little old heads about that junk again, isn't that right, darling?"	Вот Гай и решил сделать вам сегодня такой сюрприз. Он прочтет нам что-нибудь, чтобы мы сами увидели, какой это все вздор, и больше уж никогда не ломали наши бедные головки над этой дребеденью. Ведь так, дорогой?

He crushed the book in his fists.	Монтэг судорожно смял книгу в руках.
"Say 'yes.'" His mouth moved like Faber's.	- Скажите да, Монтэг,- приказал Фабер. Губы Монтэга послушно выполнили приказ Фабера:
"Yes."	- Да
Mildred snatched the book with a laugh.	Милдред со смехом вырвала книгу.
"Here! Read this one.	- Вот, прочти это стихотворение.
No, I take it back. Here's that real funny one you read out loud today.	Нет, лучше это, смешное, ты уже читал его сегодня вслух.
Ladies, you won't understand a word.	Милочки мои, вы ничего не поймете - ничего!

It goes umpty-tumpty-ump.	Это просто набор слов - ту-ту-ту.
Go ahead, Guy, that page, dear."	Гай, дорогой, читай вот эту страницу!
He looked at the opened page.	Он взглянул на раскрытую страницу.
A fly stirred its wings softly in his ear.	В ухе зазвенела мошка:
"Read."	- Читайте, Монтэг.
"What's the title, dear?"	- Как называется стихотворение, милый?
"Dover Beach."	- "Берег Дувра".
His mouth was numb.	Язык Монтэга прилип к гортани.
"Now read in a nice clear voice and go slow."	- Ну читай же - погромче и не торопись.

The room was blazing hot, he was all fire, he was all coldness; they sat in the middle of an empty desert with three chairs and him standing, swaying, and him waiting for Mrs. Phelps to stop straightening her dress hem and Mrs. Bowles to take her fingers away from her hair.	В комнате нечем было дышать. Монтэга бросало то в жар, то в холод. Г остиная казалась пустыней - три стула на середине и он, нетвердо стоящий на ногах, ждущий, когда миссис Фелпс перестанет оправлять платье, а миссис Бауэлс оторвет руки от прически.

Then he began to read in a low, stumbling voice that grew firmer as he progressed from line to line, and his voice went out across the desert, into the whiteness, and around the three sitting women there in the great hot emptiness: "'The Sea of Faith Was once, too, at the full, and round earth's shore Lay like the folds of a bright girdle furled.	Он начал читать, сначала тихо, запинаясь, потом с каждой прочитанной строчкой все увереннее и громче. Голос его проносился над пустыней, ударялся в белую пустоту, звенел в раскаленном воздухе над головами сидящих женщин: Доверья океан Когда-то полон был и, брег земли обвив, Как пояс. радужный, в спокойствии лежал

But now I only hear Its melancholy, long, withdrawing roar, Retreating, to the breath Of the night-wind, down the vast edges drear And naked shingles of the world.'" The chairs creaked under the three women.	Но нынче слышу я Лишь долгий грустный стон да ропщущий отлив Гони-мый сквозь туман Поры-вом бурь, разбитый о края Житейских голых скал. Скрипели стулья.

Montag finished it out: "'Ah, love, let us be true To one another! for the world, which seems To lie before us like a land of dreams, So various, so beautiful, so new, Hath really neither joy, nor love, nor light, Nor certitude, nor peace, nor help for pain; And we are here as on a darkling plain Swept with confused alarms of struggle and flight, Where ignorant armies clash by night.'" Mrs. Phelps was crying.	Монтэг продолжал читать. Дозволь нам, о любовь, Друг другу верным быть. Ведь этот мир, что рос Пред нами, как страна исполнившихся грез,- Так многолик, прекрасен он и нов,- Не знает, в сущности, ни света, ни страстей, Ни мира, ни тепла, ни чувств, ни состраданья, И в нем мы бродим, как по полю брани, Хранящему следы смятенья, бегств, смертей, Где полчища слепцов сошлись в борьбе своей — Автор стихотворения - английский поэт XIX века Мэтью Арнольд. Перевод И. Оныщук. — Миссис Фелпс рыдала.

The others in the middle of the desert watched her crying grow very loud as her face squeezed itself out of shape.	Ее подруги смотрели на ее слезы, на искаженное гримасой лицо.
They sat, not touching her, bewildered by her display.	Они сидели, не смея коснуться ее, ошеломленные столь бурным проявлением чувств.
She sobbed uncontrollably.	Миссис Фелпс безудержно рыдала.
Montag himself was stunned and shaken.	Монтэг сам был потрясен и обескуражен.
"Sh, sh," said Mildred. "You're all right, Clara, now, Clara, snap out of it! Clara, what's wrong?"	- Тише, тише, Клара,- промолвила Милдред.-Успокойся! Да перестань же, Клара, что с тобой?

"I-I,", sobbed Mrs. Phelps, "don't know, don't know, I just don't know, oh oh..."	- Я... я... - рыдала миссис Фелпс.- Я не знаю, не знаю... Ничего не знаю. О-о...
Mrs. Bowles stood up and glared at Montag.	Миссис Бауэлс поднялась и грозно взглянула на Монтэга.
"You see?	- Ну? Теперь видите?
I knew it, that's what I wanted to prove! I knew it would happen!	Я знала, что так будет! Вот это-то я и хотела доказать!
I've always said, poetry and tears, poetry and suicide and crying and awful feelings, poetry and sickness; all that mush!	Я всегда говорила. что поэзия - это слезы, поэзия - это самоубийства, истерики и отвратительное самочувствие, поэзия - это болезнь. Гадость - и больше ничего!

Now I've had it proved to me.	Теперь я в этом окончательно убедилась.
You're nasty, Mr. Montag, you're nasty! " Faber said, "Now..."	Вы злой человек, мистер Монтэг, злой, злой! -Ну, а теперь... - шептал на ухо Фабер.
Montag felt himself turn and walk to the wall-slot and drop the book in through the brass notch to the waiting flames.	Монтэг послушно повернулся, подошел к камину и сунул руку сквозь медные брусья решетки навстречу жадному пламени.

"Silly words, silly words, silly awful hurting words," said Mrs. Bowles.	- Глупые слова, глупые, ранящие душу слова, -продолжала миссис Бауэлс.
"Why do people want to hurt people?	- Почему люди стараются причинить боль друг другу?

Not enough hurt in the world, you've got to tease people with stuff like that ! "	Разве мало и без того страданий на свете, так нужно еще мучить человека этакой чепухой.
"Clara, now, Clara," begged Mildred, pulling her arm.	- Клара, успокойся!- увещевала Милдред рыдающую миссис Фелпс, теребя ее за руку.
"Come on, let's be cheery, you turn the 'family' on, now. Go ahead. Let's laugh and be happy, now, stop crying, we'll have a party!"	- Прошу тебя, перестань! Мы включим "родственников", будем смеяться и веселиться. Да перестань же плакать! Мы сейчас устроим пирушку.
"No," said Mrs. Bowles.	- Нет, - промолвила миссис Бауэлс.
"I'm trotting right straight home.	- Я ухожу.

You want to visit my house and 'family,' well and good.	Если захотите навестить меня и моих "родственников", милости просим, в любое время.
But I won't come in this fireman's crazy house again in my lifetime! "	Но в этом доме, у этого сумасшедшего пожарника, ноги моей больше не будет.
"Go home."	- Уходите! - сказал Монтэг тихим голосом, глядя в упор на миссис Бауэлс.

Montag fixed his eyes upon her, quietly. "Go home and think of your first husband divorced and your second husband killed in a jet and your third husband blowing his brains out, go home and think of the dozen abortions you've had, go home and think of that and your damn Caesarian sections, too, and your children who hate your guts!	- Ступайте домой и подумайте о вашем первом муже, с которым вы развелись, о вашем втором муже, разбившемся в реактивной машине, о вашем третьем муже, который скоро тоже размозжит себе голову! Идите домой и подумайте о тех десятках абортов, что вы сделали, о ваших кесаревых сечениях, о ваших детях, которые вас ненавидят!
Go home and think how it all happened and what did you ever do to stop it?	Идите домой и подумайте над тем, как могло все это случиться и что вы сделали, чтобы этого не допустить.

Go home, go home!" he yelled.	Уходите! - уже кричал он.
"Before I knock you down and kick you out of the door!"	- Уходите, пока я не ударил вас или не вышвырнул за дверь!
Doors slammed and the house was empty.	Дверь хлопнула, дом опустел.
Montag stood alone in the winter weather, with the parlour walls the colour of dirty snow.	Монтэг стоял в ледяной пустыне гостиной, где стены напоминали грязный снег.
In the bathroom, water ran.	Из ванной комнаты донесся плеск воды.
He heard Mildred shake the sleeping tablets into her hand.	Он слышал, как Милдред вытряхивала на ладонь из стеклянного флакончика снотворные таблетки.

"Fool, Montag, fool, fool, oh God you silly fool..."	- Вы глупец, Монтэг, глупец, глупец! О боже, какой вы идиот!..
"Shut up!"	- Замолчите!

He pulled the green bullet from his ear and jammed it into his pocket.	- Монтэг выдернул из уха зеленую пульку и сунул ее в карман, но она продолжала жужжать:
It sizzled faintly. ". . . fool . . . fool . . ."	- Глупец... глупец!..
He searched the house and found the books where Mildred had stacked them behind the refrigerator.	Монтэг обыскал весь дом и нашел наконец книги за холодильником, куда их засунула Милдред.

Some were missing and he knew that she had started on her own slow process of dispersing the dynamite in her house, stick by stick.	Нескольких не хватало, и Монтэг понял, что Милдред сама начала понемножку изымать динамит из своего дома.
But he was not angry now, only exhausted and bewildered with himself.	Но гнев его уже погас. Он чувствовал только усталость и недоумение. Зачем он все это сделал?
He carried the books into the backyard and hid them in the bushes near the alley fence.	Он отнес книги во двор и спрятал их в кустах у забора.
For tonight only, he thought, in case she decides to do any more burning.	Только на одну ночь. На тот случай, если Милдред опять надумает их жечь.

He went back through the house.	Вернувшись в дом, он прошелся по пустым комнатам.
"Mildred?" He called at the door of the darkened bedroom.	- Милдред! - позвал он у дверей темной спальни.
There was no sound.	Никто не ответил.
Outside, crossing the lawn, on his way to work, he tried not to see how completely dark and deserted Clarisse McClellan's house was	Пересекая лужайку по пути к метро, Монтэг старался не замечать, каким мрачным и опустевшим был теперь дом Клариссы Маклеллан...

On the way downtown he was so completely alone with his terrible error that he felt the necessity for the strange warmness and goodness that came from a familiar and gentle voice speaking in the night.	В этот час, идя на работу, он вдруг так остро ощутил свое полное одиночество и всю тяжесть совершенной им ошибки, что не выдержал и снова заговорил с Фабером - ему страстно захотелось услышать в ночной тиши этот слабый голос, полный удивительной теплоты и сердечности.
Already, in a few short hours, it seemed that he had known Faber a lifetime.	Он познакомился с Фабером несколько часов назад, но ему уже казалось, что он знал его всю жизнь.

Now he knew that he was two people, that he was above all Montag, who knew nothing, who did not even know himself a fool, but only suspected it. And he knew that he was also the old man who talked to him and talked to him as the train was sucked from one end of the night city to the other on one long sickening gasp of motion.	Монтэг чувствовал теперь, что в нем заключены два человека: во-первых, он сам, Монтэг, который ничего не понимал, не понимал даже всей глубины своего невежества, лишь смутно догадывался об этом, и, во-вторых, этот старик, который разговаривал сейчас с ним, разговаривал все время, пока пневматический поезд бешено мчал его из одного конца спящего города в другой.

In the days to follow, and in the nights when there was no moon and in the nights when there was a very bright moon shining on the earth, the old man would go on with this talking and this talking, drop by drop, stone by stone, flake by flake.	Все дни, какие еще будут в его жизни, и все ночи - и темные, и озаренные ярким светом луны - старый профессор будет разговаривать с ним, роняя в его душу слово за словом, каплю за каплей, камень за камнем, искру за искрой.

His mind would well over at last and he would not be Montag any more, this the old man told him, assured him, promised him.	И когда-нибудь сознание его наконец переполнится и он перестанет быть Монтэгом. Так говорил ему старик, уверял его в том, обещал.

He would be Montagplus-Faber, fire plus water, and then, one day, after everything had mixed and simmered and worked away in silence, there would be neither fire nor water, but wine.	Они будут вместе - Монтэг и Фабер, огонь и вода, а потом, в один прекрасный день, когда все перемешается, перекипит и уляжется, не будет уже ни огня, ни воды, а будет вино.
Out of two separate and opposite things, a third.	Из двух веществ, столь отличных одно от другого, создается новое, третье.
And one day he would look back upon the fool and know the fool.	И наступит день, когда он, оглянувшись назад, поймет, каким глупцом был раньше.

Even now he could feel the start of the long journey, the leave-taking, the going away from the self he had been.	Он и сейчас уже чувствовал, что этот долгий путь начался, что он прощается со своим прежним "я" и уходит от него.
It was good listening to the beetle hum, the sleepy mosquito buzz and delicate filigree murmur of the old man's voice at first scolding him and then consoling him in the late hour of night as he emerged from the steaming subway toward the firehouse world.	Как приятно было слышать в ухе это гудение шмеля, это сонное комариное жужжание, тончайший филигранный звук старческого голоса! Вначале он бранил Монтэга, потом утешал в этот поздний ночной час, когда Монтэг, выйдя из душного туннеля метро, снова очутился в мире пожарных.
"Pity, Montag, pity.	- Имейте снисхождение, Монтэг, снисхождение.

Don't haggle and nag them; you were so recently one o f them yourself.	Не высмеивайте их, не придирайтесь. Совсем недавно и вы были таким.
They are so confident that they will run on for ever.	Они свято верят, что так будет всегда.
But they won't run on.	Но так всегда не будет.
They don't know that this is all one huge big blazing meteor that makes a pretty fire in space, but that some day it'll have to hit.	Они не знают, что вся их жизнь похожа на огромный пылающий метеор, несущийся сквозь пространство. Пока он летит, это красиво, но когда-нибудь он неизбежно должен упасть.

They see only the blaze, the pretty fire, as you saw it.	А они ничего не видят - только этот нарядный, веселый блеск.
"Montag, old men who stay at home, afraid, tending their peanut-brittle bones, have no right to criticize.	Монтэг, старик, который прячется у себя дома, оберегая свои старые кости, не имеет права критиковать.
Yet you almost killed things at the start.	Но я все-таки скажу: вы чуть не погубили все в самом начале.
Watch it!	Будьте осторожны.
I'm with you, remember that.	Помните, я всегда с вами.
I understand how it happened.	Я понимаю, как это у вас вышло.

I must admit that your blind raging invigorated me.	Должен сознаться, ваш слепой гнев придал мне бодрости.
God, how young I felt!	Г осподи, я вдруг почувствовал себя таким молодым!

But now-I want you to feel old, I want a little of my cowardice to be distilled in you tonight.	Но теперь я хочу, чтобы вы стали стариком, я хочу перелить в вас капельку моей трусости.
The next few hours, when you see Captain Beatty, tiptoe round him, let me hear him for you, let me feel the situation out.	В течение этих нескольких часов, что вы проведете с Битти, будьте осторожны, ходите вокруг него на цыпочках, дайте мне послушать его, дайте мне возможность оценить положение.

Survival is our ticket.	Выжить - вот наш девиз.
Forget the poor, silly women ...."	Забудьте об этих бедных глупых женщинах...
"I made them unhappier than they have been in years, Ithink," said Montag.	- Я их так расстроил, как они, наверно, ни разу за всю жизнь не расстраивались, - сказал Монтэг.
"It shocked me to see Mrs. Phelps cry.	- Я сам был потрясен, когда увидел слезы миссис Фелпс.
Maybe they're right, maybe it's best not to face things, to run, have fun.	И, может быть, они правы. Может быть, лучше не видеть жизни такой, как она есть, закрыть на все глаза и веселиться.
I don't know.	Не знаю.

I feel guilty--"	Я чувствую себя виноватым...
"No, you mustn't!	- Нет, не надо!
If there were no war, if there was peace in the world, I'd say fine, have fun!	Если бы не было войны и на земле был мир, я бы сам сказал вам: веселитесь!
But, Montag, you mustn't go back to being just a fireman.	Но нет, Монтэг, вы не имеете права оставаться только пожарником.
All isn't well with the world."	Не все благополучно в этом мире.
Montag perspired.	Лоб Монтэга покрылся испариной.
"Montag, you listening?"	- Монтэг, вы слышите меня?
"My feet," said Montag. "I can't move them.	- Мои ноги...- пробормотал Монтэг.- Я не могу ими двинуть.

I feel so damn silly.	Какое глупое чувство.
My feet won't move!"	Мои ноги не хотят идти!
"Listen.	- Слушайте, Монтэг.
Easy now," said the old man gently.	Успокойтесь,- мягко уговаривал старик.
"I know, I know.	- Я понимаю, что с вами.
You're afraid of making mistakes.	Вы боитесь опять наделать ошибок.
Don't be.	Но не бойтесь.
Mistakes can be profited by.	Ошибки иногда полезны.
Man, when I was young I shoved my ignorance in people's faces.	Если бы вы только знали! Когда я был молод, я совал свое невежество всем в лицо.

They beat me with sticks.	Меня били за это.

By the time I was forty my blunt instrument had been honed to a fine cutting point for me.	И к сорока годам я отточил наконец оружие моих знаний.
If you hide your ignorance, no one will hit you and you'll never learn.	А если вы будете скрывать свое невежество, вас не будут бить и вы никогда не поумнеете.
Now, pick up your feet, into the firehouse with you!	Ну, а теперь шагайте. Ну! Смелее! Идемте вместе на пожарную станцию!

We're twins, we're not alone any more, we're not separated out in different parlours, with no contact between.	Нас теперь двое. Вы больше не одиноки, мы уже не сидим каждый порознь в своей гостиной, разделенные глухой стеной.
If you need help when Beatty pries at you, I'll be sitting right here in your eardrum making notes!"	Если вам будет нужна помощь, когда Битти станет наседать на вас, я буду рядом, в вашей барабанной перепонке, я тоже буду слушать и все примечать!
Montag felt his right foot, then his left foot, move.	Монтэг почувствовал, что его ноги - сначала правая, потом левая - снова обрели способность двигаться.
"Old man," he said, "stay with me."	- Не покидайте меня, мой старый друг, -промолвил он.

The Mechanical Hound was gone.	Механического пса в конуре не было.
Its kennel was empty and the firehouse stood all about in plaster silence and the orange Salamander slept with its kerosene in its belly and the firethrowers crossed upon its flanks and Montag came in through the silence and touched the brass pole and slid up in the dark air, looking back at the deserted kennel, his heart beating, pausing, beating.	Она была пуста, и белое оштукатуренное здание пожарной станции было погружено в тишину. Оранжевая Саламандра дремала, наполнив брюхо керосином, на ее боках, закрепленные крест-накрест, отдыхали огнеметы. Монтэг прошел сквозь эту тишину и, ухватившись рукой за бронзовый шест, взлетел вверх, в темноту, не сводя глаз с опустевшего логова механического зверя. Сердце его то замирало, то снова начинало бешено колотиться.

Faber was a grey moth asleep in his ear, for the moment.	Фабер на время затих в его ухе, словно серая ночная бабочка.
Beatty stood near the drop-hole waiting, but with his back turned as if he were not waiting.	На верхней площадке стоял Битти. Он стоял спиной к люку, будто и не ждал никого.
"Well," he said to the men playing cards, "here comes a very strange beast which in all tongues is called a fool."	- Вот,- сказал он, обращаясь к пожарным, игравшим в карты,- вот идет любопытнейший экземпляр, на всех языках мира именуемый дураком.
He put his hand to one side, palm up, for a gift.	Не оборачиваясь, он протянул руку ладонью кверху, молчаливо требуя дани.
Montag put the book in it.	Монтэг вложил в нее книгу.

Without even glancing at the title, Beatty tossed the book into the trash-basket and lit a cigarette. "'Who are a little wise, the best fools be.'	Даже не взглянув на обложку, Битти швырнул книгу в мусорную корзинку и закурил сигарету. -"Самый большой дурак тот, в ком есть хоть капля ума".
Welcome back, Montag.	Добро пожаловать, Монтэг.

I hope you'll be staying, with us, now that your fever is done and your sickness over.	Надеюсь, вы теперь останетесь подежурить с нами, раз лихорадка у вас прошла и вы опять здоровы?
Sit in for a hand of poker?"	В покер сыграем?
They sat and the cards were dealt.	Они сели к столу. Раздали карты.

In Beatty's sight, Montag felt the guilt of his hands.	В присутствии Битти Монтэг остро ощущал виновность своих рук.
His fingers were like ferrets that had done some evil and now never rested, always stirred and picked and hid in pockets, moving from under Beatty's alcoholflame stare.	Его пальцы шныряли, как напроказившие хорьки, ни минуты не оставаясь в покое. Они то нервно шевелились, то теребили что-то, то прятались в карманы от бледного, как спиртовое пламя, взгляда Битти.
If Beatty so much as breathed on them, Montag felt that his hands might wither, turn over on their sides, and never be shocked to life again; they would be buried the rest of his life in his coat-sleeves, forgotten.	Монтэгу казалось, что стоит брандмейстеру дохнуть на них - и руки усохнут, скорчатся и больше уж никогда не удастся вернуть их к жизни, они навсегда будут похоронены в глубине рукавов его куртки.

For these were the hands that had acted on their own, no part of him, here was where the conscience first manifested itself to snatch books, dart off with job and Ruth and Willie Shakespeare, and now, in the firehouse, these hands seemed gloved with blood.	Ибо эти руки вздумали жить и действовать по своей воле, независимо от Монтэга, в них впервые проявило себя его сознание, реализовалась его тайная жажда схватить книгу и убежать, унося с собой Иова, Руфь или Шекспира. Здесь, на пожарной станции, они казались руками преступника, обагренными кровью.
Twice in half an hour, Montag had to rise from the game and go to the latrine to wash his hands.	Дважды в течение получаса Монтэг вставал и выходил в уборную мыть руки.
When he came back he hid his hands under the table.	Вернувшись, он прятал их под столом.

Beatty laughed.	Битти рассмеялся:
"Let's have your hands in sight, Montag.	- А ну-ка держите ваши руки на виду, Монтэг.
Not that we don't trust you, understand, but--" They all laughed.	Не то, чтобы мы вам не доверяли, но знаете ли, все-таки... Все захохотали.
"Well," said Beatty, "the crisis is past and all is well, the sheep returns to the fold.	- Ладно уж,- сказал Битти.- Кризис миновал, и все опять хорошо. Заблудшая овца вернулась в стадо.
We're all sheep who have strayed at times.	Всем нам случалось в свое время заблуждаться.
Truth is truth, to the end of reckoning, we've cried.	Правда всегда будет правдой, кричали мы.

They are never alone that are accompanied with noble thoughts, we've shouted to ourselves. ' Sweet food of sweetly uttered knowledge,' Sir Philip Sidney said.	Не одиноки те, кто носит в себе благородные мысли, убеждали мы себя. "О мудрость, скрытая в живых созвучьях",- как сказал сэр Филип Сидней.
But on the other hand: Words are like leaves and where they most abound, Much fruit of sense beneath is rarely found.' Alexander Pope.	Но, с другой стороны: "Слова листве подобны, и где она густа, так вряд ли плод таится под сению листа",- сказал Александр Поп.
What do you think of that?"	Что вы об этом думаете, Монтэг?

"I don't know."	- Не знаю.

"Careful," whispered Faber, living in another world, far away.	- Осторожно,- шептал Фабер из другого далекого мира.
"Or this?	- Или вот еще:
'A little learning is a dangerous thing. Drink deep, or taste not the Pierian spring; There shallow draughts intoxicate the brain, and drinking largely sobers us again.'	"Опасно мало знать, о том не забывая, кастальскою струей налей бокал до края. От одного глотка ты опьянеешь разом, но пей до дна и вновь обрящешь светлый разум".
Pope. Same Essay.	Поп, те же "Опыты".
Where does that put you?"	Это, пожалуй, и к вам приложимо, Монтэг, а? Как вам кажется?
Montag bit his lip.	Монтэг прикусил губу.

"I'll tell you," said Beatty, smiling at his cards. "That made you for a little while a drunkard.	- Сейчас объясню,- сказал Битти, улыбаясь и глядя в карты.- Вы ведь как раз и опьянели от одного глотка.
Read a few lines and off you go over the cliff.	Прочитали несколько строчек, и голова пошла кругом.
Bang, you're ready to blow up the world, chop off heads, knock down women and children, destroy authority.	Трах-тарарах! Вы уже готовы взорвать вселенную, рубить головы, топтать ногами женщин и детей, ниспровергать авторитеты.
I know, I've been through it all."	Я знаю, я сам прошел через это.
"I'm all right," said Montag, nervously.	- Нет, я ничего, - ответил Монтэг в смятении.
"Stop blushing.	- Не краснейте, Монтэг.

I'm not needling, really I'm not.	Право же, я не смеюсь над вами.
Do you know, I had a dream an hour ago.	Знаете, час назад я видел сон.
I lay down for a cat-nap and in this dream you and I, Montag, got into a furious debate on books.	Я прилег отдохнуть, и мне приснилось, что мы с вами, Монтэг, вступили в яростный спор о книгах.
You towered with rage, yelled quotes at me. I calmly parried every thrust.	Вы метали громы и молнии и сыпали цитатами, а я спокойно отражал каждый ваш выпад.

Power, I said, And you, quoting Dr. Johnson, said 'Knowledge is more than equivalent to force!'	"Власть", - говорил я. А вы, цитируя доктора Джонсона, отвечали: "Знания сильнее власти".
And I said, 'Well, Dr. Johnson also said, dear boy, that	А я вам: тот же Джонсон, дорогой мой мальчик, сказал:
"He is no wise man that will quit a certainty for an uncertainty.'" Stick with the fireman, Montag. All else is dreary chaos!"	"Безумец тот, кто хочет поменять определенность на неопределенность". Держитесь пожарников, Монтэг. Все остальное - мрачный хаос!
"Don't listen," whispered Faber. "He's trying to confuse.	- Не слушайте его,- шептал Фабер.- Он хочет сбить вас с толку.

He's slippery.	Он скользкий, как угорь.
Watch out!"	Будьте осторожны!

Beatty chuckled.	Битти засмеялся довольным смешком.
"And you said, quoting, 'Truth will come to light, murder will not be hid long!'	- Вы же мне ответили на это: "Правда, рано или поздно, выйдет на свет божий. Убийство не может долго оставаться сокрытым".
And I cried in good humour,	А я воскликнул добродушно:
' Oh God, he speaks only of his horse!'	"О господи, он все про своего коня!"
And 'The Devil can cite Scripture for his purpose.'	А еще я сказал: "И черт умеет иной раз сослаться на священное писание".

And you yelled,	А вы кричали мне в ответ:
'This age thinks better of a gilded fool, than of a threadbare saint in wisdom's school!'	"Выше чтят у нас дурака в атласе, чем мудрого в бедном платье!"
And I whispered gently,	Тогда я тихонько шепнул вам:
' The dignity of truth is lost with much protesting.'	"Нужна ли истине столь ярая защита?"
And you screamed,	А вы снова кричали:
'Carcasses bleed at the sight of the murderer!'	"Убийца здесь - и раны мертвецов раскрылись вновь и льют потоки крови!"
And I said, patting your hand,	Я отвечал, похлопав вас по руке:

'What, do I give you trench mouth?'	"Ужель такую жадность пробудил я в вас?"
And you shrieked,	А вы вопили:
' Knowledge is power!' and	"Знание- сила!
'A dwarf on a giant's shoulders of the furthest of the two!' and I summed my side up with rare serenity in,	И карлик, взобравшись на плечи великана, видит дальше его!" Я же с величайшим спокойствием закончил наш спор словами:
'The folly of mistaking a metaphor for a proof, a torrent of verbiage for a spring of capital truths, and oneself as an oracle, is inborn in us, Mr. Valery once said.'" Montag's head whirled sickeningly.	"Считать метафору доказательством, поток праздных слов источником истины, а себя оракулом - это заблуждение, свойственное всем нам",- как сказал однажды мистер Поль Валери. У Монтэга голова шла кругом.

He felt beaten unmercifully on brow, eyes, nose, lips, chin, on shoulders, on upflailing arms.	Ему казалось, что его нещадно избивают по голове, глазам, лицу, плечам, по беспомощно поднятым рукам.
He wanted to yell,	Ему хотелось крикнуть:
"No! shut up, you're confusing things, stop it!"	"Нет! Замолчите! Вы стараетесь все запутать. Довольно!"
Beatty's graceful fingers thrust out to seize his wrist.	Тонкие нервные пальцы Битти схватили Монтэга за руку.
"God, what a pulse!	- Боже, какой пульс!
I've got you going, have I, Montag.	Здорово я вас взвинтил, Монтэг, а?
Jesus God, your pulse sounds like the day after the war.	Черт, пульс у вас скачет, словно на другой день после войны.

Everything but sirens and bells!	Не хватает только труб и звона колоколов.

Shall I talk some more?	Поговорим еще?
I like your look of panic.	Мне нравится ваш взволнованный вид. На каком языке мне держать речь?
Swahili, Indian, English Lit., I speak them all.	Суахили, хинди, английский литературный - я говорю на всех.
A kind of excellent dumb discourse, Willie!"	Но это похоже на беседу с немым, не так ли, мистер Вилли Шекспир?
"Montag, hold on! " The moth brushed Montag's ear.	- Держитесь, Монтэг! - прошелестела ему на ухо мошка.
"He's muddying the waters!"	- Он мутит воду!

"Oh, you were scared silly," said Beatty, "for I was doing a terrible thing in using the very books you clung to, to rebut you on every hand, on every point!	- Ох, как вы испугались,- продолжал Битти.- Я и правда поступил жестоко - использовал против вас те самые книги, за которые вы так цеплялись, использовал для того, чтобы опровергать вас на каждом шагу, на каждом слове.
What traitors books can be!	Ах, книги - это такие предатели!
You think they're backing you up, and they turn on you.	Вы думаете, они вас поддержат, а они оборачиваются против вас же.
Others can use them, too, and there you are, lost in the middle of the moor, in a great welter of nouns and verbs and adjectives.	Не только вы, другой тоже может пустить в ход книгу, и вот вы уже увязли в трясине, в чудовищной путанице имен существительных, глаголов, прилагательных.

And at the very end of my dream, along I came with the Salamander and said, Going my way?	А кончился мой сон тем, что я подъехал к вам на Саламандре и спросил: "Нам не по пути?"
And you got in and we drove back to the firehouse in beatific silence, all -dwindled away to peace."	Вы вошли в машину, и мы помчались обратно на пожарную станцию, храня блаженное молчание, страсти улеглись, и между нами снова был мир.
Beatty let Montag's wrist go, let the hand slump limply on the table.	Битти отпустил руку Монтэга, и она безжизненно упала на стол.
"All's well that is well in the end."	- Все хорошо, что хорошо кончается.
Silence.	Тишина.
Montag sat like a carved white stone.	Монтэг сидел, словно белое каменное изваяние.

The echo of the final hammer on his skull died slowly away into the black cavern where Faber waited for the echoes to subside.	Отголоски последних нанесенных ему ударов медленно затихали где-то в темных пещерах мозга. Фабер ждал, пока они затихнут совсем.
And then when the startled dust had settled down about Montag's mind, Faber began, softly,	И когда осели наконец вихри пыли, взметенные в сознании Монтэга, Фабер начал тихим голосом:
"All right, he's had his say.	- Хорошо, он сказал все, что хотел.
You must take it in.	Вы это выслушали.
I'll say my say, too, in the next few hours.	Теперь в ближайшие часы буду говорить я.

And you'll take it in.	Вам придется выслушать и это.

And you'll try to judge them and make your decision as to which way to jump, or fall.	А потом постарайтесь разобраться и решить - с кем вы.
But I want it to be your decision, not mine, and not the Captain's.	Но я хочу, чтобы вы решили это сами, чтобы это решение было вашим собственным, а не моим и не брандмейстера Битти.
But remember that the Captain belongs to the most dangerous enemy of truth and freedom, the solid unmoving cattle of the majority.	Одного только не забывайте - брандмейстер принадлежит к числу самых опасных врагов истины и свободы, к тупому и равнодушному стаду нашего большинства.
Oh, God, the terrible tyranny of the majority.	О, эта ужасная тирания большинства!

We all have our harps to play.	Мы с Битти поем разные песни.
And it's up to you now to know with which ear you'll listen."	От вас самого зависит, кого вы станете слушать.
Montag opened his mouth to answer Faber and was saved this error in the presence of others when the station bell rang.	Монтэг уже открыл было рот, чтобы ответить Фаберу, но звон пожарного колокола вовремя помешал ему совершить эту непростительную оплошность.
The alarm-voice in the ceiling chanted.	Рупор пожарного сигнала гудел под потолком.
There was a tacking-tacking sound as the alarm-report telephone typed out the address across the room.	В другом конце комнаты стучал телефонный аппарат, записывающий адрес.

Captain Beatty, his poker cards in one pink hand, walked with exaggerated slowness to the phone and ripped out the address when the report was finished.	Брандмейстер Битти, держа карты в розовой руке, нарочито медленным шагом подошел к аппарату и оторвал бумажную ленту.
He glanced perfunctorily at it, and shoved it in his pocket. He came back and sat down.	Небрежно взглянув на адрес, он сунул его в карман и, вернувшись к столу, снова сел.
The others looked at him.	Все глядели на него.
"It can wait exactly forty seconds while I take all the money away from you," said Beatty, happily.	- С этим можно подождать ровно сорок секунд, как раз столько, сколько мне нужно, чтобы обыграть вас,- весело сказал Битти.

Montag put his cards down.	Монтэг положил карты на стол.
"Tired, Montag?	- Устали, Монтэг?
Going out of this game?"	Хотите выйти из игры?
"Yes."	- Да.
"Hold on.	- Ну! Не падайте духом!
Well, come to think of it, we can finish this hand later.	Впрочем, можно закончить партию после.
Just leave your cards face down and hustle the equipment. On the double now."	Положите ваши карты на стол рубашкой кверху: вернемся - доиграем. А теперь пошевеливайтесь! Живо!
And Beatty rose up again.	- Битти поднялся.
"Montag, you don't look well?	- Монтэг, мне не нравится ваш вид.

I'd hate to think you were coming down with another fever..."	Уж не собираетесь ли вы опять захворать?
"I'll be all right."	- Да нет, я здоров, я по-еду.
"You'll be fine.	- Да, вы должны поехать.
This is a special case.	Это особый случай.
Come on, jump for it!"	Ну, вперед!..

They leaped into the air and clutched the brass pole as if it were the last vantage point above a tidal wave passing below, and then the brass pole, to their dismay slid them down into darkness, into the blast and cough and suction of the gaseous dragon roaring to life!	Они прыгнули в провал люка, крепко ухватившись руками за медный шест, словно в нем было единственное спасение от взмывавших снизу волн. Но шест низвергнул их прямо в пучину, где уже фыркал, рычал и кашлял, пробуждаясь, бензиновый дракон.
"Hey !"	- Э-эй!

They rounded a corner in thunder and siren, with concussion of tyres, with scream of rubber, with a shift of kerosene bulk in the glittery brass tank, like the food in the stomach of a giant; with Montag's fingers jolting off the silver rail, swinging into cold space, with the wind tearing his hair back from his head, with the wind whistling in his teeth, and him all the while thinking of the women, the chaff women in his parlour tonight, with the kernels blown out from under them by a neon wind, and his silly damned reading of a book to them.	С грохотом и ревом они завернули за угол -скрипели тормоза, взвизгивали шины, плескался керосин в блестящем медном брюхе Саламандры, словно пища в животе великана. Пальцы Монтэга прыгали на сверкающих поручнях, то и дело срываясь в холодную пустоту, ветер рвал волосы, свистел в зубах, а Монтэг думал, все время неотрывно думал о тех женщинах в его гостиной, пустых женщинах, из которых неоновый ветер давно уже выдул последние зернышки разума, и о своей нелепой идиотской затее читать им книгу.

How like trying to put out fires with water-pistols, how senseless and insane.	Все равно, что пытаться погасить пожар из водяного пистолета Бред, сумасшествие!
One rage turned in for another.	Просто припадок бешенства.
One anger displacing another.	Еще одна вспышка гнева, с которой он не умел совладать.
When would he stop being entirely mad and be quiet, be very quiet indeed?	Когда же он победит в себе это безумие и станет спокоен, по-настоящему спокоен?
"Here we go!"	- Вперед, вперед!
Montag looked up.	Монтэг оторвал глаза от поручней.

Beatty never drove, but he was driving tonight, slamming the Salamander around corners, leaning forward high on the driver's throne, his massive black slicker flapping out behind so that he seemed a great black bat flying above the engine, over the brass numbers, taking the full wind.	Обычно Битти никогда не садился за руль, но сегодня машину вел он, круто сворачивая на поворотах, наклонившись вперед с высоты водительского трона, полы его тяжелого черного макинтоша хлопали и развевались - он был как огромная летучая мышь, несущаяся над машиной, грудью навстречу ветру.
"Here we go to keep the world happy, Montag !"	- Вперед, вперед, чтобы сделать мир счастливым! Так, Монтэг?

Beatty's pink, phosphorescent cheeks glimmered in the high darkness, and he was smiling furiously.	Розовые, словно фосфоресцирующие щеки Битти отсвечивали в темноте, он улыбался с каким-то остервенением.

"Here we are!"	- Вот мы и прибыли!
The Salamander boomed to a halt, throwing men off in slips and clumsy hops.	Саламандра круто остановилась. Неуклюжими прыжками посыпались с нее люди.
Montag stood fixing his raw eyes to the cold bright rail under his clenched fingers.	Монтэг стоял, не отрывая воспаленных глаз от холодных блестящих поручней, за которые судорожно уцепились его пальцы.

I can't do it, he thought. How can I go at this new assignment, how can I go on burning things?	"Я не могу сделать это,- думал он.- Как могу я выполнить это задание, как могу я снова жечь?
I can't go in this place.	Я не могу войти в этот дом".
Beatty, smelling of the wind through which he had rushed, was at Montag's elbow.	Битти - от него еще пахло ветром, сквозь который они только что мчались,- вырос рядом.
"All right, Montag?"	- Ну, Монтэг!
The men ran like cripples in their clumsy boots, as quietly as spiders.	Пожарные, в своих огромных сапогах похожие на калек, разбегались бесшумно, как пауки.

At last Montag raised his eyes and turned.	Наконец, оторвав глаза от поручней, Монтэг обернулся.
Beatty was watching his face.	Битти следил за его лицом.
"Something the matter, Montag?"	- Что с вами, Монтэг?
"Why," said Montag slowly, "we've stopped in front of my house." PART III BURNING BRIGHT LIGHTS flicked on and house-doors opened all down the street, to watch the carnival set up.	- Что это? - медленно произнес Монтэг.- Мы же остановились у моего дома? Часть 3. ОГОНЬ ГОРИТ ЯРКО В домах вдоль улицы зажигались огни, распахивались двери. Люди выбегали посмотреть на праздник огня.

Montag and Beatty stared, one with dry satisfaction, the other with disbelief, at the house before them, this main ring in which torches would be juggled and fire eaten.	Битти и Монтэг глядели, один с сдержанным удовлетворением, другой не веря своим глазам, на дом, которому суждено было стать главной ареной представления: здесь будут жонглировать факелами и глотать пламя.
"Well," said Beatty, "now you did it.	- Ну вот,- промолвил Битти,- вы добились своего.
Old Montag wanted to fly near the sun and now that he's burnt his damn wings, he wonders why.	Старина Монтэг вздумал взлететь к солнцу, и теперь, когда ему обожгло крылышки, он недоумевает, как это могло случиться.
Didn't I hint enough when I sent the Hound around your place?"	Разве я не предупредил вас достаточно ясно, когда подослал пса к вашим дверям?

Montag's face was entirely numb and featureless; he felt his head turn like a stone carving to the dark place next door, set in its bright borders of flowers.	Застывшее лицо Монтэга ничего не выражало, он почувствовал, как его голова медленно и тяжело, словно каменная, повернулась в сторону соседнего дома - темного и мрачного среди окружавших его ярких цветочных клумб.
Beatty snorted.	Битти презрительно фыркнул:
"Oh, no!	- Э, бросьте!
You weren't fooled by that little idiot's routine, now, were you?	Неужто вас одурачила эта маленькая сумасбродка со своим избитым репертуаром? А, Монтэг?

Flowers, butterflies, leaves, sunsets, oh, hell!	Цветочки, листочки, мотыльки, солнечный закат. Знаем, знаем!

It's all in her file.	Все записано в ее карточке.
I'll be damned.	Эгэ!
I've hit the bullseye.	Да я, кажется, попал в точку!
Look at the sick look on your face.	Достаточно поглядеть на ваше потерянное лицо.
A few grass-blades and the quarters of the moon.	Несколько травинок и лунный серп!
What trash.	Экая чушь!
What good did she ever do with all that?"	И что хорошего она всем этим сделала?

Montag sat on the cold fender of the Dragon, moving his head half an inch to the left, half an inch to the right, left, right, left right, left	Монтэг присел на холодное крыло Саламандры. Он несколько раз повернул свою одеревеневшую голову, вправо - влево, вправо - влево...
"She saw everything.	- Она все видела.
She didn't do anything to anyone.	Она никому ничего не сделала.
She just let them alone."	Она никого не трогала...
"Alone, hell !	- Не трогала! Как бы не так!
She chewed around you, didn't she?	А возле вас она не вертелась?

One of those damn do-gooders with their shocked, holier-than-thou silences, their one talent making others feel guilty.	Ох уж эти мне любители делать добро, с их святейшими минами, с их высокомерным молчанием и единственным талантом: заставлять человека ни с того ни с сего чувствовать себя виноватым.
God damn, they rise like the midnight sun to sweat you in your bed!"	Черт бы их всех побрал! Красуются, словно солнце в полночь, чтобы тебе и в постели покоя не было!
The front door opened; Mildred came down the steps, running, one suitcase held with a dream-like clenching rigidity in her fist, as a beetle-taxi hissed to the curb.	Дверь дома отворилась, по ступенькам сбежала Милдред, сжимая чемодан в закостеневшей руке. Со свистом затормозив, у тротуара остановилось такси.

"Mildred! " She ran past with her body stiff, her face floured with powder, her mouth gone, without lipstick.	- Милдред! Она пробежала мимо, прямая и застывшая,- лицо белое от пудры, рта нет -забыла накрасить губы.
"Mildred, you didn't put in the alarm!"	- Милдред, неужели это ты дала сигнал тревоги?
She shoved the valise in the waiting beetle, climbed in, and sat mumbling,	Она сунула чемодан в машину и опустилась на сиденье, бормоча как во сне:
"Poor family, poor family, oh everything gone, everything, everything gone now ...."	- Бедные мои "родственники", бедняжки, бедняжки! Все погибло, все, все теперь погибло...

Beatty grabbed Montag's shoulder as the beetle blasted away and hit seventy miles an hour, far down the street, gone.	Битти схватил Монтэга за плечо. Машина рванула и, сразу же набрав скорость до семидесяти миль в час, исчезла в конце улицы.

There was a crash like the falling parts of a dream fashioned out of warped glass, mirrors, and crystal prisms.	Раздался звон. как будто вдребезги рассыпалась мечта, созданная из граненого стекла, зеркал и хрустальных призм.

Montag drifted about as if still another incomprehensible storm had turned him, to see Stoneman and Black wielding axes, shattering windowpanes to provide cross-ventilation.	Монтэг машинально повернулся - его словно подтолкнуло неведомо откуда налетевшим вихрем. И он увидел, что Стоунмен и Блэк, размахивая топорами, крушат оконные рамы, давая простор сквозняку.
The brush of a death's-head moth against a cold black screen.	Шорох крыльев ночной бабочки, бьющейся о холодную черную преграду.
"Montag, this is Faber.	- Монтэг, это я - Фабер.
Do you hear me?	Вы слышите меня?
What is happening	Что случилось?
"This is happening to me," said Montag.	- Теперь это случилось со мной,- ответил Монтэг.

"What a dreadful surprise," said Beatty. "For everyone nowadays knows, absolutely is certain, that nothing will ever happen to me.	- Ах, скажите, какая неожиданность !-воскликнул Битти.- В наши дни всякий почему-то считает, всякий твердо уверен, что с ним ничего не может случиться.
Others die, I go on.	Другие умирают, но я живу.
There are no consequences and no responsibilities.	Для меня, видите ли, нет ни последствий, ни ответственности.
Except that there are.	Но только они есть, вот в чем беда.
But let's not talk about them, eh?	Впрочем, что об этом толковать!

By the time the consequences catch up with you, it's too late, isn't it, Montag?"	Когда уж дошло до по- следствий, так разгова- ривать поздно, правда, Монтэг?
"Montag, can you get away, run?" asked Faber.	- Монтэг, можете вы спа- стись? Убежать?-спра- шивал Фабер.
Montag walked but did not feel his feet touch the cement and then the night grasses.	Монтэг медленно шел к дому, но не чувствовал, как его ноги ступают сперва по цементу до- рожки, потом по влаж- ной ночной траве.
Beatty flicked his igniter nearby and the small orange flame drew his fascinated gaze.	Где-то рядом Битти щелкнул зажигалкой, и глаза Монтэга, как зача- рованные, при-ковались к оранжевому язычку пламени.

"What is there about fire that's so lovely?	- Почему огонь полон для нас такой неизъяснимой прелести?
No matter what age we are, what draws us to it?" Beatty blew out the flame and lit it again. "It's perpetual motion; the thing man wanted to invent but never did.	Что влечет к нему и старого и малого?- Битти погасил и снова зажег маленькое пламя.- Огонь -это вечное движение. То, что человек всегда стремился найти, но так и не нашел.
Or almost perpetual motion.	Или почти вечное.
If you let it go on, it'd burn our lifetimes out.	Если ему не препятствовать, он бы горел, не угасая, в течение всей нашей жизни.
What is fire?	И все же, что такое огонь?

It's a mystery.	Тайна. Загадка!

Scientists give us gobbledegook about friction and molecules. But they don't really know.	Ученые что-то лепечут о трении и молекулах, но, в сущности, они ничего не знают.
Its real beauty is that it destroys responsibility and consequences.	А главная прелесть огня в том, что он уничтожает ответственность и последствия.
A problem gets too burdensome, then into the furnace with it.	Если проблема стала чересчур обременительной - в печку ее.
Now, Montag, you're a burden.	Вот и вы, Монтэг, сейчас представляете собой этакое же бремя.
And fire will lift you off my shoulders, clean, quick, sure; nothing to rot later.	Огонь снимет вас с моих плеч быстро, чисто и наверняка. Даже гнить будет нечему.

Antibiotic, aesthetic, practical."	Удобно. Гигиенично. Эстетично.
Montag stood looking in now at this queer house, made strange by the hour of the night, by murmuring neighbour voices, by littered glass, and there on the floor, their covers torn off and spilled out like swan-feathers, the incredible books that looked so silly and really not worth bothering with, for these were nothing but black type and yellowed paper, and ravelled binding.	Монтэг глядел на свой дом, казавшийся ему сейчас таким чужим и странным: поздний ночной час, шепот соседей, осколки разбитого стекла и вон там на полу - Книги с оторванными переплетами и разлетевшимися, словно лебединые перья, страницами, непонятные книги, которые сейчас выглядят так нелепо и, право же, не стоят, чтобы из-за них столько волноваться, -просто пожелтевшая бумага, черные литеры и потрепанные переплеты.
Mildred, of course.	Это все, конечно, Милдред.

She must have watched him hide the books in the garden and brought them back in.	Она, должно быть, видела, как он прятал книги в саду, и снова внесла их в дом.
Mildred. Mildred.	Милдред, Милдред.
"I want you to do this job all by your lonesome, Montag.	- Я хочу, чтобы вы один проделали всю работу, Монтэг.
Not with kerosene and a match, but piecework, with a flamethrower.	Но не с керосином и спичкой, а шаг за шагом, с огнеметом.
Your house, your clean-up."	Вы сами должны очистить свой дом.
"Montag, can't you run, get away!"	- Монтэг, разве вы не можете скрыться, убежать?

"No!" cried Montag helplessly.	- Нет! - воскликнул Монтэг в отчаянии.
"The Hound!	- Механический пес!
Because of the Hound!"	Из-за него нельзя!
Faber heard, and Beatty, thinking it was meant for him, heard.	Фабер услышал, но услышал и брандмейстер Битти, решивший, что эти слова относятся к нему.
"Yes, the Hound's somewhere about the neighbourhood, so don't try anything.	- Да, пес где-то поблизости, - ответил он,- так что не вздумайте устраивать какие-нибудь фокусы.
Ready?"	Готовы?
"Ready."	- Да.

Montag snapped the safety-catch on the flamethrower.	- Монтэг щелкнул предохранителем огнемета.
"Fire!"	- Огонь!
A great nuzzling gout of flame leapt out to lap at the books and knock them against the wall.	Огромный язык пламени вырвался из огнемета, ударил в книги, отбросил их к стене.
He stepped into the bedroom and fired twice and the twin beds went up in a great simmering whisper, with more heat and passion and light than he would have supposed them to contain.	Монтэг вошел в спальню и дважды выстрелил по широким постелям, они вспыхнули с громким свистящим шепотом и так яростно запылали, что Монтэг даже удивился: кто бы подумал, что в них заключено столько жара и страсти.

He burnt the bedroom walls and the cosmetics chest because he wanted to change everything, the chairs, the tables, and in the diningroom the silverware and plastic dishes, everything that showed that he had lived here in this empty house with a strange woman who would forget him tomorrow, who had gone and quite forgotten him already, listening to her Seashell radio pour in on her and in on her as she rode across town, alone.	Он сжег стены спальни и туалетный столик жены, потому что жаждал все это изменить, он сжег стулья, столы, а в столовой - ножи, вилки и посуду из пластмассы - все, что напоминало о том, как он жил здесь, в этом пустом доме, рядом с чужой ему женщиной, которая забудет его завтра, которая ушла и уже забыла его и мчится сейчас одна по городу, слушая только то, что нашептывает ей в уши радио-"Ракушка".

And as before, it was good to burn, he felt himself gush out in the fire, snatch, rend, rip in half with flame, and put away the senseless problem.	И, как и прежде, жечь было наслаждением - приятно было дать волю своему гневу, жечь, рвать, крушить, раздирать в клочья, уничтожать бессмысленную проблему.
If there was no solution, well then now there was no problem, either.	Нет решения? Так вот же, теперь не будет и проблемы!
Fire was best for everything!	Огонь разрешает все!
"The books, Montag!"	- Монтэг, книги!
The books leapt and danced like roasted birds, their wings ablaze with red and yellow feathers.	Книги подскакивали и метались, как опаленные птицы их крылья пламенели красными и желтыми перьями.

And then he came to the parlour where the great idiot monsters lay asleep with their white thoughts and their snowy dreams.	Затем он вошел в гостиную, где в стенах притаились погруженные в сон огромные безмозглые чудища, с их белыми пустыми думами и холодными снежными снами.
And he shot a bolt at each of the three blank walls and the vacuum hissed out at him. The emptiness made an even emptier whistle, a senseless scream.	Он выстрелил в каждую из трех голых стен, и вакуумные колбы лопнули с пронзительным шипением - пустота откликнулась Монтэгу яростным пустым свистом, бессмысленным криком.
He tried to think about the vacuum upon which the nothingness had performed, but he could not.	Он пытался представить себе ее, рождавшую такие же пустые и бессмысленные образы, и не мог.

He held his breath so the vacuum could not get into his lungs.	Он только задержал дыхание, чтобы пустота не проникла в его легкие.
He cut off its terrible emptiness, drew back, and gave the entire room a gift of one huge bright yellow flower of burning.	Как ножом, он разрезал ее и, отступив назад, послал комнате в подарок еще один огромный ярко-желтый цветок пламени.

The fire-proof plastic sheath on everything was cut wide and the house began to shudder with flame.	Огнеупорный слой, покрывавший стены, лопнул, и дом стал содрогаться в пламени.
"When you're quite finished," said Beatty behind him. "You're under arrest."	- Когда закончите,- раздался за его спиной голос Битти,- имейте в виду, вы арестованы.

The house fell in red coals and black ash.	Дом рухнул грудой красных углей и черного нагара.
It bedded itself down in sleepy pink-grey cinders and a smoke plume blew over it, rising and waving slowly back and forth in the sky.	Он лежал на земле, укрытый периной из сонного розовато-серого пепла, и высокий султан дыма вставал над развалинами, тихо колеблясь в небе.
It was three-thirty in the morning.	Была половина четвертого утра.
The crowd drew back into the houses; the great tents of the circus had slumped into charcoal and rubble and the show was well over.	Люди разошлись по домам: от циркового балагана осталась куча золы и щебня. Представление окончилось.

Montag stood with the flame-thrower in his limp hands, great islands of perspiration drenching his armpits, his face smeared with soot.	Монтэг стоял, держа огнемет в ослабевших руках, темные пятна пота расползались под мышками, лицо было все в саже.
The other firemen waited behind him, in the darkness, their faces illuminated faintly by the smouldering foundation.	За ним молча стояли другие пожарники, их лица освещал слабый отблеск догорающих огней.
Montag started to speak twice and then finally managed to put his thought together.	Монтэг дважды пытался заговорить. Наконец, собравшись с мыслями, он спросил:
"Was it my wife turned in the alarm?"	- Моя жена дала сигнал тревоги?
Beatty nodded.	Битти утвердительно кивнул.

"But her friends turned in an alarm earlier, that I let ride.	- А еще раньше то же самое сделали ее приятельницы, только я не хотел торопиться.
One way or the other, you'd have got it.	Так или иначе, а вы бы все равно попались, Монтэг!
It was pretty silly, quoting poetry around free and easy like that.	Очень глупо было с вашей стороны декламировать стихи направо и налево.
It was the act of a silly damn snob.	Совершенно идиотская заносчивость.
Give a man a few lines of verse and he thinks he's the Lord of all Creation.	Дайте человеку прочитать несколько рифмованных строчек, и он возомнит себя владыкой вселенной.
You think you can walk on water with your books.	Вы решили, что можете творить чудеса вашими книгами.

Well, the world can get by just fine without them.	А оказалось, что мир прекрасно обходится без них.
Look where they got you, in slime up to your lip. If I stir the slime with my little finger, you'll drown ! " Montag could not move.	Посмотрите, куда они вас завели,- вы по горло увязли в трясине, стоит мне двинуть мизинцем, и она поглотит вас! Монтэг не шевельнулся.
A great earthquake had come with fire and levelled the house and Mildred was under there somewhere and his entire life under there and he could not move.	Землетрясение и огненная буря только что сравняли его дом с землей, там, под обломками была погребена Милдред и вся его жизнь тоже, и у него не было сил двинуться с места.

The earthquake was still shaking and falling and shivering inside him and he stood there, his knees half-bent under the great load of tiredness and bewilderment and outrage, letting Beatty hit him without raising a hand.	Отголоски пронесшейся бури еще отдавались где-то внутри, затихая, колени Монтэга сгибались от страшного груза усталости, недоумения, гнева. Он безропотно позволял Битти наносить удар за ударом.
"Montag, you idiot, Montag, you damn fool; why did you really do it?"	- Монтэг, вы - идиот! Вы - непроходимый дурак! Ну зачем, скажите пожалуйста, вы это сделали?

Montag did not hear, he was far away, he was running with his mind, he was gone, leaving this dead soot-covered body to sway in front of another raving fool.	Монтэг не слышал. Мысленно он был далеко и убегал прочь, оставив свое бездыханное, измазанное сажей тело в жертву этому безумствующему маньяку.
"Montag, get out of there! " said Faber.	- Монтэг, бегите! - настаивал Фабер.
Montag listened.	Монтэг прислушался.
Beatty struck him a blow on the head that sent him reeling back.	Сильный удар по голове отбросил его назад.
The green bullet in which Faber's voice whispered and cried, fell to the sidewalk.	Зеленая пулька, в которой шептал и кричал голос Фабера, упала на дорожку.

Beatty snatched it up, grinning. He held it half in, half out of his ear.	С довольной улыбкой Битти схватил ее и поднес к уху.
Montag heard the distant voice calling,	Монтэг слышал далекий голос:
"Montag, you all right?"	- Монтэг, что с вами? Вы живы?
Beatty switched the green bullet off and thrust it in his pocket.	Битти отнял пульку от уха и сунул ее в карман.
"Well--so there's more here than I thought.	- Ага! Значит, тут скрыто больше, чем я думал.
I saw you tilt your head, listening.	Я видел, как вы наклоняете голову и прислушиваетесь к чему-то.

First I thought you had a Seashell. But when you turned clever later, I wondered.	Сперва я подумал, что у вас в ушах "Ракушка", но потом, когда вы вдруг так поумнели, мне это показалось подозрительным.
We'll trace this and drop it on your friend."	Что ж, мы разыщем концы, и вашему приятелю несдобровать.
"No! " said Montag.	- Нет! - крикнул Монтэг.
He twitched the safety catch on the flame-thrower.	Он сдвинул предохранитель огнемета.
Beatty glanced instantly at Montag's fingers and his eyes widened the faintest bit.	Быстрый взгляд Битти задержался на пальцах Монтэга, глаза его чуть-чуть расширились.

Montag saw the surprise there and himself glanced to his hands to see what new thing they had done.	Монтэг прочел в них удивление. Он сам невольно взглянул на свои руки - что они еще натворили?
Thinking back later he could never decide whether the hands or Beatty's reaction to the hands gave him the final push toward murder.	Позже, вспоминая все, что произошло, он никак не мог понять, что же, в конце концов, толкнуло его на убийство: сами ли руки или реакция Битти на то, что эти руки готовились сделать?

The last rolling thunder of the avalanche stoned down about his ears, not touching him.	Последние рокочущие раскаты грома замерли, коснувшись лишь слуха, но не сознания Монтэга.

Beatty grinned his most charming grin.	Лицо Битти расползлось в чарующе-презрительную гримасу.
"Well, that's one way to get an audience.	- Что ж, это недурной способ заставить себя слушать.
Hold a gun on a man and force him to listen to your speech.	Наставьте дуло пистолета на собеседника, и волей-неволей, а он вас выслуша-ет.
Speech away.	Ну, выкладывайте.
What'll it be this time?	Что скажете на этот раз?

Why don't you belch Shakespeare at me, you fumbling snob? 'There is no terror, Cassius, in your threats, for I am arm'd so strong in honesty that they pass by me as an idle wind, which I respect not!'	Почему не угощаете меня Шекспиром, вы, жалкий сноб? "Мне не страшны твои угрозы, Кассий. Они, как праздный ветер, пролетают мимо. Я чувством чести прочно огражден".
How's that?	Так, что ли?
Go ahead now, you secondhand litterateur, pull the trigger."	Эх вы, незадачливый литератор! Действуйте же, черт вас дери! Спускайте курок!
He took one step toward Montag.	И Битти сделал шаг вперед.

Montag only said, "We never burned right..."	- Мы всегда жгли не то, что следовало...- смог лишь выговорить Монтэг.
"Hand it over, Guy," said Beatty with a fixed smile.	- Дайте сюда огнемет. Гай,- промолвил Битти с застывшей улыбкой.
And then he was a shrieking blaze, a jumping, sprawling, gibbering mannikin, no longer human or known, all writhing flame on the lawn as Montag shot one continuous pulse of liquid fire on him.	Но в следующее мгновение он уже был клубком пламени, скачущей, вопящей куклой, в которой не осталось ничего человеческого, катающимся по земле огненным шаром, ибо Монтэг выпустил в него длинную струю жидкого пламени из огнемета.

There was a hiss like a great mouthful of spittle banging a redhot stove, a bubbling and frothing as if salt had been poured over a monstrous black snail to cause a terrible liquefaction and a boiling over of yellow foam.	Раздалось шипение, словно жирный плевок упал на раскаленную плиту, что-то забулькало и забурлило, словно бросили горсть соли на огромную черную улитку и она расплылась, вскипев желтой пеной.
Montag shut his eyes, shouted, shouted, and fought to get his hands at his ears to clamp and to cut away the sound.	Монтэг зажмурился, закричал, он пытался зажать уши руками, чтобы не слышать этих ужасных звуков.

Beatty flopped over and over and over, and at last twisted in on himself like a charred wax doll and lay silent.	Еще несколько судорожных движений, и Битти скорчился, обмяк, как восковая кукла на огне, и затих.
The other two firemen did not move.	Два других пожарника стояли, окаменев, как истуканы.
Montag kept his sickness down long enough to aim the flame-thrower.	С трудом подавляя приступ дурноты, Монтэг направил на них огнемет.
"Turn around!"	- Повернитесь! - приказал он.

They turned, their faces like blanched meat, streaming sweat; he beat their heads, knocking off their helmets and bringing them down on themselves.	Они послушно повернулись к нему спиной, пот катился градом по их серым, как вываренное мясо, лицам. Монтэг с силой ударил их по головам, сбил с них каски, повалил их друг на друга.
They fell and lay without moving.	Они упали и остались лежать неподвижно.
The blowing of a single autumn leaf.	Легкий шелест, как будто слетел с ветки сухой осенний лист.
He turned and the Mechanical Hound was there.	Монтэг обернулся и увидел Механического пса.

It was half across the lawn, coming from the shadows, moving with such drifting ease that it was like a single solid cloud of black-grey smoke blown at him in silence.	Появившись откуда-то из темноты, он успел уже пробежать через лужайку, двигаясь так легко и бесшумно, словно подгоняемое ветром плотное облачко черно-серого дыма.
It made a single last leap into the air, coming down at Montag from a good three feet over his head, its spidered legs reaching, the procaine needle snapping out its single angry tooth.	Пес сделал прыжок - он взвился в воздухе фута на три выше головы Монтэга, растопырив паучьи лапы, сверкая единственным своим зубом - прокаиновой иглой.

Montag caught it with a bloom of fire, a single wondrous blossom that curled in petals of yellow and blue and orange about the metal dog, clad it in a new covering as it slammed into Montag and threw him ten feet back against the bole of a tree, taking the flame-gun with him. He felt it scrabble and seize his leg and stab the needle in for a moment before the fire snapped the Hound up in the air, burst its metal bones at the joints, and blew out its interior in the single flushing of red colour like a skyrocket fastened to the street.	Монтэг встретил его струей пламени, чудесным огненным цветком, - вокруг металлического тела зверя завились желтые, синие и оранжевые лепестки, одевая его в новую пеструю оболочку. Пес обрушился на Монтэга, отбросил его вместе с огнеметом футов на десять в сторону, к подножью дерева, Монтэг почувствовал на мгновение, как пес барахтается, хватает его за ногу, вонзает иглу, - и тотчас же пламя подбросило собаку в воздух, вывернуло ее металлические кости из суставов, распороло ей брюхо, и нутро ее брызнуло во все стороны красным огнем, как лопнувшая ракета.

Montag lay watching the dead-alive thing fiddle the air and die.	Монтэг лежа видел, как перевернулось в воздухе, рухнуло наземь и затихло это мертвое и вместе с тем живое тело.
Even now it seemed to want to get back at him and finish the injection which was now working through the flesh of his leg.	Казалось, пес и сейчас еще готов броситься на него, чтобы закончить смертоносное впрыскивание, действие которого Монтэг уже ощущал в ноге.
He felt all of the mingled relief and horror at having pulled back only in time to have just his knee slammed by the fender of a car hurtling by at ninety miles an hour.	Его охватило смешанное чувство облегчения и ужаса, как у человека, который только-только успел отскочить в сторону от бешено мчащейся машины, и она лишь чуть задела его крылом.

He was afraid to get up, afraid he might not be able to gain his feet at all, with an anaesthetized leg.	Он боялся подняться, боялся, что совсем не сможет ступить на онемевшую от прокаина ногу.
A numbness in a numbness hollowed into a numbness....	Оцепенение начинало разливаться по всему его телу...
And now...?	Что же теперь делать?..

The street empty, the house burnt like an ancient bit of stage-scenery, the other homes dark, the Hound here, Beatty there, the three other firemen another place, and the Salamander . . . ?	Улица пуста, дом сгорел, как старая театральная декорация, другие дома вдоль улицы погружены во мрак, рядом - останки механического зверя, дальше - Битти, еще дальше - двое пожарных и Саламандра...

He gazed at the immense engine.	Он взглянул на огромную машину.
That would have to go, too.	Ее тоже надо уничтожить...
Well, he thought, let's see how badly off you are.	"Ну, - подумал он, - посмотрим, сильно ли ты пострадал.
On your feet now.	Попробуй встать на ноги!
Easy, easy . . . there.	Осторожно, осторожно... вот так!"
He stood and he had only one leg.	Он стоял, но у него была всего лишь одна нога.

The other was like a chunk of burnt pine-log he was carrying along as a penance for some obscure sin.	Вместо другой был мертвый обрубок, обуглившийся кусок дерева, который он вынужден был таскать за собой, словно в наказание за какой-то тайный грех.
When he put his weight on it, a shower of silver needles gushed up the length of the calf and went off in the knee.	Когда он наступал на нее, тысячи серебряных иголок пронзали ногу от бедра до колена.
He wept.	Он заплакал.
Come on!	Нет, иди, иди!
Come on, you, you can't stay here!	Здесь тебе нельзя оставаться!

A few house-lights were going on again down the street, whether from the incidents just passed, or because of the abnormal silence following the fight, Montag did not know.	В домах снова зажигались огни. То ли людям не спалось после всего, что произошло, то ли их тревожила необычная тишина, Монтэг не знал.
He hobbled around the ruins, seizing at his bad leg when it lagged, talking and whimpering and shouting directions at it and cursing it and pleading with it to work for him now when it was vital.	Хромая, подпрыгивая, он пробирался среди развалин, подтаскивая руками волочащуюся больную ногу, он разговаривал с ней, стонал и всхлипывал, выкрикивал ей приказания, проклинал ее и молил - иди, иди, да иди же, ведь сейчас от этого зависит моя жизнь!

He heard a number of people crying out in the darkness and shouting.	Он слышал крики и голоса в темноте.
He reached the back yard and the alley.	Наконец он добрался до заднего двора, выходившего в глухой переулок.
Beatty, he thought, you're not a problem now.	"Битти, - думал он, - теперь вы больше не проблема.
You always said, don't face a problem, bum it.	Вы всегда говорили: "Незачем решать проблему, лучше сжечь ее".
Well, now I've done both.	Ну вот я сделал и то и другое.
Good-bye, Captain.	Прощайте, брандмейстер".

And he stumbled along the alley in the dark.	Спотыкаясь, он заковылял в темноте по переулку.

A shotgun blast went off in his leg every time he put it down and he thought, you're a fool, a damn fool, an awful fool, an idiot, an awful idiot, a damn idiot, and a fool, a damn fool; look at the mess and where's the mop, look at the mess, and what do you do?	Острая боль пронизывала ногу всякий раз, как он ступал на нее, и он думал: дурак, дурак, болван, идиот, чертов идиот, дурак проклятый... Посмотри, что ты натворил, и как теперь все это расхлебывать, как?
Pride, damn it, and temper, and you've junked it all, at the very start you vomit on everyone and on yourself.	Гордость, будь она проклята, и гнев - да, не сумел сдержать себя и вот все испортил, все погубил в самом начале.

But everything at once, but everything one on top of another; Beatty, the women, Mildred, Clarisse, everything.	Правда, столько навалилось на тебя сразу - Битти, эти женщины в гостиной, Милдред, Кларисса.
No excuse, though, no excuse.	И все же нет тебе оправдания, нет!
A fool, a damn fool, go give yourself up!	Ты дурак, проклятый болван! Так выдать себя!
No, we'll save what we can, we'll do what there is left to do.	Но мы еще спасем то, что осталось, мы все сделаем, что можно.
If we have to burn, let's take a few more with us.	Если уж придется гореть, так прихватим кое-кого с собой.
Here!	Да!

He remembered the books and turned back.	Он вспомнил о книгах и повернул обратно.
Just on the off chance.	Надо их взять. На всякий случай.
He found a few books where he had left them, near the garden fence.	Он нашел книги там, где оставил их,- у садовой ограды.
Mildred, God bless her, had missed a few.	Милдред, видно, подобрала не все.
Four books still lay hidden where he had put them.	Четыре еще лежали там, где он их спрятал.
Voices were wailing in the night and flashbeams swirled about.	В темноте слышались голоса, вспыхивали огни.

Other Salamanders were roaring their engines far away, and police sirens were cutting their way across town with their sirens.	Где-то далеко уже грохотали другие Саламандры, рев их сирен сливался с ревом полицейских автомобилей, мчавшихся по ночным улицам.
Montag took the four remaining books and hopped, jolted, hopped his way down the alley and suddenly fell as if his head had been cut off and only his body lay there.	Монтэг поднял книги и снова запрыгал и заковылял по переулку. Вдруг он упал, как будто ему одним ударом отсекли голову и оставили одно лишь обезглавленное тело.
Something inside had jerked him to a halt and flopped him down.	Мысль, внезапно сверкнувшая у него в мозгу, заставила его остановиться, швырнула его наземь.

He lay where he had fallen and sobbed, his legs folded, his face pressed blindly to the gravel.	Он лежал, скорчившись, уткнувшись лицом в гравий, и рыдал.
Beatty wanted to die.	Битти хотел умереть.
In the middle of the crying Montag knew it for the truth.	Теперь Монтэг не сомневался, что это так.
Beatty had wanted to die.	Битти хотел умереть.

He had just stood there, not really trying to save himself, just stood there, joking, needling, thought Montag, and the thought was enough to stifle his sobbing and let him pause for air.	Ведь он стоял против Монтэга, не пытаясь защищаться, стоял, издеваясь над ним, подзадоривая его. От этой мысли у Монтэга перехватило дыхание.

How strange, strange, to want to die so much that you let a man walk around armed and then instead of shutting up and staying alive, you go on yelling at people and making fun of them until you get them mad, and then ...	Как странно, как странно так жаждать смерти, что позволяешь убийце ходить вокруг тебя с оружием в руках, и вместо того, чтобы молчать и этим сохранить себе жизнь, вместо этого кричишь, высмеиваешь, дразнишь, пока твой противник не потеряет власть над собой и...
At a distance, running feet.	Вдалеке - топот бегущих ног.
Montag sat up.	Монтэг поднялся и сел.
Let's get out of here.	Надо уходить.
Come on, get up, get up, you just can't sit!	Вставай, нельзя медлить!

But he was still crying and that had to be finished.	Но рыдания все еще сотрясали его тело. Надо успокоиться.
It was going away now.	Вот они уже утихают.
He hadn't wanted to kill anyone, not even Beatty.	Он никого не хотел убивать, даже Битти.
His flesh gripped him and shrank as if it had been plunged in acid.	Тело его судорожно скорчилось, словно обожженное кислотой.
He gagged.	Он зажал рот рукой.
He saw Beatty, a torch, not moving, fluttering out on the grass.	Перед глазами был Битти - пылающий факел, брошенный на траву.
He bit at his knuckles.	Он кусал себе пальцы, чтобы не закричать:
I'm sorry, I'm sorry, oh God, sorry	"Я не хотел этого! Боже мой, я не хотел, не хотел этого!"

He tried to piece it all together, to go back to the normal pattern of life a few short days ago before the sieve and the sand, Denham's Dentifrice, moth-voices, fireflies, the alarms and excursions, too much for a few short days, too much, indeed, for a lifetime.	Он старался все припомнить, восстановить связь событий, воскресить в памяти прежнюю свою жизнь, какой она была несколько дней назад, до того как в нее вторглись сито и песок, зубная паста Денгэм, шелест крыльев ночной бабочки в ухе, огненные светляки пожара, сигналы тревоги и эта последняя ночная поездка -слишком много для двух-трех коротких дней, слишком много даже для целой жизни!
Feet ran in the far end of the alley.	Топот ног слышался уже в конце переулка.

"Get up!" he told himself. "Damn it, get up!" he said to the leg, and stood.	"Вставай!- сказал он себе.- Вставай, черт тебя возьми!" - приказал он больной ноге и поднялся.
The pains were spikes driven in the kneecap and then only darning needles and then only common, ordinary safety pins, and after he had dragged along fifty more hops and jumps, filling his hand with slivers from the board fence, the prickling was like someone blowing a spray of scalding water on that leg.	Боль острыми шипами вонзилась в колено, потом заколола, как тысяча иголок, потом перешла в тупое булавочное покалывание, и наконец, после того как он проковылял шагов пятьдесят вдоль деревянного забора, исцарапав и занозив себе руки, покалывание перешло в жжение, словно ему плеснули на ногу кипятком.

And the leg was at last his own leg again.	Но теперь нога уже повиновалась ему.
He had been afraid that running might break the loose ankle.	Бежать он все-таки боялся, чтобы не вывихнуть ослабевший сустав.
Now, sucking all the night into his open mouth, and blowing it out pale, with all the blackness left heavily inside himself, he set out in a steady jogging pace.	Широко открыв рот, жадно втягивая ночной воздух, чувствуя, как темнота тяжело оседает где-то у него внутри, он неровным шагом, прихрамывая, но решительно двинулся вперед.
He carried the books in his hands.	Книги он держал в руках.
He thought of Faber.	Он думал о Фабере.
Faber was back there in the steaming lump of tar that had no name or identity now.	Фабер остался там, в не остывшем еще сгустке, которому нет теперь ни имени, ни названия.

He had burnt Faber, too.	Ведь он сжег и Фабера тоже!
He felt so suddenly shocked by this that he felt Faber was really dead, baked like a roach in that small green capsule shoved and lost in the pocket of a man who was now nothing but a frame skeleton strung with asphalt tendons.	Эта мысль так потрясла его, что ему представилось, будто Фабер и в самом деле умер, изжарился, как мелкая рыбешка, в крохотной зеленой капсуле, спрятанной и навсегда погибшей в кармане человека, от которого осталась теперь лишь кучка костей, опутанных спекшимися сухожилиями.
You must remember, burn them or they'll burn you, he thought.	Запомни: их надо сжечь или они сожгут тебя, подумал он.
Right now it's as simple as that.	Сейчас это именно так.

He searched his pockets, the money was there, and in his other pocket he found the usual Seashell upon which the city was talking to itself in the cold black morning.	Он пошарил в карманах - деньги были тут. В другом кармане он наткнулся на обыкновенную радио "Ракушку", по которой в это холодное, хмурое утро город разговаривал сам с собой.
"Police Alert.	- Внимание! Внимание!
Wanted: Fugitive in city.	Полиция разыскивает беглеца.
Has committed murder and crimes against the State.	Совершил убийство и ряд преступлений против государства.
Name: Guy Montag.	Имя: Гай Монтэг.
Occupation: Fireman.	Профессия: пожарник.

Last seen . . ."	В последний раз его видели...
He ran steadily for six blocks, in the alley, and then the alley opened out on to a wide empty thoroughfare ten lanes wide. It seemed like a boatless river frozen there in the raw light of the high white arc-lamps; you could drown trying to cross it, he felt; it was too wide, it was too open.	Кварталов шесть он бежал не останавливаясь. Потом переулок вывел его на бульвары - на широкую автостраду, раз в десять шире обыкновенной улицы, залитая ярким светом фонарей, она напоминала застывшую пустынную реку. Он понимал, как опасно сейчас переходить через нее: слишком она широка, слишком пустынна.

It was a vast stage without scenery, inviting him to run across, easily seen in the blazing illumination, easily caught, easily shot down.	Она была похожа на голую сцену, без декораций, и она предательски заманивала его на это пустое пространство, где при ярком свете фонарей так легко было заметить беглеца, так легко поймать, так легко прицелиться и застрелить.
The Seashell hummed in his ear. "... watch for a man running ... watch for the running man . . . watch for a man alone, on foot . . . watch..."	"Ракушка" жужжала в ухе. - ...Следите за бегущим человеком... следите за бегущим человеком... он один, пеший... следите...

Montag pulled back into the shadows. Directly ahead lay a gas station, a great chunk of porcelain snow shining there, and two silver beetles pulling in to fill[u]p.	Монтэг попятился в тень- Прямо перед ним была заправочная станция - огромная белая глыба, сверкающая глазурью кафелей. Два серебристых жука-автомобиля остановились возле нее, чтобы заправиться горючим...
Now he must be clean and presentable if he wished, to walk, not run, stroll calmly across that wide boulevard.	Нет, если ты хочешь без риска пересечь этот широкий бульвар, нельзя бежать, надо идти спокойно, не спеша, как будто гуляешь. Но для этого у тебя должен быть опрятный и приличный вид.

It would give him an extra margin of safety if he washed up and combed his hair before he went on his way to get where . . . ?	Больше будет шансов спастись, если ты умоешься и причешешь волосы, прежде чем продолжить свой путь...
Yes, he thought, where am I running?	Путь куда? Да, спросил он себя, куда же я бегу?
Nowhere.	Никуда.
There was nowhere to go, no friend to turn to, really.	Ему некуда было бежать, у него не было друзей, к которым он мог бы обратиться.
Except Faber.	Кроме Фабера.

And then he realized that he was indeed, running toward Faber's house, instinctively.	И тогда он понял, что все это время инстинктивно бежал по направлению к дому Фабера.
But Faber couldn't hide him; it would be suicide even to try.	Но ведь Фабер не может спрятать его, даже попытка сделать это граничила бы с самоубийством!
But he knew that he would go to see Faber anyway, for a few short minutes.	Все равно он должен повидаться с Фабером, хотя бы на несколько минут.
Faber's would be the place where he might refuel his fast draining belief in his own ability to survive.	Фабер поддержит в нем быстро иссякающую веру в возможность спастись, выжить.

He just wanted to know that there was a man like Faber in the world. He wanted to see the man alive and not burned back there like a body shelled in another body.	Только бы повидать его, убедиться в том, что существует на свете такой человек, как Фабер, только бы знать, что Фабер жив, а не обуглился и не сгорел где-то там, вместе с другим обуглившимся телом.
And some of the money must be left with Faber, of course, to be spent after Montag ran on his way.	Кроме того, надо оставить ему часть денег, чтобы он мог использовать их после, когда Монтэг пойдет дальше своим путем.
Perhaps he could make the open country and live on or near the rivers and near the highways, in the fields and hills.	Может быть, ему удастся выбраться из города, он спрячется в окрестностях, будет жить возле реки, вблизи больших дорог, среди полей и холмов...

A great whirling whisper made him look to the sky.	Сильный свистящий шум в воздухе заставил его поднять глаза.
The police helicopters were rising so far away that it seemed someone had blown the grey head off a dry dandelion flower.	В небо один за другим поднимались полицейские геликоптеры. Их было много, казалось, кто-то сдул пушистую сухую головку одуванчика.

Two dozen of them flurried, wavering, indecisive, three miles off, like butterflies puzzled by autumn, and then they were plummeting down to land, one by one, here, there, softly kneading the streets where, turned back to beetles, they shrieked along the boulevards or, as suddenly, leapt back into the sir, continuing their search.	Не меньше двух десятков их парило в воздухе мили за три от Монтэга, нере- шительно колеблясь на месте, словно мотыльки, вялые от осеннего холода. Затем они стали опускать- ся: тут один, там другой - они садились на улицу и, превратившись в жуков- автомобилей, с ревом мча- лись по бульварам, чтобы немного погодя опять под- няться в воздух и продол- жать поиски.

And here was the gas station, its attendants busy now with customers.	Перед ним была заправочная станция. Служащих нигде не видно. Заняты с клиентами.
Approaching from the rear, Montag entered the men's washroom.	Обогнув здание сзади, Монтэг вошел в туалетную комнату для мужчин.
Through the aluminium wall he heard a radio voice saying,	Через алюминиевую перегородку до него донесся голос диктора:
"War has been declared."	"Война объявлена".
The gas was being pumped outside.	Снаружи у колонки накачивали бензин.

The men in the beetles were talking and the attendants were talking about the engines, the gas, the money owed.	Сидящие в автомобилях переговаривались со служащими станции - что-то о моторах, о бензине, о том, сколько надо заплатить.
Montag stood trying to make himself feel the shock of the quiet statement from the radio, but nothing would happen.	Монтэг стоял, пытаясь осознать всю значимость только что услышанного по радио лаконичного сообщения, и не мог.
The war would have to wait for him to come to it in his personal file, an hour, two hours from now.	Ладно. Пусть война подождет. Для него она начнется позже, через час или два.

He washed his hands and face and towelled himself dry, making little sound.	Он вымыл руки и лицо, вытерся полотенцем, стараясь не шуметь.
He came out of the washroom and shut the door carefully and walked into the darkness and at last stood again on the edge of the empty boulevard.	Выйдя из умывальной, он тщательно прикрыл за собой дверь и шагнул в темноту. Через минуту он уже стоял на углу пустынного бульвара.
There it lay, a game for him to win, a vast bowling alley in the cool morning.	Вот она - игра, которую он должен выиграть: широкая площадка кегельбана, над которой веет прохладный предутренний ветер.

The boulevard was as clean as the surface of an arena two minutes before the appearance of certain unnamed victims and certain unknown killers.	Бульвар был чист, как гладиаторская арена за минуту до появления на ней безвестных жертв и безыменных убийц.
The air over and above the vast concrete river trembled with the warmth of Montag's body alone; it was incredible how he felt his temperature could cause the whole immediate world to vibrate.	Воздух над широкой асфальтовой рекой дрожал и вибрировал от тепла, излучаемого телом Монтэга,- поразительно, что жар в его теле мог заставить так колебаться окружающий его мир.

He was a phosphorescent target; he knew it, he felt it.	Он, Монтэг, был светящейся мишенью, он знал, он чувствовал это.
And now he must begin his little walk.	А теперь ему еще предстояло проделать этот короткий путь через улицу.
Three blocks away a few headlights glared.	Квартала за три от него сверкнули огни автомобиля.
Montag drew a deep breath.	Монтэг глубоко втянул в себя воздух.
His lungs were like burning brooms in his chest.	В легких царапнуло, словно горячей щеткой.

His mouth was sucked dry from running. His throat tasted of bloody iron and there was rusted steel in his feet.	Г орло пересохло от бега, во рту неприятный ме- таллический вкус, ноги, как свинцовые...
What about those lights there?	Огни автомобиля...
Once you started walking you'd have to gauge how fast those beetles could make it down here.	Если начать переходить улицу сейчас, то надо рассчитать, когда этот автомобиль будет здесь.
Well, how far was it to the other curb?	Далеко ли до противопо- ложного тротуара?
It seemed like a hundred yards.	Должно быть, ярдов сто.

Probably not a hundred, but figure for that anyway, figure that with him going very slowly, at a nice stroll, it might take as much as thirty seconds, forty seconds to walk all the way.	Нет, меньше, но все равно, пусть будет сто. Если идти медленно, спокойным шагом, то, чтобы покрыть это расстояние, понадобится тридцать -сорок секунд.
The beetles?	А мчащийся автомобиль?
Once started, they could leave three blocks behind them in about fifteen seconds.	Набрав скорость, он пролетит эти три квартала за пятнадцать секунд.
So, even if halfway across he started to run . . . ?	Значит, даже если, добравшись до середины, пуститься бегом...

He put his right foot out and then his left foot and then his right.	Он ступил правой ногой, потом левой, потом опять правой.
He walked on the empty avenue.	Он пересекал пустынную улицу.
Even if the street were entirely empty, of course, you couldn't be sure of a safe crossing, for a car could appear suddenly over the rise four blocks further on and be on and past you before you had taken a dozen breaths.	Даже если улица совершенно пуста, никогда нельзя сказать с уверенностью, что перейдешь благополучно. Машина может внезапно появиться на подъеме шоссе, за четыре квартала отсюда, и не успеешь оглянуться, как она налетит на тебя - налетит и промчится дальше...
He decided not to count his steps.	Он решил не считать шагов.

He looked neither to left nor right.	Он не глядел по сторонам - ни направо, ни налево.
The light from the overhead lamps seemed as bright and revealing as the midday sun and just as hot.	Свет уличных фонарей казался таким же предательски ярким и так же обжигал, как лучи полуденного солнца.
He listened to the sound of the car picking up speed two blocks away on his right.	Он прислушивался к шуму мчащейся машины: шум слышался справа, в двух кварталах от него.

Its movable headlights jerked back and forth suddenly, and caught at Montag.	Огни фар то ярко вспыхивали, то гасли и наконец осветили Монтэга.
Keep going.	Иди-иди, не останавливайся!

Montag faltered, got a grip on the books, and forced himself not to freeze.	Монтэг замешкался на мгновение. Потом покрепче сжал в руках книги и заставил себя двинуться вперед.
Instinctively he took a few quick, running steps then talked out loud to himself and pulled up to stroll again.	Ноги его невольно заторопились, побежали, но он вслух пристыдил себя и снова перешел на спокойный шаг.
He was now half across the street, but the roar from the beetle's engines whined higher as it put on speed.	Он был уже на середине улицы, но и рев мотора становился все громче - машина набирала скорость.
The police, of course.	Полиция, конечно.
They see me.	Заметили меня.

But slow now; slow, quiet, don't turn, don't look, don't seem concerned.	Все равно, спокойней, спокойней, не оборачивайся, не смотри по сторонам, не подавай вида, что тебя это тревожит!
Walk, that's it, walls, walk.	Шагай, шагай, вот и все.
The beetle was rushing. The beetle was roaring. The beetle raised its speed.	Машина мчалась, машина ревела, машина увеличивала скорость.

The beetle was whining. The beetle was in high thunder. The beetle came skimming. The beetle came in a single whistling trajectory, fired from an invisible rifle.	Она выла и грохотала, она летела, едва касаясь земли, она неслась как пуля, выпущенная из невидимого ружья.
It was up to 120 m.p.h.	Сто двадцать миль в час.
It was up to 130 at least.	Сто тридцать миль в час.
Montag clamped his jaws.	Монтэг стиснул зубы.

The heat of the racing headlights burnt his cheeks, it seemed, and jittered his eyelids and flushed the sour sweat out all over his body.	Казалось, свет горящих фар обжигает лицо, от него дергаются веки, липким потом покрывается тело.
He began to shuffle idiotically and talk to himself and then he broke and just ran.	Ноги Монтэга нелепо волочились, он начал разговаривать сам с собой, затем'вдруг не выдержал и побежал.
He put out his legs as far as they would go and down and then far out again and down and back and out and down and back.	Он старался как можно дальше выбрасывать ноги, вперед, вперед, вот так, так!
God !	Господи!
God!	Господи!

He dropped a book,
broke pace, almost
turned, changed his
mind,
plunged on, yelling in
concrete emptiness,
the beetle scuttling
after its running food,
two hundred, one
hundred feet away,
ninety, eighty, seventy,
Montag
gasping, flailing his
hands, legs up down
out, up down out,
closer, closer, hooting,
calling, his eyes burnt
white now as his head
jerked
about to confront the
flashing
glare, now the beetle
was swallowed in its
own light, now it was
nothing but a torch
hurtling upon him; all
sound, all blare. Now-
almost on top of him !

Он уронил книгу, остановился, чуть не повернул обратно, но передумал и снова ринулся вперед, крича в каменную пустоту, а жук-автомобиль несся за своей добычей - их разделяло двести футов, потом сто, девяносто, восемьдесят, семьдесят... Монтэг задыхался, нелепо размахивал руками, высоко вскидывал ноги, а машина все ближе, ближе, она гудела, она подавала сигналы. Монтэг вдруг повернул голову, белый огонь фар опалил ему глаза - не было машины, только слепящий сноп света, пылающий факел, со страшной силой брошенный в Монтэга, рев, пламя - сейчас, сейчас она налетит!..

He stumbled and fell.	Монтэг споткнулся и упал.
I'm done!	Я погиб!
It's over!	Все кончено!
But the falling made a difference.	Но падение спасло его.
An instant before reaching him the wild beetle cut and swerved out. It was gone.	За секунду до того, как наскочить на Монтэга, бешеный жук вдруг круто свернул, объехал его и исчез.
Montag lay flat, his head down.	Монтэг лежал, распластавшись на мостовой, лицом вниз.
Wisps of laughter trailed back to him with the blue exhaust from the beetle.	Вместе с синим дымком выхлопных газов до него долетели обрывки смеха.

His right hand was extended above him, flat.	Его правая рука была выброшена далеко вперед.
Across the extreme tip of his middle finger, he saw now as he lifted that hand, a faint sixteenth of an inch of black tread where tyre had touched in passing.	Он поднял ее. На самом кончике среднего пальца темнела узенькая полоска - след от колеса промчавшейся машины.
He looked at that black line with disbelief, getting to his feet.	Он медленно встал на ноги, глядя на эту полоску, не смея поверить своим глазам.
That wasn't the police, he thought.	Значит, это была не полиция?
He looked down the boulevard.	Он глянул вдоль бульвара.
It was clear now.	Пусто.

A carful of children, all ages, God knew, from twelve to sixteen, out 124 FAHRENHEIT 451 whistling, yelling, hurrahing, had seen a man, a very extraordinary sight, a man strolling, a rarity, and simply said,	Нет, это была не полиция, просто машина, полная подростков, - сколько им могло быть лет? От двенадцати до шестнадцати? Шумная, крикливая орава детей отправилась на прогулку, увидели человека, идущего пешком,- странное зрелище, диковинка в наши дни! - и решили:

"Let's get him," not knowing he was the fugitive Mr. Montag, simply a,number of children out for a long night of roaring five or six hundred miles in a few moonlit hours, their faces icy with wind, and coming home or not coming at dawn, alive or not alive, that made the adventure.	"А ну, сшибем его!" - даже не подозревая, что это тот самый мистер Монтэг, которого по всему городу разыскивает полиция. Да, всего лишь шумная компания подростков, вздумавших прокатиться лунной ночью, промчаться миль пятьсот - шестьсот на такой скорости, что лицо коченеет от ветра. На рассвете они то ли вернутся домой, то ли нет, то ли будут живы, то ли нет - ведь в этом и была для них острота таких прогулок.

They would have killed me, thought Montag, swaying, the air still torn and stirring about him in dust, touching his bruised cheek.	"Они хотели убить меня",- подумал Монтэг. Он стоял пошатываясь. В потревоженном воздухе оседала пыль. Он ощупал ссадину на щеке.
For no reason at all in the world they would have killed me.	"Да, они хотели убить меня, просто так, ни с того ни с сего, не задумываясь над тем, что делают".
He walked toward the far kerb telling each foot to go and keep going.	Монтэг побрел ко все еще далекому тротуару, приказывая ослабевшим ногам двигаться.
Somehow he had picked up the spilled books; he didn't remember bending or touching them.	Каким-то образом он подобрал рассыпанные книги, но он не помнил, как нагибался и собирал их.

He kept moving them from hand to hand as if they were a poker hand he could not figure.	Сейчас он перекладывал их из одной руки в другую, словно игрок карты, перед тем как сделать сложный ход.
I wonder if they were the ones who killed Clarisse?	Может быть, это они убили Клариссу?
He stopped and his mind said it again, very loud.	Он остановился и мысленно повторил еще раз очень громко:
I wonder if they were the ones who killed Clarisse!	- Может быть, это они убили Клариссу!
He wanted to run after them yelling.	И ему захотелось с криком броситься за ними вдогонку.
His eyes watered.	Слезы застилали глаза.

The thing that had saved him was falling flat.	Да, его спасло только то, что он упал.
The driver of that car, seeing Montag down, instinctively considered the probability that running over a body at that speed might turn the car upside down and spill them out.	Водитель вовремя сообразил, даже не сообразил, а почувствовал, что мчащаяся на полной скорости машина, наскочив на лежащее тело, неизбежно перевернется и выбросит всех вон.
If Montag had remained an upright target. . . ?	Но если бы Монтэг не упал?..
Montag gasped.	Монтэг вдруг затаил дыхание.

Far down the boulevard, four blocks away, the beetle had slowed, spun about on two wheels, and was now racing back, slanting over on the wrong side of the street, picking up speed.	В четырех кварталах от него жук замедлил ход, круто повернул, встав на задние колеса, и мчался теперь обратно по той же стороне улицы, нарушая все правила движения.
But Montag was gone, hidden in the safety of the dark alley for which he had set out on a long journey, an hour or was it a minute, ago?	Но Монтэг был уже вне опасности: он укрылся в темном переулке - цели своего путешествия. Сюда он устремился час назад - или то было лишь минуту назад?

He stood shivering in the night, looking back out as the beetle ran by and skidded back to the centre of the avenue, whirling laughter in the air all about it, gone.	Вздрагивая от ночного холодка, он оглянулся. Жук промчался мимо, выскочил на середину бульвара и исчез, взрыв смеха снова нарушил ночную тишину.
Further on, as Montag moved in darkness, he could see the helicopters falling, falling, like the first flakes of snow in the long winter. to come....	Шагая в темноте по переулку, Монтэг видел, как, словно снежные хлопья, падали с неба геликоптеры - первый снег грядущей долгой зимы...
The house was silent.	Дом был погружен в молчание.
Montag approached from the rear, creeping through a thick night-moistened scent of daffodils and roses and wet grass.	Монтэг подошел со стороны сада, вдыхая густой ночной запах нарциссов, роз и влажной травы.

He touched the screen door in back, found it open, slipped in, moved across the porch, listening.	Он потрогал застекленную дверь черного хода, она оказалась незапертой, прислушался и бесшумно скользнул в дом.
Mrs. Black, are you asleep in there? he thought. This isn't good, but your husband did it to others and never asked and never wondered and never worried.	"Миссис Блэк, вы спите? - думал он.- Я знаю, это нехорошо, то, что я делаю, но ваш муж поступал так с другими и никогда не спрашивал себя, хорошо это или дурно, никогда не задумывался и не мучился.

And now since you're a fireman's wife, it's your house and your turn, for all the houses your husband burned and the people he hurt without thinking. .	А теперь, поскольку вы жена пожарника, пришел и ваш черед, теперь огонь уничтожит ваш дом - за все дома, что сжег ваш муж. за все горе, что он не задумываясь причинял людям".
The house did not reply.	Дом молчал.
He hid the books in the kitchen and moved from the house again to the alley and looked back and the house was still dark and quiet, sleeping.	Монтэг спрятал книги на кухне и вышел обратно в переулок. Он оглянулся: погруженный в темноту и молчание, дом спал.

On his way across town, with the helicopters fluttering like torn bits of paper in the sky, he phoned the alarm at a lonely phone booth outside a store that was closed for the night.	Снова Монтэг шагал по ночным улицам. Над городом, словно поднятые ветром обрывки бумаги, кружились геликоптеры. По пути Монтэг зашел в одиноко стоящую телефонную будку у закрытого на ночь магазина.
Then he stood in the cold night air, waiting and at a distance he heard the fire sirens start up and run, and the Salamanders coming, coming to bum Mr. Black's house while he was away at work, to make his wife stand shivering in the morning air while the roof let go and dropped in upon the fire.	Потом он долго стоял, поеживаясь от холода, и ждал, когда завоют вдалеке пожарные сирены и Саламандры с ревом понесутся жечь дом мистера Блэка. Сам мистер Блэк сейчас на работе, но его жена, дрожа от утреннего тумана, будет стоять и смотреть, как пылает и рушится крыша ее дома.

But now, she was still asleep.	А сейчас она еще крепко спит.
Good night, Mrs. Black, he thought. -	Спокойной ночи, миссис Блэк.
"Faber! " Another rap, a whisper, and a long waiting.	- Фабер! Стук в дверь. Еще раз. Еще. Шепотом произнесенное имя. Ожидание.
Then, after a minute, a small light flickered inside Faber's small house.	Наконец, спустя минуту, слабый огонек блеснул в домике Фабера.

After another pause, the back door opened.	Еще минута ожидания, и задняя дверь отворилась.

They stood looking at each other in the half-light, Faber and Montag, as if each did not believe in the other's existence.	Они молча глядели друг на друга в полумраке -Монтэг и Фабер, словно не верили своим глазам.
Then Faber moved and put out his hand and grabbed Montag and moved him in and sat him down and went back and stood in the door, listening.	Затем Фабер, очнувшись, быстро протянул руку, втащил Монтэга в дом, усадил на стул, снова вернулся к дверям, прислушался.
The sirens were wailing off in the morning distance.	В предрассветной тишине выли сирены.
He came in and shut the door.	Фабер закрыл дверь.
Montag said, "I've been a fool all down the line.	- Я вел себя, как дурак, с начала и до конца.

I can't stay long.	Наделал глупостей. Мне нельзя здесь долго оставаться.
I'm on my way God knows where."	Я ухожу, одному богу известно куда, -промолвил Монтэг.
"At least you were a fool about the right things," said Faber.	- Во всяком случае, вы делали глупости из-за стоящего дела, - ответил Фабер.
"I thought you were dead.	- Я думал, вас уже нет в живых.
The audio-capsule I gave you--"	Аппарат, что я вам дал...
"Burnt."	- Сгорел.
"I heard the captain talking to you and suddenly there was nothing.	- Я слышал, как брандмейстер говорил с вами, а потом вдруг все умолкло.

I almost came out looking for you."	Я уже готов был идти разыскивать вас.
"The captain's dead.	- Брандмейстер умер.
He found the audio-capsule, he heard your voice, he was going to trace it.	Он обнаружил капсулу и услышал ваш голос, он хотел добраться и до вас.
I killed him with the flamethrower."	Я сжег его из огнемета.
Faber sat down and did not speak for a time.	Фабер опустился на стул. Долгое время оба молчали.
"My God, how did this happen?" said Montag.	- Боже мой, как все это могло случиться? - снова заговорил Монтэг.
"It was only the other night everything was fine and the next thing I know I'm drowning.	- Еще вчера все было хорошо, а сегодня я чувствую, что гибну.

How many times can a man go down and still be alive?	Сколько раз человек может погибать и все же оставаться в живых?
I can't breathe.	Мне трудно дышать.
There's Beatty dead, and he was my friend once, and there's Millie gone, I thought she was my wife, but now I don't know.	Битти мертв, а когда-то он был моим другом. Милли ушла, я считал, она моя жена, но теперь не знаю.
And the house all burnt. And my job gone and myself on the run, and I planted a book in a fireman's house on the way.	У меня нет больше дома, он сгорел, нет работы, и сам я вынужден скрываться. По пути сюда я подбросил книги в дом пожарника.

Good Christ, the things I've done in a single week! "	О господи, сколько я натворил за одну неделю!
"You did what you had to do.	- Вы сделали только то, чего не могли не сделать.
It was coming on for a long time."	Так должно было случиться.
"Yes, I believe that, if there's nothing else I believe.	- Да, я верю, что это так. Хоть в это я верю, а больше мне, пожалуй, и верить не во что.
It saved itself up to happen.	Да, я знал, что это случится.
I could feel it for a long time, I was saving something up, I went around doing one thing and feeling another.	Я давно чувствовал, как что-то нарастает во мне. Я делал одно, а думал совсем другое.

God, it was all there.	Это зрело во мне.
It's a wonder it didn't show on me, like fat.	Удивляюсь, как еще снаружи не было видно.
And now here I am, messing up your life.	И вот теперь я пришел к вам, чтобы разрушить и вашу жизнь.
They might follow me here."	Ведь они могут прийти сюда!
"I feel alive for the first time in years," said Faber.	- Впервые за много лет я снова живу, - ответил Фабер.
"I feel I'm doing what I should have done a lifetime ago.	- Я чувствую, что делаю то, что давно должен был сделать.
For a little while I'm not afraid.	И пока что я не испытываю страха.
Maybe it's because I'm doing the right thing at last.	Должно быть, потому, что наконец делаю то, что нужно.

Maybe it's because I've done a rash thing and don't want to look the coward to you.	Или, может быть, потому, что, раз совершив рискованный поступок, я уже не хочу показаться вам трусом.
I suppose I'll have to do even more violent things, exposing myself so I won't fall down on the job and turn scared again.	Должно быть, мне и дальше придется совершать еще более смелые поступки, еще больше рисковать, чтобы не было пути назад, чтобы не струсить, не позволить страху снова сковать меня.
What are your plans?"	Что вы теперь намерены делать?
"To keep running."	- Скрываться. Бежать.
"You know the war's on?"	- Вы знаете, что объявлена война?
"I heard."	- Да, слышал.

"God, isn't it funny?" said the old man. "It seems so remote because we have our own troubles."	- Господи! Как странно! - воскликнул старик.- Война кажется чем-то далеким, потому что у нас есть теперь свои заботы.
"I haven't had time to think."	- У меня не было времени думать о ней.
Montag drew out a hundred dollars.	- Монтэг вытащил из кармана стодолларовую бумажку.
"I want this to stay with you, use it any way that'll help when I'm gone."	- Вот, возьмите. Пусть будет у вас. Когда я уйду, распорядитесь ими, как найдете нужным.

"But-- "	- Однако...
"I might be dead by noon; use this."	- К полудню меня, возможно, не будет в живых. Используйте их для дела.
Faber nodded.	Фабер кивнул головой.

"You'd better head for the river if you can, follow along it, and if you can hit the old railroad lines going out into the country, follow them.	- Постарайтесь пробраться к реке, потом идите вдоль берега, там есть старая железнодорожная колея, ведущая из города в глубь страны. Отыщите л ее и ступайте по ней.
Even though practically everything's airborne these days and most of the tracks are abandoned, the rails are still there, rusting.	Все сообщение ведется теперь по воздуху, и большинство железнодорожных путей давно заброшено, но эта колея еще сохранилась, ржавеет потихоньку.

I've heard there are still hobo camps all across the country, here and there; walking camps they call them, and if you keep walking far enough and keep an eye peeled, they say there's lots of old Harvard degrees on the tracks between here and Los Angeles.	Я слышал, что кое-где, в разных глухих углах, еще можно найти лагери бродяг. Пешие таборы, так их называют. Надо только отойти подальше от города да иметь зоркий глаз. Говорят, вдоль железнодорожной колеи, что идет отсюда на Лос-Анджелес, можно встретить немало бывших питомцев Гарвардского университета.
Most of them are wanted and hunted in the cities.	Большею частью это беглецы, скрывающиеся от полиции.
They survive, I guess.	Но им все же удалось уцелеть.

There aren't many of them, and I guess the Government's never considered them a great enough danger to go in and track them down.	Их немного, и правительство, видимо, не считает их настолько опасными, чтобы продолжать поиски за пределами городов.
You might hole up with them for a time and get in touch with me in St. Louis, I'm leaving on the five a.m. bus this morning, to see a retired printer there, I'm getting out into the open myself, at last.	На время можете укрыться у них, а потом постарайтесь разыскать меня в Сент-Луисе. Я отправляюсь туда сегодня утром, пятичасовым автобусом, хочу повидаться с тем старым печатником. Видите, и я наконец-то расшевелился.
The money will be put to good use.	Ваши деньги пойдут на хорошее дело.
Thanks and God bless you.	Благодарю вас, Монтэг, и да хранит вас бог.

Do you want to sleep a few minutes?"	Может быть, хотите прилечь на несколько минут?
"I'd better run."	- Нет, лучше мне не задерживаться.
"Let's check."	- Давайте посмотрим, как развиваются события.
He took Montag quickly into the bedroom and lifted a picture frame aside, revealing a television screen the size of a postal card.	Фабер торопливо провел Монтэга в спальню и отодвинул в сторону одну из картин, висевших на стене. Под ней оказался небольшой телевизионный экран размером не более почтовой открытки.

"I always wanted something very small, something I could talk to, something I could blot out with the palm of my hand, if necessary, nothing that could shout me down, nothing monstrous big.	- Мне всегда хотелось иметь маленький экранчик, чтобы можно было, если захочу, закрыть его ладонью, а не эти огромные стены, которые оглушают тебя криком.

So, you see."	Вот смотрите.
He snapped it on.	Он включил экран.
"Montag," the TV set said, and lit up.	- Монтэг, - произнес телевизор, и экран осветился.
"M-O-N-T-A-G." The name was spelled out by the voice.	- М-0-Н-Т-Э-Г, - по буквам прочитал голос диктора.

"Guy Montag.	- Гай Монтэг.
Still running.	Все еще разыскивается.
Police helicopters are up.	Поиски ведут полицейские геликоптеры.
A new Mechanical Hound has been brought from another district.. ."	Из соседнего района доставлен новый Механический пес.
Montag and Faber looked at each other. ". . .	Монтэг и Фабер молча переглянулись.
Mechanical Hound never fails.	- Механический пес действует безотказно.
Never since its first use in tracking quarry has this incredible invention made a mistake.	Это чудесное изобретение, с тех пор как впервые было применено для розыска преступников, еще ни разу не ошиблось.

Tonight, this network is proud to have the opportunity to follow the Hound by camera helicopter as it starts on its way to the target..."	Наша телевизионная компания гордится тем, что ей предоставлена возможность с телевизионной камерой, установленной на геликоптере, повсюду следовать за механической ищейкой, как только она начнет свой путь по следу преступника...
Faber poured two glasses of whisky.	Фабер налил виски в стаканы.
"We'll need these."	- Выпьем. Это нам не помешает.

They drank. ". . . nose so sensitive the Mechanical Hound can remember and identify ten thousand odour-indexes on ten thousand men without re-setting! " Faber trembled the least bit and looked about at his house, at the walls, the door, the doorknob, and the chair where Montag now sat.	Они выпили. - ...Обоняние механической собаки настолько совершенно, что она способна запомнить около десяти тысяч индивидуальных запахов и выследить любого из этих десяти тысяч людей без новой настройки. Легкая дрожь пробежала по телу Фабера. Он окинул взглядом комнату, стены, дверь, дверную ручку, стул, на котором сидел Монтэг.
Montag saw the look.	Монтэг заметил этот взгляд.

They both looked quickly about the house and Montag felt his nostrils dilate and he knew that he was trying to track himself and his nose was suddenly good enough to sense the path he had made in the air of the room and the sweat of his hand hung from the doorknob, invisible, but as numerous as the jewels of a small chandelier, he was everywhere, in and on and about everything, he was a luminous cloud, a ghost that made breathing once more impossible.	Теперь оба они быстро оглядели комнату. Монтэг вдруг почувствовал, как дрогнули и затрепетали крылья его ноздрей, словно он сам пустился по своему следу, словно обоняние его настолько обострилось, что он сам стал способен по запаху найти след, проложенный им в воздухе, словно внезапно стали зримы микроскопические капельки пота на дверной ручке, там, где он взялся за нее рукой, - их было множество, и они поблескивали, как хрустальные подвески крохотной люстры. На всем остались крупицы его существа, он, Монтэг, был везде - ив доме и снаружи, он был светящимся облаком, привидением, растворившимся в воздухе. И от этого трудно было дышать.

He saw Faber stop up his own breath for fear of drawing that ghost into his own body, perhaps, being contaminated with the phantom exhalations and odours of a running man.	Он видел, как Фабер задержал дыхание, словно боялся вместе с воздухом втянуть в себя тень беглеца.
"The Mechanical Hound is now landing by helicopter at the site of the Burning!"	- Сейчас Механический пес будет высажен с геликоптера у места пожара!

And there on the small screen was the burnt house, and the crowd, and something with a sheet over it and out of the sky, fluttering, came the helicopter like a grotesque flower.	На экранчике возник сгоревший дом, толпа, на земле что-то прикрытое простыней и опускающийся с неба геликоптер, похожий на причудливый цветок.
So they must have their game out, thought Montag.	Так. Значит, они решили довести игру до конца.
The circus must go on, even with war beginning within the hour....	Спектакль будет разыгран, невзирая на то, что через какой-нибудь час может разразиться война...

He watched the scene, fascinated, not wanting to move.	Как зачарованный, боясь пошевельнуться, Монтэг следил за происходящим.
It seemed so remote and no part of him; it was a play apart and separate, wondrous to watch, not without its strange pleasure.	Все это казалось таким далеким, не имеющим к нему никакого отношения. Как будто он сидел в театре и смотрел драму, чью-то чужую драму, смотрел не без интереса, даже с каким-то особым удовольствием.
That's all for me, you thought, that's all taking place just for me, by God.	"А ведь это все обо мне, - думал он, - ах ты, господи, ведь это все обо мне!"

If he wished, he could linger here, in comfort, and follow the entire hunt on through its swift. phases, down alleys across streets, over empty running avenues, crossing lots and playgrounds, with pauses
here or there for the necessary commercials,
up other alleys to the burning house of Mr. and Mrs. Black, and so on finally to this house with Faber and himself seated, drinking, while the Electric Hound snuffed down the last trail, silent as a drift of death itself, skidded to a halt outside that window there.

Если бы он захотел, он мог бы остаться здесь и с удобством проследить всю погоню до конца, шаг за шагом, по переулкам и улицам, пустынным широким бульварам, через лужайки и площадки для игр, задерживаясь вместе с диктором то здесь, то там для необходимых пояснений, и снова по переулкам, прямо к объятому пламенем дому мистера и миссис Блэк и наконец сюда, в этот домик, где они с Фабером сидят и попивают виски, а электрическое чудовище тем временем уже обнюхивает след его недавних шагов, безмолвное, как сама смерть. Вот оно уже под окном.

Then, if he wished, Montag might rise, walk to the window, keep one eye on the TV screen, open the window, lean out, look back, and see himself dramatized, described, made over, standing there, limned in the bright small television screen from outside, a drama to be watched objectively, knowing that in other parlours he was large as life, in full colour, dimensionally perfect!	Теперь, если Монтэг захочет, он может встать и, одним глазом поглядывая на телевизор, подойти к окну, открыть его и высунуться навстречу механическому зверю. И тогда на ярком квадратике экрана он увидит самого себя со стороны, как главного героя драмы, знаменитость, о которой все говорят, к которой прикованы все взоры,- в других гостиных в эту минуту все будут видеть его объемным, в натуральную величину, в красках!

And if he kept his eye peeled quickly he would see himself, an instant before oblivion, being punctured for the benefit of how many civilian parlour-sitters who had been wakened from sleep a few minutes ago by the frantic sirening of their living-room walls to come watch the big game, the hunt, the one-man carnival.	И если он не зазевается в этот последний момент, он еще сможет за секунду до ухода в небытие увидеть, как пронзает его прокаиновая игла - во имя счастья и спокойствия бесчисленных людей, минуту назад разбуженных истошным воем сирен и поспешивших в свои гостиные, чтобы с волнением наблюдать редкое зрелище - охоту на крупного зверя, погоню за преступником, драму с единственным действующим лицом.
Would he have time for a speech?	Успеет ли он сказать свое последнее слово?

As the Hound seized him, in view of ten or twenty or thirty million people, mightn't he sum up his entire life in the last week in one single phrase or a word that would stay with them long after the.	Когда на глазах у миллионов зрителей пес схватит его, не должен ли он, Монтэг, одной фразой или хоть словом подвести итог своей жизни за эту неделю, так, чтобы сказанное им еще долго жило после того, как пес, сомкнув и разомкнув свои металлические челюсти, отпрыгнет и убежит прочь, в темноту.
Hound had turned, clenching him in its metal-plier jaws, and trotted off in darkness, while the camera remained stationary, watching the creature dwindle in the distance--a splendid fadeout!	Телекамеры, замерев на месте, будут следить за удаляющимся зверем - эффектный конец!

What could he say in a single word, a few words, that would sear all their faces and wake them up?	Где ему найти такое слово, такое последнее слово, чтобы огнем обжечь лица людей, пробудить их ото сна?
"There," whispered Faber.	- Смотрите, - прошептал Фабер.

Out of a helicopter glided something that was not machine, not animal, not dead, not alive, glowing with a pale green luminosity.	С геликоптера плавно спускалось что-то, не похожее ни на машину, ни на зверя, ни мертвое, ни живое, что-то, излучающее слабый зеленоватый свет.

It stood near the smoking ruins of Montag's house and the men brought his discarded flame-thrower to it and put it down under the muzzle of the Hound.	Через миг это чудовище уже стояло у тлеющих развалин. Полицейские подобрали брошенный Монтэгом огнемет и поднесли его рукоятку к морде механического зверя.
There was a whirring, clicking, humming.	Раздалось жужжание, щелкание, легкое гудение.
Montag shook his head and got up and drank the rest of his drink.	Монтэг, очнувшись, тряхнул головой и встал. Он допил остаток виски из стакана:
"It's time.	- Пора.
I'm sorry about this:"	Я очень сожалею, что так все вышло.
"About what?	- Сожалеете?
Me?	О чем?

My house?	О том, что опасность грозит мне, моему дому?
I deserve everything.	Я все это заслужил.
Run, for God's sake.	Идите, ради бога, идите!
Perhaps I can delay them here--"	Может быть, мне удастся задержать их...
"Wait.	- Постойте.
There's no use your being discovered.	Какая польза, если и вы попадетесь?
When I leave, burn the spread of this bed, that I touched.	Когда я уйду, сожгите покрывало с постели - я касался его.
Burn the chair in the living room, in your wall incinerator.	Бросьте в печку стул, на котором я сидел.

Wipe down the furniture with alcohol, wipe the door-knobs.	Протрите спиртом мебель, все дверные ручки.
Burn the throwrug in the parlour.	Сожгите половик в прихожей.
Turn the air-conditioning on full in all the rooms and spray with moth-spray if you have it.	Включите на полную мощность вентиляцию во всех комнатах, посыпьте все нафталином, если он у вас есть.
Then, turn on your lawn sprinklers as high as they'll go and hose off the sidewalks.	Потом включите во-всю ваши поливные установки в саду, а дорожки промойте из шланга.
With any luck at all, we can kill the trail in here, anyway..'	Может быть, удастся прервать след...

Faber shook his hand.	Фабер пожал ему руку:
"I'll tend to it.	- Я все сделаю.
Good luck.	Счастливого пути.
If we're both in good health, next week, the week after, get in touch.	Если мы оба останемся живы, на следующей неделе или еще через неделю постарайтесь подать о себе весть.

General Delivery, St. Louis.	Напишите мне в Сент-Луис, главный почтамт, до востребования.
I'm sorry there's no way I can go with you this time, by ear-phone. That was good for both of us. But my equipment was limited.	Жаль, что не могу все время держать с вами контакт,- это было бы очень хорошо и для вас и для меня, но у меня нет второй слуховой капсулы.

You see, I never thought I would use it.	Я, видите ли, никогда не думал, что она пригодится.
What a silly old man.	Ах, какой я был старый глупец!
No thought there.	Не предвидел, не подумал!..
Stupid, stupid.	Глупо, непростительно глупо!
So I haven't another green bullet, the right kind, to put in your head.	И вот теперь, когда нужен аппарат, у меня его нет. Ну же!
Go now!"	Уходите!
"One last thing.	- Еще одна просьба.

Quick. A suitcase, get it, fill it with your dirtiest clothes, an old suit, the dirtier the better, a shirt, some old sneakers and socks . . . ."	Скорей дайте мне чемодан, положите в него какое-нибудь старое свое платье - старый костюм, чем заношенней, тем лучше, рубашку, старые башмаки, носки...
Faber was gone and back in a minute.	Фабер исчез, но через минуту вернулся.
They sealed the cardboard valise with clear tape.	Они заклеили щели картонного чемодана липкой лентой.
"To keep the ancient odour of Mr. Faber in, of course," said Faber sweating at the job.	- Чтобы не выветрился старый запах мистера Фабера,- промолвил Фабер, весь взмокнув от усилий.
Montag doused the exterior of the valise with whisky.	Взяв виски, Монтэг обрызгал им поверхность чемодана:

"I don't want that Hound picking up two odours at once.	- Совсем нам ни к чему, чтобы пес сразу учуял оба запаха.
May I take this whisky.	Можно, я возьму с собой остаток виски?
I'll need it later.	Оно мне еще пригодится.
Christ I hope this works!"	О, господи, надеюсь, наши старания не напрасны!..
They shook hands again and, going out of the door, they glanced at the TV.	Они опять пожали друг другу руки и, уже направляясь к двери, еще раз взглянули на телевизор.
The Hound was on its way, followed by hovering helicopter cameras, silently, silently, sniffing the great night wind.	Пес шел по следу медленно, крадучись, принюхиваясь к ночному ветру. Над ним кружились геликоптеры с телекамерами.

It was running down the first alley.	Пес вошел в первый переулок.
"Good-bye ! " And Montag was out the back door lightly, running with the half-empty valise.	- Прощайте! Монтэг бесшумно выскользнул из дома и побежал, сжимая в руке наполовину пустой чемодан.

Behind him he heard the lawn-sprinkling system jump up, filling the dark air with rain that fell gently and then with a steady pour all about, washing on the sidewalks, and draining into the alley.	Он слышал, как позади него заработали поливные установки, наполняя предрассветный воздух шумом падающего дождя, сначала тихим, а затем все более сильным и ровным. Вода лилась на дорожки сада и ручейками сбегала на улицу.
He carried a few drops of this rain with him on his face.	Несколько капель упало на лицо Монтэга.

He thought he heard the old man call good-bye, but he-wasn't certain.	Ему послышалось, что старик что-то крикнул ему на прощанье - или, может быть, ему только показалось?
He ran very fast away from the house, down toward the river.	Он быстро удалялся от дома, направляясь к реке.
Montag ran.	Монтэг бежал.
He could feel the Hound, like autumn, come cold and dry and swift, like a wind that didn't stir grass, that didn't jar windows or disturb leaf-shadows on the white sidewalks as it passed.	Он чувствовал приближение Механического пса - словно дыхание осени, холодное, легкое и сухое, словно слабый ветер, от которого даже не колышется трава, не хлопают ставни окон, не колеблется тень от ветвей на белых плитках тротуара.

The Hound did not touch the world.	Своим бегом Механический пес не нарушал неподвижности окружающего мира.
It carried its silence with it, so you could feel the silence building up a pressure behind you all across town.	Он нес с собой тишину, и Монтэг, быстро шагая по городу, все время ощущал гнет этой тишины. Наконец он стал невыносим.
Montag felt the pressure rising, and ran.	Монтэг бросился бежать. Он бежал к реке.

He stopped for breath, on his way to the river, to peer through dimly lit windows of wakened houses, and saw the silhouettes of people inside watching their parlour walls and there on the walls the Mechanical Hound, a breath of neon vapour, spidered along, here and gone, here and gone!	Останавливаясь временами, чтобы перевести дух, он заглядывал в слабо освещенные окна пробудившихся домов, видел силуэты людей, глядящих в своих гостиных на телевизорные стены, и на стенах, как облачко неонового пара, то появлялся, то исчезал Механический пес, мелькал то тут, то там, все дальше, дальше на своих мягких паучьих лапах.
Now at Elm Terrace, Lincoln, Oak, Park, and up the alley toward Faber's house.	Вот он на Элм-террас, на улице Линкольна, в Дубовой, в Парковой аллее, в переулке, ведущем к дому Фабера!

Go past, thought Montag, don't stop, go on, don't turn in!	"Беги, - говорил себе Монтэг, - не останавливайся, не мешкай!"
On the parlour wall, Faber's house, with its sprinkler system pulsing in the night air.	Экран показывал уже дом Фабера, поливные установки работали вовсю, разбрызгивая струи дождя в ночном воздухе.
The Hound paused, quivering.	Пес остановился, вздрагивая.
No!	Нет!
Montag held to the window sill.	Монтэг судорожно вцепился руками в подоконник.
This way!	Не туда!

Here!	Только не туда!

The procaine needle flicked out and in, out and in.	Прокаиновая игла высунулась и спряталась, снова высунулась и снова спряталась.
A single clear drop of the stuff of dreams fell from the needle as it vanished in the Hound's muzzle.	С ее кончика сорвалась и упала прозрачная капля 'дурмана, рождающего сны, от которых нет пробуждения. Игла исчезла в морде собаки.
Montag held his breath, like a doubled fist, in his chest.	Монтэгу стало трудно дышать, в груди теснило, словно туда засунули кулак.
The Mechanical Hound turned and plunged away from Faber's house down the alley again.	Механический пес повернул и бросился дальше по переулку, прочь от дома Фабера.

Montag snapped his gaze to the sky.	Монтэг оторвал взгляд от экрана и посмотрел на небо.
The helicopters were closer, a great blowing of insects to a single light source.	Геликоптеры были уже совсем близко - они все слетались к одной точке, как мошкара, летящая на свет
With an effort, Montag reminded himself again that this was no fictional episode to be watched on his run to the river; it was in actuality his own chess-game he was witnessing, move by move.	Монтэг с трудом заставил себя вспомнить, что это не какая-то вымышленная сценка, на которую он случайно загляделся по пути к реке, что это он сам наблюдает, как ход за ходом разыгрывается его собственная шахматная партия.

He shouted to give himself the necessary push away from this last house window, and the fascinating seance going on in there!	Он громко закричал, чтобы вывести себя из оцепенения, чтобы оторваться от окна последнего из домов по этой улице и от того, что он там видел.
Hell! and he was away and gone!	К черту! К черту! Это помогло. Он уже снова бежал.
The alley, a street, the alley, a street, and the smell of the river.	Переулок, улица, переулок, улица, все сильнее запах реки.
Leg out, leg down, leg out and down.	Правой, левой, правой, левой. Он бежал.

Twenty million Montags running, soon, if the cameras caught him. Twenty million Montags running, running like an ancient flickery Keystone Comedy, cops, robbers, chasers and the chased, hunters and hunted, he had seen it a thousand times.	Если телевизионные камеры поймают его в свои объективы, то через минуту зрители увидят на экранах двадцать миллионов бегущих Монтэгов - как в старинном водевиле с полицейскими и преступниками, преследуемыми и преследователями, который он видел тысячу раз.

Behind him now twenty million silently baying Hounds ricocheted across parlours, three-cushion shooting from right wall to centre wall to left wall, gone, right wall, centre wall, left wall, gone !	За ним гонятся сейчас двадцать миллионов без- молвных, как тень, псов, перескакивают в гости- ных с правой стены на среднюю, со средней на левую, чтобы исчезнуть, а затем снова появить- ся на правой, перейти на среднюю, на левую - и так без конца!
Montag jammed his Seashell to his ear.	Монтэг сунул в ухо "Ра- кушку":

"Police suggest entire population in the Elm Terrace area do as follows: Everyone in every house in every street open a front or rear door or look from the windows.	- Полиция предлагает населению Элм-террас -сделать следующее: пусть каждый, кто живет в любом доме на любой из улиц этого района, откроет дверь своего дома или выглянет в окно.
The fugitive cannot escape if everyone in the next minute looks from his house.	Это надо сделать всем одновременно. Беглецу не удастся скрыться, если все разом выглянут из своих домов.
Ready! " Of course!	Итак, приготовиться! Конечно!
Why hadn't they done it before!	Почему это раньше не пришло им в голову?
Why, in all the years, hadn't this game been tried!	Почему до сих пор этого никогда не делали?

Everyone up, everyone out!	Всем приготовиться, всем разом выглянуть наружу!
He couldn't be missed!	Беглец не сможет укрыться!
The only man running alone in the night city, the only man proving his legs!	Единственный человек, бегущий в эту минуту по улице, единственный, рискнувший вдруг проверить способность своих ног двигаться, бежать!
"At the count of ten now!	- Выглянуть по счету десять. Начинаем.
One!	Один!
Two!"	Два!
He felt the city rise.	Он почувствовал, как весь город встал.
Three .	- Три!

He felt the city turn to its thousands of doors.	Весь город повернулся к тысячам своих дверей.
Faster!	Быстрее!
Leg up, leg down !	Левой, правой!
"Four ! " The people sleepwalking in their hallways.	- Четыре! Все, как лунатики, двинулись к выходу.
"Five! " He felt their hands on the doorknobs!	- Пять! Их руки коснулись дверных ручек.
The smell of the river was cool and like a solid rain.	С реки тянуло прохладой, как после ливня.
His throat was burnt rust and his eyes were wept dry with running.	Горло у Монтэга пересохло, глаза воспалились от бега.

He yelled as if this yell would jet him on, fling him the last hundred yards.	Внезапно он закричал, словно этот крик мог подтолкнуть его вперед, помочь ему пробежать последние сто ярдов.
"Six, seven, eight ! " The doorknobs turned on five thousand doors.	- Шесть, семь, восемь! На тысячах дверей повернулись дверные ручки.
"Nine!"	- Девять!
He ran out away from the last row of houses, on a slope leading down to a solid moving blackness.	Он пробежал мимо последнего ряда домов. Потом вниз по склону, к темной движущейся массе воды.
"Ten!"	- Десять!
The doors opened.	Двери распахнулись.

He imagined thousands on thousands of faces peering into yards, into alleys, and into the sky, faces hid by curtains, pale, night-frightened faces, like grey animals peering from electric caves, faces with grey colourless eyes, grey tongues and grey thoughts looking out through the numb flesh of the face.	Он представил себе тысячи и тысячи лиц, вглядывающихся в темноту улиц, дворов и ночного неба, бледные, испуганные, они прячутся за занавесками, как серые зверьки, выглядывают они из своих электрических нор, лица с серыми бесцветными глазами, серыми губами, серые мысли в окоченелой плоти.
But he was at the river.	Но Монтэг был уже у реки.
He touched it, just to be sure it was real.	Он окунул руки в воду, чтобы убедиться в том, что она не привиделась ему.

He waded in and stripped in darkness to the skin, splashed his body, arms, legs, and head with raw liquor; drank it and snuffed some up his nose.	Он вошел в воду, разделся в темноте догола, ополоснул водой тело, окунул руки и голову в пьянящую, как вино, прохладу, он пил ее, он дышал ею.
Then he dressed in Faber's old clothes and shoes. He tossed his own clothing into the river and watched it swept away.	Переодевшись в старое платье и башмаки Фабера, он бросил свою одежду в реку и смотрел, как вода уносит ее.
Then, holding the suitcase, he walked out in the river until there was no bottom and he was swept away in the dark.	А потом, держа чемодан в руке, он побрел по воде прочь от берега и брел до тех пор, пока дно не ушло у него из-под ног, течение подхватило его и понесло в темноту.

He was three hundred yards downstream when the Hound reached the river.	Он уже успел проплыть ярдов триста по течению, когда пес достиг реки.
Overhead the great racketing fans of the helicopters hovered.	Над рекой гудели огромные пропеллеры геликоптеров.
A storm of light fell upon the river and Montag dived under the great illumination as if the sun had broken the clouds.	Потоки света обрушились на реку, и Монтэг нырнул, спасаясь от этой иллюминации, похожей на внезапно прорвавшееся сквозь тучи солнце.
He felt the river pull him further on its way, into darkness.	Он чувствовал, как река мягко увлекает его все дальше в темноту.

Then the lights switched back to the land, the helicopters swerved over the city again, as if they had picked up another trail.	Вдруг лучи прожекторов переметнулись на берег, геликоптеры повернули к городу, словно напали на новый след.
They were gone.	Еще мгновение, и они исчезли совсем.
The Hound was gone.	Исчез и пес.
Now there was only the cold river and Montag floating in a sudden peacefulness, away from the city and the lights and the chase, away from everything.	Остались лишь холодная река и Монтэг, плывущий по ней в неожиданно наступившей тишине, все дальше от города и его огней, все дальше от погони, от всего.

He felt as if he had left a stage behind and many actors. He felt as if he had left the great seance and all the murmuring ghosts.	Ему казалось, будто он только что сошел с театральных подмостков, где шумела толпа актеров, или покинул грандиозный спиритический сеанс с участием сонма лепечущих привидений.
He was moving from an unreality that was frightening into a reality that was unreal because it was new.	Из нереального, страшного мира он попал в мир реальный, но не мог еще вполне ощутить его реальность, ибо этот мир был слишком нов для него.

The black land slid by and he was going into the country among the hills: For the first time in a dozen years the stars were coming out above him, in great processions of wheeling fire.	Темные берега скользили мимо, река несла его теперь среди холмов. Впервые за много лет он видел над собой звезды, бесконечное шествие совершающих свой предначертанный круг светил.
He saw a great juggernaut of stars form in the sky and threaten to roll over and crush him.	Огромная звездная колесница катилась по небу, грозя раздавить его.

He floated on his back when the valise filled and sank; the river was mild and leisurely, going away from the people who ate shadows for breakfast and steam for lunch and vapours for supper.	Когда чемодан наполнился водой и затонул, Монтэг перевернулся на спину. Река лениво катила свои волны, уходя все дальше и дальше от людей, которые питались тенями на завтрак, дымом на обед и туманом на ужин.
The river was very real; it held him comfortably and gave him the time at last, the leisure, to consider this month, this year, and a lifetime of years.	Река была по-настоящему реальна, она бережно держала Монтэга в своих объятиях, она не торопила его, она давала время обдумать все, что произошло с ним за этот месяц, за этот год, за всю жизнь.
He listened to his heart slow.	Он прислушался к ударам своего сердца: оно билось спокойно и ровно.

His thoughts stopped rushing with his blood.	И мысли уже не мчались в бешеном круговороте, они текли так же спокойно и ровно, как и поток крови в его жилах.
He saw the moon low in the sky now.	Луна низко висела в небе.
The moon there, and the light of the moon caused by what?	Луна и лунный свет. Откуда он?
By the sun, of course.	Ну понятно, от солнца.
And what lights the sun?	А солнце откуда берет свой свет?
Its own fire.	Ниоткуда, оно горит собственным огнем.
And the sun goes on, day after day, burning and burning.	Горит и горит изо дня в день, все время.

The sun and time.	Солнце и время.
The sun and time and burning.	Солнце, время, огонь.
Burning.	Огонь сжигающий.
The river bobbled him along gently.	Река мягко качала Монтэга на своих волнах.
Burning.	Огонь сжигающий.
The sun and every clock on the earth.	На небе солнце, на земле часы, отмеряющие время.
It all came together and became a single thing in his mind.	Все это вдруг слилось в сознании Монтэга и стало единством.
After a long time of floating on the land and a short time of floating in the river he knew why he must never burn again in his life.	И после многих лет, прожитых на земле, и немногих минут, проведенных на этой реке, он понял наконец, почему никогда больше он не должен жечь.

The sun burned every day.	Солнце горит каждый день.

It burned Time.	Оно сжигает Время.
The world rushed in a circle and turned on its axis and time was busy burning the years and the people anyway, without any help from him.	Вселенная несется по кругу и вертится вокруг своей оси. Время сжигает годы и людей, сжигает само, без помощи Монтэга.
So if he burnt things with the firemen, and the sun burnt Time, that meant.that everything burned!	А если он, Монтэг, вместе с другими пожарниками будет сжигать то, что создано людьми, а солнце будет сжигать Время, то не останется ничего. Все сгорит.
One of them had to stop burning.	Кто-то должен остановиться.

The sun wouldn't, certainly.	Солнце не остановится.
So it looked as if it had to be Montag and the people he had worked with until a few short hours ago.	Значит, похоже, что остановиться должен он, Монтэг, и те, с кем он работал бок о бок всего лишь несколько часов тому назад.
Somewhere the saving and putting away had to begin again and someone had to do the saving and keeping, one way or another, in books, in records, in people's heads, any way at all so long as it was safe, free from moths, silver-fish, rust and dry-rot, and men with matches.	Где-то вновь должен начаться процесс сбережения ценностей, кто-то должен снова собрать и сберечь то, что создано человеком, сберечь это в книгах, в граммофонных пластинках, в головах людей, уберечь любой ценой от моли, плесени, ржавчины, тлена и людей со спичками.

The world was full of burning of all types and sizes.	Мир полон пожаров, больших и малых.
Now the guild of the asbestos-weaver must open shop very soon.	Люди скоро будут свидетелями рождения новой профессии - профессии людей, изготовляющих огнеупорную одежду для человечества.
He felt his heel bump land, touch pebbles and rocks, scrape sand.	Он почувствовал, что ноги его коснулись твердого грунта, подошвы ботинок заскрипели о гальку и песок.
The river had moved him toward shore.	Река прибила его к берегу.

He looked in at the great black creature without eyes or light, without shape, with only a size that went a thousand miles without wanting to stop, with its grass hills and forests that were waiting for him.	Он огляделся. Перед ним была темная равнина, как огромное существо, безглазое и безликое, без формы и очертаний, обладавшее только протяженностью, раскинувшееся на тысячи миль и еще дальше, без предела, зеленые холмы и леса ожидали к себе Монтэга.
He hesitated to leave the comforting flow of the water.	Ему не хотелось покидать покойные воды реки.
He expected the Hound there. Suddenly the trees might blow under a great wind of helicopters.	Он боялся, что где-нибудь там его снова встретит Механический пес, что вершины деревьев вдруг застонут и зашумят от ветра, поднятого пропеллерами геликоптеров.

But there was only the normal autumn wind high up, going by like another river.	Но по равнине пробегал лишь обычный осенний ветер, такой же тихий и спокойный, как текущая рядом река.
Why wasn't the Hound running?	Почему пес больше не преследует его?
Why had the search veered inland?	Почему погоня повернула обратно, в город?

Montag listened.	Монтэг прислушался.
Nothing.	Тишина.
Nothing.	Никого. Ничего.
Millie, he thought.	"Милли, - подумал он.
All this country here.	- Посмотри вокруг.
Listen to it!	Прислушайся!

Nothing and nothing.	Ни единого звука.
So much silence, Millie, I wonder how you'd take it?	Тишина. До чего же тихо, Милли! Не знаю, как бы ты к этому отнеслась.
Would you shout Shut up, shut up!	Пожалуй, стала бы кричать: "Замолчи! Замолчи!".
Millie, Millie.	Милли, Милли".
And he was sad.	Ему стало грустно.
Millie was not here and the Hound was not here, but the dry smell of hay blowing from some distant field put Montag on the land.	Милли не было, не было и Механического пса. Аромат сухого сена, донесшийся с далеких полей, воскресил вдруг в памяти Монтэга давно забытую картину.

He remembered a farm he had visited when he was very young, one of the rare times he had discovered that somewhere behind the seven veils of unreality, beyond the walls of parlours and beyond the tin moat of the city, cows chewed grass and pigs sat in warm ponds at noon and dogs barked after white sheep on a hill.	Однажды еще совсем ребенком он побывал на ферме. То был редкий день в его жизни, счастливый день, когда ему довелось своими глазами увидеть, что за семью завесами нереальности, за телевизорными стенами гостиных и жестяным валом города есть еще другой мир, где коровы пасутся на зеленом лугу, свиньи барахтаются в полдень в теплом иле пруда, а собаки с лаем носятся по холмам за белыми овечками.

Now, the dry smell of hay, the motion of the waters, made him think of sleeping in fresh hay in a lonely barn away from the loud highways, behind a quiet farmhouse, and under an ancient windmill that whirred like the sound of the passing years overhead.	Теперь запах сухого сена и плеск воды напоминали ему, как хорошо было спать на свежем сене в пустом сарае позади одинокой фермы, в стороне от шумных до рог, под сенью старинной ветряной мельницы, крылья которой тихо поскрипывали над головой, словно отсчитывая пролетающие годы.
He lay in the high barn loft all night, listening to distant animals and insects and trees, the little motions and stirrings.	Лежать бы опять, как тот да, всю ночь на сеновале, прислушиваясь к шороху зверь ков и насекомых, к шелесту листьев, к тончайшим, еле слышным ночным звукам.

During the night, he thought, below the loft, he would hear a sound like feet moving, perhaps.	Поздно вечером, думал он, ему, быть может, послышатся шаги.
He would tense and sit up.	Он приподнимется и сядет.
The sound would move away, He would lie back and look out of the loft window, very late in the night, and see the lights go out in the farmhouse itself, until a very young and beautiful woman would sit in an unlit window, braiding her hair.	Шаги затихнут. Он снова ляжет и станет глядеть в окошко сено вала. И увидит, как один за другим погаснут огни В домике фермера и девушка, юная и прекрасная, сядет у темного окна и станет расчесывать косу.

It would be hard to see her, but her face would be like the face of the girl so long ago in his past now, so very long ago, the girl who had known the weather and never been burned by the fire-flies, the girl who had known what dandelions meant rubbed off on your chin.	Ее трудно будет разглядеть, но ее лицо напомнит ему лицо той девушки, которую он знал когда-то в далеком и теперь уже безвозвратно ушедшем прошлом, лицо девушки умевшей радоваться дождю, неуязвимой для огненных светляков, знавшей, о чем говорит одуванчик, если им потереть под подбородком.
Then, she would be gone from the warm window and appear again upstairs in her moon-whitened room.	Девушка отойдет от окна, потом опять появится наверху, в своей залитой лунным светом комнатке.

And then, to the sound of death, the sound of the jets cutting the sky into two black pieces beyond the horizon, he would lie in the loft, hidden and safe, watching those strange new stars over the rim of the earth, fleeing from the soft colour of dawn.	И, внимая голосу смерти под рев реактивных самолетов, раздирающих небе надвое до самого горизонта, он, Монтэг, будет лежать в своем надежном убежище на сеновале и смотреть как удивительные незнакомые ему звезды тихо ухо дят за край неба, отступая перед нежным светом зари.
In the morning he would not have needed sleep, for all the warm odours and sights of a complete country night would have rested and slept him while his eyes were wide and his mouth, when he thought to test it, was half a smile.	Утром он не почувствует усталости, хотя всю ночь он не сомкнет глаз и всю ночь на губах его будет играть улыбка, теплый запах сена и все увиденное и услышанное в ночной тиши послужит для него самым луч шим отдыхом.

And there at the bottom of the hayloft stair, waiting for him, would be the incredible thing.	А внизу, у лестницы, его будет ожидать еще одна, совсем уже невероятная радость.
He would step carefully down, in the pink light of early morning, so fully aware of the world that he would be afraid, and stand over the small miracle and at last bend to touch it.	Он осторожно спустится с сеновала, освещенный розовым светом раннего утра, полный до краев ощущением прелести земного существования, и вдруг замрет на месте, увидев это маленькое чудо. Потом наклонится и коснется его рукой.
A cool glass of fresh milk, and a few apples and pears laid at the foot of the steps.	У подножья лестницы он увидит стакан с холодным свежим молоком, несколько яблок и груш.

This was all he wanted now. Some sign that the immense world would accept him and give him the long time needed to think all the things that must be thought.	Это все, что ему теперь нужно- Доказательство того что огромный мир готов принять его и дать ему время подумать над всем, над чем он должен подумать
A glass of milk, an apple, a pear. He stepped from the river.	Стакан молока, яблоко, груша Он вышел из воды.
The land rushed at him, a tidal wave.	Берег ринулся на него, как огромная волна прибоя.
He was crushed by darkness and the look of the country and the million odours on a wind that iced his body.	Темнота, и эта незнакомая ему местность, и миллионы неведомых запахов, несомых прохладным, леденящим мокрое тело ветром,-все это разом навалилось на Монтэга.

He fell back under the breaking curve of darkness and sound and smell, his ears roaring. He whirled.	Он отпрянул назад от этой темноты, запахов, звуков. В ушах шумело, голова кружилась.
The stars poured over his sight like flaming meteors.	Звезды летели ему навстречу, как огненные метеоры.

He wanted to plunge in the river again and let it idle him safely on down somewhere.	Ему захотелось снова броситься в реку, и пусть волны несут его все равно куда.

This dark land rising was like that day in his childhood, swimming, when from nowhere the largest wave in the history of remembering slammed him down in salt mud and green darkness, water burning mouth and nose, retching his stomach, screaming!	Темная громада берега напомнила ему тот случай из его детских лет, когда, купаясь, он был сбит с ног огромной волной (самой большой, какую он когда-либо видел!), она оглушила его и швырнула в зеленую темноту, наполнила рот, нос, желудок солено-жгучей водой.
Too much water!	Слишком много воды!
Too much land!	А тут было слишком много земли.
Out of the black wall before him, a whisper. A shape. In the shape, two eyes.	И внезапно во тьме, стеною вставшей перед ним,-шорох, чья-то тень, два глаза.

The night looking at him.	Словно сама ночь вдруг глянула на него.
The forest, seeing him.	Словно лес глядел на него.
The Hound!	Механический пес!
After all the running and rushing and sweating it out and half-drowning, to come this far, work this hard, and think yourself safe and sigh with relief and come out on the land at last only to find . . .	Столько пробежать, так измучиться, чуть не утонуть, забраться так далеко, столько перенести, и, когда уже считаешь себя в безопасности и со вздохом облегчения выходишь наконец на берег, вдруг перед тобой...
The Hound!	Механический пес!

Montag gave one last agonized shout as if this were too much for any man.	Из горла Монтэга вырвался крик. Нет, это слишком! Слишком много для одного человека.
The shape exploded away.	Тень метнулась в сторону.
The eyes vanished.	Глаза исчезли.
The leafpiles flew up in a dry shower.	Как сухой дождь, посыпались осенние листья.
Montag was alone in the wilderness.	Монтэг был один в лесу.
A deer.	Олень.

He smelled the heavy musk-like perfume mingled with blood and the gummed exhalation of the animal's breath, all cardamon and moss and ragweed odour in this huge night where the trees ran at him, pulled away, ran, pulled away, to the pulse of the heart behind his eyes.	Это был олень. Монтэг ощутил острый запах мускуса, смешанный с запахом крови и дыхания зверя, запах кардамона, мха и крестовника, в глухой ночи деревья стеной бежали на него и снова отступали назад, бежали и отступали в такт биению крови, стучащей в висках. Земля была устлана опавшими листьями.
There must have been a billion leaves on the land; he waded in them, a dry river smelling of hot cloves and warm dust.	Их тут, наверно, были миллиарды, ноги Монтэга погружались в них, словно он переходил вброд сухую шуршащую реку, пахнущую гвоздикой и теплой пылью.

And the other smells!	Сколько разных запахов!
There was a smell like a cut potato from all the land, raw and cold and white from having the moon on it most of the night.	Вот как будто запах сырого картофеля, так пахнет, когда разрежешь большую картофелину, белую, холодную, пролежавшую всю ночь на открытом воздухе в лунном свете.

There was a smell like pickles from a bottle and a smell like parsley on the table at home. There was a faint yellow odour like mustard from a jar. There was a smell like carnations from the yard next door.	А вот запах пикулей, вот запах сельдерея, лежащего на кухонном столе, слабый запах желтой горчицы из приоткрытой баночки, запах махровых гвоздик из соседнего сада.

He put down his hand and felt a weed rise up like a child brushing him.	Монтэг опустил руку, и травяной стебелек коснулся его ладони, как будто ребенок тихонько взял его за руку.
His fingers smelled of liquorice.	Монтэг поднес пальцы к лицу: они пахли лакрицей.
He stood breathing, and the more he breathed the land in, the more he was filled up with all the details of the land.	Он остановился, глубоко вдыхая запахи земли. И чем глубже он вдыхал их, тем осязаемее становился для него окружающий мир во всем своем разнообразии.
He was not empty. There was more than enough here to fill him.	У Монтэга уже не было прежнего ощущения пустоты - тут было чем наполнить себя.
There would always be more than enough.	И отныне так будет всегда.

He walked in the shallow tide of leaves, stumbling.	Он брел, спотыкаясь, по сухим листьям.
And in the middle of the strangeness, a familiarity.	И вдруг в этом новом мире необычного - нечто знакомое.
His foot hit something that rang dully.	Его нога задела что-то, отозвавшееся глухим звоном.
He moved his hand on the ground, a yard this way, a yard that.	Он пошарил рукой в траве - в одну сторону, в другую.
The railroad track.	Железнодорожные рельсы.

The track that came out of the city and rusted across the land, through forests and woods, deserted now, by the river.	Рельсы, ведущие прочь от города, сквозь рощи и леса, ржавые рельсы заброшенного железнодорожного пути.
Here was the path to wherever he was going.	Путь, по которому ему надо идти.

Here was the single familiar thing, the magic charm he might need a little while, to touch, to feel beneath his feet, as he moved on into the bramble bushes and the lakes of smelling and feeling and touching, among the whispers and the blowing down of leaves.	Это было то единственно знакомое среди новизны, тот магический талисман, который еще понадобится ему на первых порах, которого он сможет коснуться рукой, чувствовать все время под ногами, пока будет идти через заросли куманики, через море запахов и ощущений, сквозь шорох и шепот леса.
He walked on the track.	Он двинулся вперед по шпалам.

And he was surprised to learn how certain he suddenly was of a single fact he could not prove. Once, long ago, Clarisse had walked here, where he was walking now.	И, к удивлению своему, он вдруг почувствовал, что твердо знает нечто, чего, однако, никак не смог бы доказать: когда-то давно Кларисса тоже проходила здесь.
Half an hour later, cold, and moving carefully on the tracks, fully aware of his entire body, his face, his mouth, his eyes stuffed with blackness, his ears stuffed with sound, his legs prickled with burrs and nettles, he saw the fire ahead.	Полчаса спустя, продрогший, осторожно ступая по шпалам, остро ощущая, как темнота впитывается в его тело, заползает в глаза, в рот, а в ушах стоит гул лесных звуков и ноги исколоты о кустарник и обожжены крапивой, он вдруг увидел впереди огонь.

The fire was gone, then back again, like a winking eye.	Огонь блеснул на секунду, исчез, снова появился -он мигал вдали словно чей-то глаз.
He stopped, afraid he might blow the fire out with a single breath.	Монтэг замер на месте, казалось, стоит дохнуть на этот слабый огонек, и он погаснет.
But the fire was there and he approached warily, from a long way off.	Но огонек горел, и Монтэг начал подкрадываться к нему.
It took the better part of fifteen minutes before he drew very close indeed to it, and then he stood looking at it from cover.	Прошло добрых пятнадцать минут, прежде чем ему удалось подойти поближе, он остановился и, укрывшись за деревом, стал глядеть на огонь.

That small motion, the white and red colour, a strange fire because it meant a different thing to him.	Тихо колеблющееся пламя, белое и алое, странным показался Монтэгу этот огонь, ибо он теперь означал для него совсем не то, что раньше.
It was not burning; it was warming!	Этот огонь ничего не сжигал - он согревал.
He saw many hands held to its warmth, hands without arms, hidden in darkness.	Монтэг видел руки, протянутые к его теплу, только руки - тела сидевших вокруг костра были скрыты темнотой.
Above the hands, motionless faces that were only moved and tossed and flickered with firelight.	Над руками - неподвижные лица, оживленные отблесками пламени.
He hadn't known fire could look this way.	Он и не знал, что огонь может быть таким.

He had never thought in his life that it could give as well as take.	Он даже не подозревал, что огонь может не только отнимать, но и давать.
Even its smell was different.	Даже запах этого огня был совсем другой.
How long he stood he did not know, but there was a foolish and yet delicious sense of knowing himself as an animal come from the forest, drawn by the fire.	Бог весть, сколько он так простоял, отдаваясь нелепой, но приятной фантазии, будто он лесной зверь, которого свет костра выманил из чащи.

He was a thing of brush and liquid eye, of fur and muzzle and hoof, he was a thing of horn and blood that would smell like autumn if you bled it out on the ground.	У него были влажные в густых ресницах глаза, гладкая шерсть, шершавый мокрый нос, копыта, у него были ветвистые рога, и если бы кровь его пролилась на землю, запахло бы осенью.
He stood a long long time, listening to the warm crackle of the flames.	Он долго стоял, прислушиваясь к теплому потрескиванию костра.

There was a silence gathered all about that fire and the silence was in the men's faces, and time was there, time enough to sit by this rusting track under the trees, and look at the world and turn it over with the eyes, as if it were held to the centre of the bonfire, a piece of steel these men were all shaping.	Вокруг костра была тишина, и тишина была на лицах людей, и было время посидеть под деревьями вблизи заброшенной колеи и поглядеть на мир со стороны, обнять его взглядом, словно мир весь сосредоточился здесь, у этого костра, словно мир - это лежащий на углях кусок стали, который эти люди должны были перековать заново.
It was not only the fire that was different.	И не только огонь казался иным.
It was the silence.	Тишина тоже была иной.

Montag moved toward this special silence that was concerned with all of the world.	Монтэг подвинулся ближе к этой особой тишине, от которой, казалось, зависели судьбы мира.

And then the voices began and they were talking, and he could hear nothing of what the voices said, but the sound rose and fell quietly and the voices were turning the world over and looking at it; the voices knew the land and the trees and the city which lay down the track by the river.	А затем он услышал голоса, люди говорили, но он не мог еще разобрать, о чем. Речь их текла спокойно, то громче, то тише,- перед говорившими был весь мир, и они не спеша разглядывали его, они знали землю, знали леса, знали город, лежащий за рекой, в конце заброшенной железнодорожной колеи.

The voices talked of everything, there was nothing they could not talk about, he knew from the very cadence and motion and continual stir of curiosity and wonder in them.	Они говорили обо всем, и не было вещи, о которой они не могли бы говорить. Монтэг чувствовал это по живым интонациям их голосов, по звучавшим в них ноткам изумления и любопытства.
And then one of the men looked up and saw him, for the first or perhaps the seventh time, and a voice called to Montag:	А потом кто-то из говоривших поднял глаза и увидел Монтэга, увидел в первый, а может быть, и в седьмой раз, и чей-то голос окликнул его:
"All right, you can come out now ! " Montag stepped back into the shadows.	- Ладно, можете не прятаться. Монтэг отступил в темноту.

"It's all right," the voice said.	- Да уж ладно, не бойтесь,- снова прозвучал тот же голос.
"You're welcome here."	- Милости просим к нам.
Montag walked slowly toward the fire and the five old men sitting there dressed in dark blue denim pants and jackets and dark blue suits.	Монтэг медленно подошел. Вокруг костра сидели пятеро стариков, одетых в темно-синие из грубой холщовой ткани брюки и куртки и такие же темно-синие рубашки.
He did not know what to say to them.	Он не знал, что им ответить.
"Sit down," said the man who seemed to be the leader of the small group.	- Садитесь, - сказал человек, который, по всей видимости, был у них главным.

"Have some coffee?"	- Хотите кофе?
He watched the dark steaming mixture pour into a collapsible tin cup, which was handed him straight off.	Монтэг молча смотрел, как темная дымящаяся струйка льется в складную жестяную кружку, потом кто-то протянул ему эту кружку.
He sipped it gingerly and felt them looking at him with curiosity.	Он неловко отхлебнул, чувствуя на себе любопытные взгляды.
His lips were scalded, but that was good.	Горячий кофе обжигал губы. но это было приятно.

The faces around him were bearded, but the beards were clean, neat, and their hands were clean.	Лица сидевших вокруг него заросли густыми бородами, но бороды были опрятны и аккуратно подстрижены.
They had stood up as if to welcome a guest, and now they sat down again.	И руки у этих людей тоже были чисты и опрятны. Когда он подходил к костру, они все поднялись, приветствуя гостя, но теперь снова уселись.
Montag sipped.	Монтэг пил кофе.
"Thanks," he said. "Thanks very much."	- Благодарю,- сказал он.- Благодарю вас от всей души.
"You're welcome, Montag.	- Добро пожаловать, Монтэг.

My name's Granger."	Меня зовут Грэнджер.

He held out a small bottle of colourless fluid.	- Человек, назвавшийся Грэнджером, протянул ему небольшой флакон с бесцветной жидкостью.
"Drink this, too.	- Выпейте-ка и это тоже.
It'll change the chemical index of your perspiration.	Это изменит химический индекс вашего пота.
Half an hour from now you'll smell like two other people.	Через полчаса вы уже будете пахнуть не как вы, а как двое совсем других людей.
With the Hound after you, the best thing is Bottoms up."	Раз за вами гонится Механический пес, то не мешает вам опорожнить эту бутылочку до конца.
Montag drank the bitter fluid.	Монтэг выпил горьковатую жидкость.

"You'll stink like a bobcat, but that's all right," said Granger.	- От вас будет разить, как от козла, но это не важно,- сказал Грэнджер.
"You know my name;" said Montag.	- Вы знаете мое имя? - удивленно спросил Монтэг.
Granger nodded to a portable battery TV set by the fire.	Г рэнджер кивком головы указал на портативный телевизор, стоявший у костра:
"We've watched the chase.	- Мы следили за погоней.
Figured you'd wind up south along the river. When we heard you plunging around out in the forest like a drunken elk, we didn't hide as we usually do.	Мы так и думали, что вы спуститесь по реке на юг, и когда потом услышали, как вы ломитесь сквозь чащу, словно шалый лось, мы не спрятались, как обычно делаем.

We figured you were in the river, when the helicopter cameras swung back in over the city.	Когда геликоптеры вдруг повернули обратно к городу, мы догадались, что вы нырнули в реку.
Something funny there.	А в городе происходит что-то странное.
The chase is still running.	Погоня продолжается, но в другом направлении.
The other way, though."	- В другом направлении?
"The other way?"	- Давайте проверим.
"Let's have a look."	Грэнджер включил портативный телевизор.

Granger snapped the portable viewer on. The picture was a nightmare, condensed, easily passed from hand to hand, in the forest, all whirring colour and flight.	На экрančике замелькали краски, с жужжанием заметались тени, словно в этом маленьком ящичке был заперт какой-то кошмарный сон, и странно было, что здесь, в лесу, можно взять его в руки, передать другому.
A voice cried:	Голос диктора кричал:
"The chase continues north in the city!	- Погоня продолжается в северной части города!
Police helicopters are converging on Avenue 87 and Elm Grove Park!"	Полицейские геликоптеры сосредоточиваются в районе Восемьдесят седьмой улицы и Элм Гроув парка!
Granger nodded.	Грэнджер кивнул:

"They're faking.	- Ну да, теперь они просто инсценируют погоню.

You threw them off at the river.	Вам удалось сбить их со следа еще у реки.
They can't admit it.	Но признаться в этом они не могут.
They know they can hold their audience only so long.	Они знают, что нельзя слишком долго держать зрителей в напряжении.
The show's got to have a snap ending, quick!	Скорее к развязке!
If they started searching the whole damn river it might take all night.	Если обыскивать реку, то и до утра не кончишь.

So they're sniffing for a scape-goat to end things with a bang.	Поэтому они ищут жертву, чтобы с помпой завершить всю эту комедию.
Watch.	Смотрите!
They'll catch Montag in the next five minutes! "	Не пройдет и пяти минут, как они поймают Монтэга!
"But how--"	- Но как?..
"Watch."	- Вот увидите.
The camera, hovering in the belly of a helicopter, now swung down at an empty street.	Глаз телекамеры, скрытый в брюхе геликоптера, был теперь наведен на пустынную улицу.

"See that?" whispered Granger. "It'll be you; right up at the end of that street is our victim.	- Видите? - прошептал Грэнджер.- Сейчас появитесь вы. Вон там, в конце улицы. Намеченная жертва.
See how our camera is coming in?	Смотрите, как ведет съемку камера!
Building the scene.	Сначала эффектно подается улица.
Suspense.	Тревожное ожидание.
Long shot.	Улица в перспективе.
Right now, some poor fellow is out for a walk.	Вот сейчас какой-нибудь бедняга выйдет на прогулку.
A rarity. An odd one.	Какой-нибудь чудак, оригинал.

Don't think the police don't know the habits of queer ducks like that, men who walk mornings for the hell of it, or for reasons of insomnia Anyway, the police have had him charted for months, years.	Не думайте, что полиция не знает привычек таких чудаков, которые любят гулять на рассвете, просто так, без всяких причин, или потому, что страдают бессонницей. Полиция следит за ними месяцы, годы.
Never know when that sort of information might be handy.	Никогда не знаешь, когда и как это может пригодиться.
And today, it turns out, it's very usable indeed.	А сегодня, оказывается, это очень кстати.
It saves face.	Сегодня это просто спасает положение.
Oh, God, look there!"	О господи! Смотрите!

The men at the fire bent forward.	Люди, сидящие у костра, подались вперед.
On the screen, a man turned a corner.	На экране в конце улицы из-за угла появился человек.
The Mechanical Hound rushed forward into the viewer, suddenly.	Внезапно в объектив ворвался Механический пес.

The helicopter light shot down a dozen brilliant pillars that built a cage all about the man.	Геликоптеры направили на улицу десятки прожекторов и заключили фигурку человека в клетку из белых сверкающих столбов света.
A voice cried,	Голос диктора торжествующе возвестил:
"There's Montag !	- Это Монтэг!
The search is done!"	Погоня закончена!

The innocent man stood bewildered, a cigarette burning in his hand.	Ни в чем не повинный прохожий стоял в недоумении, держа в руке дымящуюся сигарету.
He stared at the Hound, not knowing what it was.	Он смотрел на пса, не понимая, что это такое.
He probably never knew.	Вероятно, он так и не понял до самого конца.
He glanced up at the sky and the wailing sirens.	Он взглянул на небо, прислушался к вою сирен.
The cameras rushed down.	Теперь телекамеры вели съемку снизу.
The Hound leapt up into the air with a rhythm and a sense of timing that was incredibly beautiful.	Пес сделал прыжок - ритм и точность его движений были поистине великолепны.

Its needle shot out.	Сверкнула игла.
It was suspended for a moment in their gaze, as if to give the vast audience time to appreciate everything, the raw look of the victim's face, the empty street, the steel animal a bullet nosing the target.	На мгновенье все замерло на экране, чтобы зрители могли лучше разглядеть всю картину -недоумевающий вид жертвы, пустую улицу, стальное чудовище в прыжке - эту гигантскую пулю, стремящуюся к мишени.
"Montag, don't move!" said a voice from the sky.	- Монтэг, не двигайтесь! - произнес голос с неба.
The camera fell upon the victim, even as did the Hound.	В тот же миг пес и объектив телекамеры обрушились на человека сверху.

Both reached him simultaneously. The victim was seized by Hound and camera in a great spidering, clenching grip.	И камера и пес схватили его одновременно.
He screamed.	Он закричал.
He screamed. He screamed!	Человек кричал, кричал, кричал!..
Blackout.	Наплыв.
Silence.	Тишина.
Darkness.	Темнота.
Montag cried out in the silence and turned away.	Монтэг вскрикнул и отвернулся.
Silence.	Тишина.

And then, after a time of the men sitting around the fire, their faces expressionless, an announcer on the dark screen said,	Люди у костра сидели молча, с застывшими лицами, пока с темного экрана не прозвучал голос диктора:
"The search is over, Montag is dead; a crime against society has been avenged."	- Поиски окончены. Монтэг мертв. Преступление, совершенное против общества, наказано.
Darkness.	Темнота.

"We now take you to the Sky Room of the Hotel Lux for a half-hour of Just-BeforeDawn, a programme of-" Granger turned it off.	- Теперь мы переносим вас в "Зал под крышей" отеля Люкс. Получасовая передача "Перед рассветом". В нашей программе... Грэнджер выключил телевизор.
"They didn't show the man's face in focus.	- А вы заметили, как они дали его лицо?

Did you notice?	Все время не в фокусе.
Even your best friends couldn't tell if it was you.	Даже ваши близкие друзья не смогли бы с уверенностью сказать, вы это были или не вы.
They scrambled it just enough to let the imagination take over.	Дан намек - воображение зрителя дополнит остальное.
Hell," he whispered.	О, черт,- прошептал он.
"Hell." Montag said nothing but now, looking back, sat with his eyes fixed to the blank screen, trembling.	Монтэг молчал, повернувшись к телевизору, весь Дрожа, он не отрывал взгляда от пустого экрана.
Granger touched Montag's arm.	Грэнджер легонько коснулся его плеча.

"Welcome back from the dead."	- Приветствуем воскресшего из мертвых.
Montag nodded.	Монтэг кивнул.
Granger went on. "You might as well know all of us, now. This is Fred Clement, former occupant of the Thomas Hardy chair at Cambridge in the years before it became an Atomic Engineering School.	- Теперь вам не мешает познакомиться с нами,-продолжал Грэнджер.- Это Фред Клемент, некогда возглавлявший кафедру имени Томаса Харди в Кембриджском университете, это было в те годы, когда Кембридж еще не превратился в Атомно-инженерное училище.

This other is Dr. Simmons from U.C.L.A., a specialist in Ortega y Gasset; Professor West here did quite a bit for ethics, an ancient study now, for Columbia University quite some years ago.	А это доктор Симмонс из Калифорнийского университета, знаток творчества Ортега-и-Гассет, вот профессор Уэст, много лет тому назад в стенах Колумбийского университета сделавший немалый вклад в науку об этике, теперь уже древнюю и забытую науку.
Reverend Padover here gave a few lectures thirty years ago and lost his flock between one Sunday and the next for his views.	Преподобный отец Падовер тридцать лет тому назад произнес несколько проповедей и в течение одной недели потерял своих прихожан из-за своего образа мыслей.
He's been bumming with us some time now.	Он уже давно бродяжничает с нами.

Myself: I wrote a book called The Fingers in the Glove; the Proper Relationship between the Individual and Society, and here I am!	Что касается меня, то я написал книгу под названием: "Пальцы одной руки. Правильные отношения между личностью и обществом". И вот теперь я здесь.
Welcome, Montag! "	Добро пожаловать к нам, Монтэг!
	— Ортега-и-Гассет - видный испанский писатель и философ XX века.
	—
"I don't belong with you," said Montag, at last, slowly.	- Нет, мне не место среди вас, - с трудом выговорил наконец Монтэг.

"I've been an idiot all the way."	- Всю жизнь я делал только глупости.

"We're used to that.	- Ну, это для нас не ново.
We all made the right kind of mistakes, or we wouldn't be here.	Мы все совершали ошибки, иначе мы не были бы здесь.
When we were separate individuals, all we had was rage.	Пока мы действовали каждый в одиночку, ярость была нашим единственным оружием.
I struck a fireman when he came to burn my library years ago.	Я ударил пожарника, когда он пришел, чтобы сжечь мою библиотеку. Это было много лет тому назад.
I've been running ever since.	С тех пор я вынужден скрываться.
You want to join us, Montag?"	Хотите присоединиться к нам, Монтэг?

"Yes."	- Да.
"What have you to offer?"	- Что вы можете нам предложить?
"Nothing.	- Ничего.
I thought I had part of the Book of Ecclesiastes and maybe a little of Revelation, but I haven't even that now."	Я думал, у меня есть часть Экклезиаста и, может быть, кое-что из Откровения Иоанна Богослова, но сейчас у меня нет даже этого.
"The Book of Ecclesiastes would be fine.	- Экклезиаст - это не плохо.
Where was it?"	Где вы хранили его?
"Here," Montag touched his head.	- Здесь, - Монтэг рукой коснулся лба.
"Ah," Granger smiled and nodded.	- А, - улыбнулся Грэнджер и кивнул головой.

"What's wrong?	- Что?
Isn't that all right?" said Montag.	Разве это плохо? - воскликнул Монтэг.
"Better than all right; perfect!"	- Нет, это очень хорошо. Это прекрасно!
Granger turned to the Reverend.	- Грэнджер повернулся к священнику.
"Do we have a Book of Ecclesiastes?"	- Есть у нас Экклезиаст?
"One.	- Да.
A man named Harris of Youngstown."	Человек по имени Гаррис, проживающий в Янгстауне.
"Montag." Granger took Montag's shoulder firmly. "Walk carefully.	- Монтэг, - Грэнджер крепко взял Монтэга за плечо - Будьте осторожны.
Guard your health.	Берегите себя.

If anything should happen to Harris, you are the Book of Ecclesiastes.	Если что-нибудь случится с Г аррисом, вы будете Экклезиаст.
See how important you've become in the last minute!"	Видите, каким нужным человеком вы успели стать в последнюю минуту!
"But I've forgotten!"	- Но я все забыл!
"No, nothing's ever lost.	- Нет, ничто не исчезает бесследно.
We have ways to shake down your clinkers for you."	У нас есть способ встряхнуть вашу память.

"But I've tried to remember!"	- Я уже пытался вспомнить.
"Don't try.	- Не пытайтесь.

It'll come when we need it.	Это придет само, когда будет нужно.
All of us have photographic memories, but spend a lifetime learning how to block off the things that are really in there.	Человеческая память похожа на чувствительную фотопленку, и мы всю жизнь только и делаем, что стараемся стереть запечатлевшееся на ней.
Simmons here has worked on it for twenty years and now we've got the method down to where we can recall anything that's been read once.	Симмонс разработал метод, позволяющий воскрешать в памяти все однажды прочитанное. Он трудился над этим двадцать лет.
Would you like, some day, Montag, to read Plato's Republic?"	Монтэг, хотели бы вы прочесть "Республику" Платона?
"Of course!"	- О да, конечно!

"I am Plato's Republic.	- Ну вот, я - это "Республика" Платона.
Like to read Marcus Aurelius?	А Марка Аврелия хотите почитать?
Mr. Simmons is Marcus."	Мистер Симмонс - Марк Аврелий.
"How do you do?" said Mr. Simmons.	- Привет! - сказал мистер Симмонс.
"Hello," said Montag.	- Здравствуйте,- ответил Монтэг.
"I want you to meet Jonathan Swift, the author of that evil political book, Gulliver's Travels!	- Разрешите познакомить вас с Джонатаном Свифтом, автором весьма острой политической сатиры "Путешествие Гулливера".

And this other fellow is Charles Darwin, and-this one is Schopenhauer, and this one is Einstein, and this one here at my elbow is Mr. Albert Schweitzer, a very kind philosopher indeed.	А вот Чарлз Дарвин, вот Шопенгауэр, а это Эйнштейн, а этот, рядом со мной,- мистер Альберт Швейцер, добрый философ.
Here we all are, Montag. Aristophanes and Mahatma Gandhi and Gautama Buddha and Confucius and Thomas Love Peacock and Thomas Jefferson and Mr. Lincoln, if you please.	Вот мы все перед вами, Монтэг, - Аристофан и Махатма Ганди, Гаутама Будда и Конфуций, Томас Лав Пикок, Томас Джефферсон и Линкольн - к вашим услугам.
We are also Matthew, Mark, Luke, and John."	Мы также - Матвей, Марк, Лука и Иоанн.

Everyone laughed quietly.	
	— Томас Лав Пикок - английский писатель и поэт, близкий друг Шелли.
	— Они негромко рассмеялись.
"It can't be," said Montag.	- Этого не может быть! - воскликнул Монтэг.
"It is," replied Granger, smiling. " We're book-burners, too.	- Нет, это так, - ответил, улыбаясь, Грэнджер. Мы тоже сжигаем книги.
We read the books and burnt them, afraid they'd be found.	Прочитываем книгу, а потом сжигаем, чтобы ее у нас не нашли.

Micro-filming didn't pay off; we were always travelling, we didn't want to bury the film and come back later. Always the chance of discovery.	Микрофильмы не оправдали себя. Мы постоянно скитаемся, меняем места, пленку пришлось бы где-нибудь закапывать, потом возвращаться за нею, а это сопряжено с риском.

Better to keep it in the old heads, where no one can see it or suspect it.	Лучше все хранить в голове, где никто ничего не увидит, ничего на заподозрит.
We are all bits and pieces of history and literature and international law, Byron, Tom Paine, Machiavelli, or Christ, it's here.	Все мы - обрывки и кусочки истории, литературы, международного права. Байрон, Том Пэйн, Макиавелли. Христос - все здесь, в наших головах.
And the hour is late.	Но уже поздно.

And the war's begun.	И началась война.
And we are out here, and the city is there, all wrapped up in its own coat of a thousand colours.	Мы здесь, а город там, вдали, в своем красочном уборе.
What do you think, Montag?"	О чем вы задумались, Монтэг?
"I think I was blind trying to do things my way, planting books in firemen's houses and sending in alarms."	- Я думаю, как же я был глуп, когда пытался бороться собственными силами. Подбрасывал книги в дома пожарных и давал сигнал тревоги.
"You did what you had to do.	- Вы делали, что могли.
Carried out on a national scale, it might have worked beautifully.	В масштабах всей страны это дало бы прекрасные результаты.

But our way is simpler and, we think, better.	Но наш путь борьбы проще и, как нам кажется, лучше.
All we want to do is keep the knowledge we think we will need, intact and safe.	Наша задача - сохранить знания, которые нам еще будут нужны, сберечь их в целости и сохранности.
We're not out to incite or anger anyone yet.	Пока мы не хотим никого задевать и никого подстрекать.
For if we are destroyed, the knowledge is dead, perhaps for good.	Ведь если нас уничтожат, погибнут и знания, которые мы храним, погибнут, быть может, навсегда.

We are model citizens, in our own special way; we walk the old tracks, we lie in the hills at night, and the city people let us be.	Мы в некотором роде самые мирные граждане: бродим по заброшенным колеям, ночью прячемся в горах. И горожане оставили нас в покое.
We're stopped and searched occasionally, but there's nothing on our persons to incriminate us.	Иной раз нас останавливают и обыскивают, но никогда не находят ничего, что могло бы дать повод к аресту.
The organization is flexible, very loose, and fragmentary.	У нас очень гибкая, неуловимая, разбросанная по всем уголкам страны организация.
Some of us have had plastic surgery on our faces and fingerprints.	Некоторые из нас сделали себе пластические операции - изменили свою внешность и отпечатки пальцев.

Right now we have a horrible job; we're waiting for the war to begin and, as quickly, end.	Сейчас нам очень тяжело: мы ждем, чтобы поскорее началась и кончилась война.
It's not pleasant, but then we're not in control, we're the odd minority crying in the wilderness.	Это ужасно, но тут мы ничего не можем сделать. Не мы управляем страной, мы лишь ничтожное меньшинство, глас вопиющего в пустыне.

When the war's over, perhaps we can be of some use in the world."	Когда война кончится, тогда, может быть, мы пригодимся.
"Do you really think they'll listen then?"	- И вы думаете, вас будут слушать?
"If not, we'll just have to wait.	- Если нет, придется снова ждать.

We'll pass the books on to our children, by word of mouth, and let our children wait, in turn, on the other people.	Мы передадим книги из уст в уста нашим детям, а наши дети в свою очередь передадут другим.
A lot will be lost that way, of course.	Многое, конечно, будет потеряно.
But you can't make people listen.	Но людей нельзя силком заставить слушать.
They have to come round in their own time, wondering what happened and why the world blew up under them.	Они должны сами понять, сами должны задуматься над тем, почему так вышло, почему мир взорвался у них под ногами.
It can't last."	Вечно так продолжаться не может.
"How many of you are there?"	- Много ли вас?

"Thousands on the roads, the abandoned railtracks, tonight, bums on the outside, libraries inside.	- По дорогам, на заброшенных железнодорожных колеях нас сегодня тысячи, с виду мы - бродяги, но в головах у нас целые хранилища книг.
It wasn't planned, at first.	Вначале все было стихийно.
Each man had a book he wanted to remember, and did.	У каждого была какая-то книга, которую он хотел запомнить.
Then, over a period of twenty years or so, we met each other, travelling, and got the loose network together and set out a plan.	Но мы встречались друг с другом, и за эти двадцать или более лет мы создали нечто вроде организации и наметили план действий.

The most important single thing we had to pound into ourselves was that we were not important, we mustn't be pedants; we were not to feel superior to anyone else in the world.	Самое главное, что нам надо было понять, - это что сами по себе мы ничто, что мы не должны быть педантами или чувствовать свое превосходство над другими людьми.
We're nothing more than dust-jackets for books, of no significance otherwise.	Мы всего лишь обложки книг, предохраняющие их от порчи и пыли, - ничего больше.
Some of us live in small towns.	Некоторые из нас живут в небольших городках.
Chapter One of Thoreau's Walden in Green River, Chapter Two in Willow Farm, Maine.	Глава первая из книги Торо "Уолден" живет в Грин Ривер, глава вторая - в Уиллоу Фарм, штат Мэн.

Why, there's one town in Maryland, only twenty-seven people, no bomb'll ever touch that town, is the complete essays of a man named Bertrand Russell.	В штате Мэриленд есть городок с населением всего в двадцать семь человек, так что вряд ли туда станут бросать бомбы, в этом городке у нас хранится полное собрание трудов Бертрана Рассела.
Pick up that town, almost, and flip the pages, so many pages to a person.	Его можно взять в руки, как книгу, этот городок, и полистать страницы,- столько-то страниц в голове у каждого из обитателей.

And when the war's over, some day, some year, the books can be written again, the people will be called in, one by one, to recite what they know and we'll set it up in type until another Dark Age, when we might have to do the whole damn thing over again.	А когда война кончится, тогда в один прекрасный день, в один прекрасный год книги снова можно будет написать, созовем всех этих людей, и они прочтут наизусть все, что знают, и мы все это напечатаем на бумаге. А потом, возможно, наступит новый век тьмы и придется опять все начинать сначала.

But that's the wonderful thing about man; he never gets so discouraged or disgusted that he gives up doing it all over again, because he knows very well it is important and worth the doing."	Но у человека есть одно замечательное свойство: если приходится все начинать сначала, он не отчаивается и не теряет мужества, ибо он знает, что это очень важно, что это стоит усилий.
	— "Уолден. или Жизнь в лесах" - известное произведение классика американской литературы XIX века Генри Давида Торо.
	—
"What do we do tonight?" asked Montag.	- А сейчас что мы будем делать? - спросил Монтэг.

"Wait," said Granger. "And move downstream a little way, just in case."	- Ждать, -ответил Грэнджер. -И на всякий случай уйдем подальше, вниз по реке.
He began throwing dust and dirt on the fire.	Он начал забрасывать костер землей.
The other men helped, and Montag helped, and there, in the wilderness, the men all moved their hands, putting out the fire together.	Остальные помогали ему, помогал и Монтэг. В лесной чаще люди молча гасили огонь.
They stood by the river in the starlight.	При свете звезд они стояли у реки.
Montag saw the luminous dial of his waterproof.	Монтэг взглянул на светящийся циферблат своих часов.

Five. Five o'clock in the morning.	Пять часов утра.
Another year ticked by in a single hour, and dawn waiting beyond the far bank of the river.	Только час прошел. Но он был длиннее года. За дальним берегом брезжил рассвет.
"Why do you trust me?" said Montag.	- Почему вы верите мне? - спросил он.
A man moved in the darkness.	Человек шевельнулся в темноте.
"The look of you's enough.	- Достаточно взглянуть на вас.
You haven't seen yourself in a mirror lately.	Вы давно не смотрелись в зеркало, Монтэг.

Beyond that, the city has never cared so much about us to bother with an elaborate chase like this to find us.	Кроме того, город никогда не оказывал нам такой чести и не устраивал за нами столь пышной погони.
A few crackpots with verses in their heads can't touch them, and they know it and we know it; everyone knows it.	Десяток чудаков с головами, напичканными поэзией,- это им не опасно, они это знают, знаем и мы, все это знают.
So long as the vast population doesn't wander about quoting the Magna Charta and the Constitution, it's all right.	Пока весь народ - массы - не цитирует еще Хартию вольностей и конституцию, нет оснований для беспокойства.
The firemen were enough to check that, now and then.	Достаточно, если пожарники будут время от времени присматривать за порядком.

No, the cities don't bother us.	Нет, нас горожане не трогают.
And you look like hell."	А вас, Монтэг, они здорово потрепали.
They moved along the bank of the river, going south.	Они шли вдоль реки, направляясь на юг.
Montag tried to see the men's faces, the old faces he remembered from the firelight, lined and tired.	Монтэг пытался разглядеть лица своих спутников, старые, изборожденные морщинами, усталые лица, которые он видел у костра.
He was looking for a brightness, a resolve, a triumph over tomorrow that hardly seemed to be there.	Он искал на них выражение радости, решимости, торжества над будущим.

Perhaps he had expected their faces to burn and glitter with the knowledge they carried, to glow as lanterns glow, with the light in them.	Он, кажется, ожидал, что от тех знаний, которые они несли в себе, их лица будут светиться как зажженный фонарь в ночном мраке.
But all the light had come from the camp fire, and these men had seemed no different from any others who had run a long race, searched a long search, seen good things destroyed, and now, very late, were gathering to wait for the end of the party and the blowing out of the lamps.	Но ничего этого он не увидел на их лицах. Там, у костра, их озарял отблеск горящих сучьев, а сейчас они ничем не отличались от других таких же людей, много скитавшихся по дорогам, проведших в поисках немало лет своей жизни, видевших, как гибнет прекрасное, и вот наконец, уже стариками, они собрались вместе, чтобы поглядеть, как опустится занавес и погаснут огни.

They weren't at all certain that the things they carried in their heads might make every future dawn glow with a purer light, they were sure of nothing save that the books were on file behind their quiet eyes, the books were waiting, with their pages uncut, for the customers who might come by in later years, some with clean and some with dirty fingers.	Они совсем не были уверены в том, что хранимое в их памяти заставит зарю будущего разгореться более ярким пламенем, они ни в чем не были уверены, кроме одного - они видели книги, стоящие на полках, книги с еще не разрезанными страницами, ждущие читателей, которые когда-нибудь придут и возьмут книги, кто чистыми, кто грязными руками.
Montag squinted from one face to another as they walked.	Монтэг пристально вглядывался в лица своих спутников.

"Don't judge a book by its cover," someone said.	- Не пытайтесь судить о книгах по обложкам, -сказал кто-то.
And they all laughed quietly, moving downstream.	Все тихо засмеялись, продолжая идти дальше, вниз по реке.
There was a shriek and the jets from the city were gone overhead long before the men looked up.	Оглушительный, режущий ухо скрежет - и в небе пронеслись ракетные самолеты, они исчезли раньше, чем путники успели поднять головы. Самолеты летели со стороны города.
Montag stared back at the city, far down the river, only a faint glow now.	Монтэг взглянул туда, где далеко за рекой лежал город, сейчас там виднелось лишь слабое зарево.
"My wife's back there."	- Там осталась моя жена.

"I'm sorry to hear that.	- Сочувствую вам.
The cities won't do well in the next few days," said Granger.	В ближайшие дни городам придется плохо, -сказал Грэнджер.

"It's strange, I don't miss her, it's strange I don't feel much of anything," said Montag. "Even if she dies, I realized a moment ago, I don't think I'll feel sad.	- Странно, я совсем не тоскую по ней. Странно, но я как будто неспособен ничего чувствовать, - промолвил Монтэг.- Секунду назад я даже подумал - если она умрет, мне не будет жаль.
It isn't right.	Это нехорошо.
Something must be wrong with me."	Со мной, должно быть, творится что-то неладное.

"Listen," said Granger, taking his arm, and walking with him, holding aside the bushes to let him pass. "When I was a boy my grandfather died, and he was a sculptor.	- Послушайте, что я вам скажу,- ответил Грэнджер, беря его под руку, он шагал теперь рядом, помогая Монтэгу пробираться сквозь заросли кустарника.- Когда я был еще мальчиком, умер мой дед, он был скульптором.
He was also a very kind man who had a lot of love to give the world, and he helped clean up the slum in our town; and he made toys for us and he did a million things in his lifetime; he was always busy with his hands.	Он был очень добрый человек, очень любил людей, это он помог очистить наш город от трущоб. Нам, детям, он мастерил игрушки, за свою жизнь, он, наверно, создал миллион разных вещей. Руки его всегда были чем-то заняты.

And when he died, I suddenly realized I wasn't crying for him at all, but for the things he did.	И вот когда он умер, я вдруг понял, что плачу не о нем, а о тех вещах, которые он делал.
I cried because he would never do them again, he would never carve another piece of wood or help us raise doves and pigeons in the back yard or play the violin the way he did, or tell us jokes the way he did.	Я плакал потому, что знал: ничего этого больше не будет, дедушка уже не сможет вырезать фигурки из дерева, разводить с нами голубей на заднем дворе, играть на скрипке или рассказывать нам смешные истории - никто не умел так их рассказывать, как он.
He was part of us and when he died, all the actions stopped dead and there was no one to do them just the way he did.	Он был частью нас самих, и когда он умер, все это ушло из нашей жизни: не осталось никого, кто мог бы делать это так, как делал он.

He was individual.	Он был особенный, ни на кого не похожий.
He was an important man.	Очень нужный для жизни человек.
I've never gotten over his death.	Я так и не примирился с его смертью.
Often I think, what wonderful carvings never came to birth because he died. How many jokes are missing from the world, and how many homing pigeons untouched by his hands.	Я и теперь часто думаю, каких прекрасных творений искусства лишился мир из-за его смерти, сколько забавных историй осталось не рассказано, сколько голубей, вернувшись домой, не ощутят уже ласкового прикосновения его рук.
He shaped the world.	Он переделывал облик мира.
He did things to the world.	Он дарил миру новое.

The world was bankrupted of ten million fine actions the night he passed on."	В ту ночь, когда он умер, мир обеднел на десять миллионов прекрасных поступков.
Montag walked in silence.	Монтэг шел молча.
"Millie, Millie," he whispered. "Millie."	- Милли, Милли, - прошептал он,- Милли.
"What?"	- Что вы сказали?
"My wife, my wife.	- Моя жена...
Poor Millie, poor Millie.	Милли... Бедная, бедная Милли.

I can't remember anything.	Я ничего не могу вспомнить...

I think of her hands but I don't see them doing anything at all.	Думаю о ее руках, но не вижу, чтобы они делали что-нибудь.
They just hang there at her sides or they lie there on her lap or there's a cigarette in them, but that's all."	Они висят вдоль ее тела, как плети, или лежат на коленях, или держат сигарету. Это все, что они умели делать.
Montag turned and glanced back.	Монтэг обернулся и взглянул назад.
What did you give to the city, Montag?	Что ты дал городу, Монтэг?
Ashes.	Пепел.
What did the others give to each other?	Что давали люди друг другу?
Nothingness.	Ничего.
Granger stood looking back with Montag.	Грэнджер стоял рядом с Монтэгом и смотрел в сторону города.

"Everyone must leave something behind when he dies, my grandfather said.	- Мой дед говорил: "Каждый должен что-то оставить после себя.
A child or a book or a painting or a house or a wall built or a pair of shoes made. Or a garden planted.	Сына, или книгу, или картину, выстроенный тобой дом или хотя бы возведенную из кирпича стену, или сшитую гобой пару башмаков, или сад, посаженный твоими руками.
Something your hand touched some way so your soul has somewhere to go when you die, and when people look at that tree or that flower you planted, you're there.	Что-то, чего при жизни касались твои пальцы, в чем после смерти найдет прибежище твоя душа. Люди будут смотреть на взращенное тобою дерево или цветок, и в эту минуту ты будешь жив".

It doesn't matter what you do, he said, so long as you change something from the way it was before you touched it into something that's like you after you take your hands away.	Мой дед говорил: "Не важно, что именно ты делаешь, важно, чтобы все, к чему ты прикасаешься, меняло форму, становилось не таким, как раньше, чтобы в нем оставалась частица тебя самого.
The difference between the man who just cuts lawns and a real gardener is in the touching, he said.	В этом разница между человеком, просто стригущим траву на лужайке, и настоящим садовником, - говорил мне дед.
The lawn-cutter might just as well not have been there at all; the gardener will be there a lifetime."	- Первый пройдет, и его как не бывало, но садовник будет жить не одно поколение".
Granger moved his hand.	Грэнджер сжал локоть Монтэга.

"My grandfather showed me some V-2 rocket films once, fifty years ago.	- Однажды, лет пятьдесят назад, мой дед показал мне несколько фильмов о реактивных снарядах Фау-2, - продолжал он.
Have you ever seen the atom-bomb mushroom from two hundred miles up?	- Вам когда-нибудь приходилось с расстояния в двести миль видеть грибовидное облако, что образуется от взрыва атомной бомбы?
It's a pinprick, it's nothing. With the wilderness all around it.	Это ничто, пустяк. Для лежащей вокруг дикой пустыни - это все равно что булавочный укол.

"My grandfather ran off the V-2 rocket film a dozen times and then hoped that some day our cities would open up and let the green and the land and the wilderness in more, to remind people that we're allotted a little space on earth and that we survive in that wilderness that can take back what it has given, as easily as blowing its breath on us or sending the sea to tell us we are not so big.	Мой дед раз десять провертел этот фильм, а потом сказал: он надеется, что наступит день. когда города шире раздвинут свои стены и впустят к себе леса, поля и дикую природу. Люди не должны забывать, сказал он, что на земле им отведено очень небольшое место, что они живут в окружении природы, которая легко может взять обратно все, что дала человеку. Ей ничего не стоит смести нас с лица земли своим дыханием или затопить нас водами океана - просто чтобы еще раз напомнить человеку, что он не так всемогущ, как думает.

When we forget how close the wilderness is in the night, my grandpa said, some day it will come in and get us, for we will have forgotten how terrible and real it can be.	Мой дед говорил: если мы не будем постоянно ощущать ее рядом с собой в ночи, мы позабудем, какой она может быть грозной и могущественной. И тогда в один прекрасный день она придет и поглотит нас.
You see?"	Понимаете?
Granger turned to Montag.	Грэнджер повернулся к Монтэгу.
"Grandfather's been dead for all these years, but if you lifted my skull, by God, in the convolutions of my brain you'd find the big ridges of his thumbprint. He touched me.	- Дед мой умер много лет тому назад, но если вы откроете мою черепную коробку и вглядитесь в извилины моего мозга, вы найдете там отпечатки его пальцев Он коснулся меня рукой.

As I said earlier, he was a sculptor.	Он был скульптором, я уже говорил вам.
'I hate a Roman named Status Quo!' he said to me. 'Stuff your eyes with wonder,' he said, 'live as if you'd drop dead in ten seconds.	"Ненавижу римлянина по имени Статус Кво, - сказал он мне однажды.- Шире открой глаза, живи так жадно, как будто через десять секунд умрешь.
See the world.	Старайся увидеть мир.
It's more fantastic than any dream made or paid for in factories.	Он прекрасней любой мечты, созданной на фабрике и оплаченной деньгами.
Ask no guarantees, ask for no security, there never was such an animal.	Не проси гарантий, не ищи покоя - такого зверя нет на свете.

And if there were, it would be related to the great sloth which hangs upside down in a tree all day every day, sleeping its life away.	А если есть, так он сродни обезьяне-ленивцу, которая день-деньской висит на дереве головою вниз и всю свою жизнь проводит в спячке.
To hell with that,' he said, 'shake the tree and knock the great sloth down on his ass.'"	К черту! - говорил он. - Тряхни посильнее дерево, пусть эта ленивая скотина треснется задницей об землю!"
"Look!" cried Montag.	- Смотрите! - воскликнул вдруг Монтэг.
And the war began and ended in that instant.	В это мгновенье началась и окончилась война.

Later, the men around Montag could not say if they had really seen anything.	Впоследствии никто из стоявших рядом с Монтэгом не мог сказать, что именно они видели и видели ли хоть что-нибудь.
Perhaps the merest flourish of light and motion in the sky.	Мимолетная вспышка света на черном небе. чуть уловимое движение...

Perhaps the bombs were there, and the jets, ten miles, five miles, one mile up, for the merest instant, like grain thrown over the heavens by a great sowing hand, and the bombs drifting with dreadful swiftness, yet sudden slowness, down upon the morning city they had left behind.	За этот кратчайший миг там. наверху, на высоте десяти, пяти, одной мили пронеслись, должно быть, реактивные самолеты, словно горсть зерна, брошенная гигантской рукой сеятеля, и тотчас же с ужасающей быстротой, и вместе с тем так медленно, бомбы стали падать на пробуждающийся ото сна город.

The bombardment was to all intents and purposes finished, once the jets had sighted their target, alerted their bombardiers at five thousand miles an hour; as quick as the whisper of a scythe the war was finished.	В сущности, бомбардировка закончилась, как только самолеты, мчась со скоростью пять тысяч миль в час, приблизились к цели и приборы предупредили о ней пилотов. И столь же молниеносно, как взмах серпа, окончилась война.
Once the bomb-release was yanked it was over.	Она окончилась в тот момент, когда пилоты нажали рычаги бомбосбрасывателей.

Now, a full three seconds, all of the time in history, before the bombs struck, the enemy ships themselves were gone half around the visible world, like bullets in which a savage islander might not believe because they were invisible; yet the heart is suddenly shattered, the body falls in separate motions and the blood is astonished to be freed on the air; the brain squanders its few precious memories and, puzzled, dies.	А за последующие три секунды, всего три секунды, пока бомбы не упали на цель, вражеские самолеты уже прорезали все обозримое пространство и ушли за горизонт. невидимые, как невидима пуля в бешеной быстроте своего полета, и не знакомый с огнестрельным оружием дикарь не верит в нее, ибо ее не видит, но сердце его уже пробито, тело, как подкошенное, падает на землю, кровь вырвалась из жил, мозг тщетно пытается задержать последние обрывки дорогих воспоминаний и, не успев даже понять, что случилось, умирает.

This was not to be believed.	Да, в это трудно было поверить.
It was merely a gesture.	То был один-единственный мгновенный жест.
Montag saw the flirt of a great metal fist over the far city and he knew the scream of the jets that would follow, would say, after the deed, disintegrate, leave no stone on another, perish.	Но Монтэг видел этот взмах железного кулака, занесенного над далеким городом, он знал, что сейчас последует рев самолетов, который, когда уже все свершилось, внятно скажет: разрушай, не оставляй камня на камне, погибни.
Die.	Умри.
Montag held the bombs in the sky for a single moment, with his mind and his hands reaching helplessly up at them.	На какое-то мгновенье Монтэг задержал бомбы в воздухе, задержал их протестом разума, беспомощно поднятыми вверх руками.

"Run!" he cried to Faber. To Clarisse, "Run!" To Mildred, "Get out, get out of there! " But Clarisse, he remembered, was dead. And Faber was out; there in the deep valleys of the country somewhere the five a.m. bus was on its way from one desolation to another.	"Бегите! - кричал он Фаберу.- Бегите! - кричал он Клариссе. - Беги, беги!" - взывал он к Милдред. И тут же вспомнил: Кларисса умерла, а Фабер покинул город, где-то по долине меж гор мчится сейчас пятичасовой автобус, держа путь из одного объекта разрушения в другой.
Though the desolation had not yet arrived, was still in the air, it was certain as man could make it.	Разрушение еще не наступило, оно еще висит в воздухе, но оно неизбежно.

Before the bus had run another fifty yards on the highway, its destination would be meaningless, and its point of departure changed from metropolis to junkyard.	Не успеет автобус пройти еще пятидесяти ярдов по дороге, как место его назначения перестанет существовать, а место отправления из огромной столицы превратится в гигантскую кучу мусора.
And Mildred . . .	А Милдред?..
Get out, run!	Беги, беги!
He saw her in her hotel room somewhere now in the halfsecond remaining with the bombs a yard, a foot, an inch from her building.	В какую-то долю секунды, пока бомбы еще висели в воздухе, на расстоянии ярда, фута, дюйма от крыши отеля, в одной из комнат он увидел Милдред.

He saw her leaning toward the great shimmering walls of colour and motion where the family talked and talked and talked to her, where the family prattled and chatted and said her name and smiled at her and said nothing of the bomb that was an inch, now a half-inch, now a quarter-inch from the top of the hotel. Leaning into the wall as if all of the hunger of looking would find the secret of her sleepless unease there.	Он видел, как, подавшись вперед, она всматривалась в мерцающие стены, с которых не умолкая говорили с ней "родственники". Они тараторили и болтали, называли ее по имени, улыбались ей, но ничего не говорили о бомбе, которая повисла над ее головой,- вот уже только полдюйма, вот уже только четверть дюйма отделяют смертоносный снаряд от крыши отеля.

Mildred, leaning anxiously, nervously, as if to plunge, drop, fall into that swarming immensity of colour to drown in its bright happiness.	Милдред впилась взглядом в стены, словно там была разгадка ее тревожных бессонных ночей. Она жадно тянулась к ним, словно хотела броситься в этот водоворот красок и движения, нырнуть в него, окунуться, утонуть в его призрачном веселье.
The first bomb struck.	Упала первая бомба.
"Mildred! " Perhaps, who would ever know? Perhaps the great broadcasting stations with their beams of colour and light and talk and chatter went first into oblivion.	- Милдред! Быть может - но узнает ли кто об этом? - быть может, огромные радио- и телевизионные станции с их бездной красок, света и пустой болтовни первыми исчезли с лица земли?

Montag, falling flat, going down, saw or felt, or imagined he saw or felt the walls go dark in Millie's face, heard her screaming, because in the millionth part of time left, she saw her own face reflected there, in a mirror instead of a crystal ball, and it was such a wildly empty face, all by itself in the room, touching nothing, starved and eating of itself, that at last she recognized it as her own and looked quickly up at the ceiling as it and the entire structure of the hotel blasted down upon her, carrying her with a million pounds of brick, metal, plaster,	Монтэг, бросившийся плашмя на землю, увидел, почувствовал - или ему почудилось, что он видит, чувствует,- как в комнате Милдред вдруг погасли стены, как они из волшебной призмы превратились в простое зеркало, он услышал крик Милдред, ибо в миллионную долю той секунды, что ей осталось жить, она увидела на стенах свое лицо, лицо, ужасающее своей пустотой, одно в пустой комнате, пожирающее глазами самое себя. Она поняла наконец, что это ее собственное лицо, что это она сама, и быстро взглянула на потолок, и в тот же миг все здание отеля обрушилось на нее и вместе с сотнями тонн кирпича, металла, штукатурки,

I remember.	- Вспомнил!

Montag clung to the earth. I remember.	- Монтэг прильнул к земле.- Вспомнил!
Chicago.	Чикаго!
Chicago, a long time ago.	Это было в Чикаго много лет назад.
Millie and I.	Милли и я.
That's where we met!	Вот где мы встретились!
I remember now.	Теперь помню.
Chicago.	В Чикаго.
A long time ago.	Много лет назад.

The concussion knocked the air across and down the river, turned the men over like dominoes in a line, blew the water in lifting sprays, and blew the dust and made the trees above them mourn with a great wind passing away south.	Сильный взрыв потряс воздух. Воздушная волна прокатилась над рекой, опрокинула людей, словно костяшки домино, водяным смерчем прошлась по реке, взметнула черный столб пыли и, застонав в деревьях, пронеслась дальше, на юг.
Montag crushed himself down, squeezing himself small, eyes tight.	Монтэг еще теснее прижался к земле, словно хотел врасти в нее, и плотно зажмурил глаза.
He blinked once. And in that instant saw the city, instead of the bombs, in the air.	Только раз он приоткрыл их и в это мгновенье увидел, как город поднялся на воздух.

They had displaced each other.	Казалось, бомбы и город поменялись местами.

For another of those impossible instants the city stood, rebuilt and unrecognizable, taller than it had ever hoped or strived to be, taller than man had built it, erected at last in gouts of shattered concrete and sparkles of torn metal into a mural hung like a reversed avalanche, a million colours, a million oddities, a door where a window should be, a top for a bottom, a side for a back, and then the city rolled over and fell down dead.	Еще одно невероятное мгновенье - новый и неузнаваемый, с неправдоподобно высокими зданиями, о каких не мечтал ни один строитель, зданиями, сотканными из брызг раздробленного цемента, из блесток разорванного в клочки металла, в путанице обломков, с переместившимися окнами и дверями, фундаментом и крышами, сверкая яркими красками, как водопад, который взметнулся вверх, вместо того чтобы свергнуться вниз, как фантастическая фреска, город замер в воздухе, а затем рассыпался и исчез. Спустя несколько секунд грохот далекого взрыва принес Монтэгу весть о гибели города.

Montag, lying there, eyes gritted shut with dust, a fine wet cement of dust in his now shut mouth, gasping and crying, now thought again, I remember, I remember, I remember something else.	Монтэг лежал на земле. Мелкая цементная пыль засыпала ему глаза, сквозь плотно сжатые губы набилась в рот. Он задыхался и плакал. И вдруг вспомнил... Да, да, я вспомнил что-то!
What is it?	Что это, что?
Yes, yes, part of the Ecclesiastes and Revelation.	Экклезиаст! Да, это главы из Экклезиаста и Откровения.
Part of that book, part of it, quick now, quick, before it gets away, before the shock wears off, before the wind dies.	Скорей, скорей, пока я опять не забыл, пока не прошло потрясение, пока не утих ветер.

Book of Ecclesiastes. Here.	Экклезиаст, вот он!

He said it over to himself silently, lying flat to the trembling earth, he said the words of it many times and they were perfect without trying and there was no Denham's Dentifrice anywhere, it was just the Preacher by himself, standing there in his mind, looking at him	Прижавшись к земле, еще вздрагивающей от взрывов, он мысленно повторял слова, повторял их снова и снова, и они были прекрасны и совершенны, и теперь реклама зубной пасты Денгэм не мешала ему. Сам проповедник стоял перед ним и смотрел на него...
"There," said a voice.	- Вот и все,- произнес кто-то.

The men lay gasping like fish laid out on the grass.	Люди лежали, судорожно глотая воздух, словно вы- брошенные на берег рыбы.

They held to the earth as children hold to familiar things, no matter how cold or dead, no matter what has happened or will happen, their fingers were clawed into the dirt, and they were all shouting to keep their eardrums from bursting, to keep their sanity from bursting, mouths open, Montag shouting with them, a protest against the wind that ripped their faces and tore at their lips, making their noses bleed.	Они цеплялись за землю, как ребенок инстинктивно цепляется за знакомые предметы, пусть даже мертвые и холодные. Впившись пальцами в землю и широко разинув рты, люди кричали, чтобы уберечь свои барабанные перепонки от грохота взрывов, чтобы не дать помутиться рассудку. И Монтэг тоже кричал, всеми силами сопротивляясь ветру, который резал ему лицо, рвал губы, заставлял кровь течь из носу.

Montag watched the great dust settle and the great silence move down upon their world.	Монтэг лежа видел, как мало-помалу оседало густое облако пыли, вместе с тем великое безмолвие опускалось на землю.
And lying there it seemed that he saw every single grain of dust and every blade of grass and that he heard every cry and shout and whisper going up in the world now.	И ему казалось, что он видит каждую крупинку пыли, каждый стебелек травы, слышит каждый шорох, крик и шепот, рождавшийся в этом новом мире.
Silence fell down in the sifting dust, and all the leisure they might need to look around, to gather the reality of this day into their senses.	Вместе с пылью на землю опускалась тишина, а с ней и спокойствие, столь нужное им для того, чтобы оглядеться, вслушаться и вдуматься, разумом и чувствами постигнуть действительность нового дня.

Montag looked at the river.	Монтэг взглянул на реку.
We'll go on the river.	Может быть, мы пойдем вдоль берега?
He looked at the old railroad tracks.	Он посмотрел на старую железнодорожную колею.
Or we'll go that way.	А может быть, мы пойдем этим путем?
Or we'll walk on the highways now, and we'll have time to put things into ourselves.	А может быть, мы пойдем по большим дорогам?
And some day, after it sets in us a long time, it'll come out of our hands and our mouths.	И теперь у нас будет время все разглядеть и все запомнить.

And a lot of it will be wrong, but just enough of it will be right.	И когда-нибудь позже, когда все виденное уляжется где-то в нас, оно снова выльется наружу в наших словах и в наших делах. И многое будет неправильно. но многое окажется именно таким, как нужно.

We'll just start walking today and see the world and the way the world walks around and talks, the way it really looks.	Д сейчас мы начнем наш путь, мы будем идти и смотреть на мир, мы увидим, как он живет, говорит, действует, как он выглядит на самом деле.
I want to see everything now.	Теперь я хочу видеть все!
And while none of it will be me when it goes in, after a while it'll all gather together inside and it'll be me.	И хотя то, что я увижу, не будет еще моим. когда-нибудь оно сольется со мной воедино и станет моим "я".

Look at the world out there, my God, my God, look at it out there, outside me, out there beyond my face and the only way to really touch it is to put it where it's finally me, where it's in the blood, where it pumps around a thousand times ten thousand a day.	Посмотри же вокруг, посмотри на мир, что лежит перед тобой! Лишь тогда ты сможешь по-настоящему прикоснуться к нему, когда он глубоко проникнет в тебя, в твою кровь и вместе с ней миллион раз за день обернется в твоих жилах.
I get hold of it so it'll never run off.	Я так крепко ухвачу его, что он уже больше не ускользнет от меня.
I'll hold on to the world tight some day. I've got one finger on it now; that's a beginning.	Когда-нибудь он весь будет в моих руках, сейчас я уже чуть-чуть коснулся его пальцем. И это только начало.
The wind died.	Ветер утих.

The other men lay a while, on the dawn edge of sleep, not yet ready to rise up and begin the day's obligations, its fires and foods, its thousand details of putting foot after foot and hand after hand.	Еще какое-то время Монтэг и остальные лежали а полузабытьи, на грани сна и пробуждения, еще не в силах подняться и начать новый день с тысячами забот и обязанностей: разжигать костер, искать пищу, двигаться, идти, жить.
They lay blinking their dusty eyelids.	Они моргали, стряхивая пыль с ресниц.
You could hear them breathing fast, then slower, then slow	Слышалось их дыхание, вначале прерывистое и частое, потом все более ровное и спокойное.
Montag sat up.	Монтэг приподнялся и сел.

He did not move any further, however.	Однако он не сделал попытки встать на ноги.
The other men did likewise.	Его спутники тоже зашевелились.
The sun was touching the black horizon with a faint red tip.	На темном горизонте алела узкая полоска зари.
The air was cold and smelled of a coming rain.	В воздухе чувствовалась прохлада, предвещающая ДОЖДЬ.
Silently, Granger arose, felt his arms, and legs, swearing, swearing incessantly under his breath, tears dripping from his face.	Молча поднялся Грэнджер. Бормоча под нос проклятья, он ощупал свои руки, ноги. Слезы текли по его щекам.
He shuffled down to the river to look upstream.	Тяжело передвигая ноги, он спустился к реке и взглянул вверх по течению.

"It's flat," he said, a long time later. "City looks like a heap of baking-powder. It's gone." And a long time after that. "I wonder how many knew it was coming?	- Города нет,- промолвил он после долгого молчания.- Ничего не видно. Так, кучка пепла. Город исчез.- Он опять помолчал, потом добавил: - Интересно, многие ли понимали, что так будет?

I wonder how many were surprised?"	Многих ли это застало врасплох?
And across the world, thought Montag, how many other cities dead?	А Монтэг думал: сколько еще городов погибло в других частях света?
And here in our country, how many?	Сколько их погибло в нашей стране?
A hundred, a thousand?	Сто, тысяча?

Someone struck a match and touched it to a piece of dry paper taken from their pocket, and shoved this under a bit of grass and leaves, and after a while added tiny twigs which were wet and sputtered but finally caught, and the fire grew larger in the early morning as the sun came up and the men slowly turned from looking up river and were drawn to the fire, awkwardly, with nothing to say, and the sun coloured the backs of their necks as they bent down.	Кто-то достал из кармана клочок бумаги, чиркнул спичкой, на огонек положили пучок травы и горсть сухих листьев. Потом стали подбрасывать ветки. Влажные ветки шипели и трещали, но вот наконец костер вспыхнул, разгораясь все жарче и жарче. Взошло солнце. Люди медленно отвернулись от реки и молча придвинулись к костру, низко склоняясь над огнем. Лучи солнца коснулись их затылков.

Granger unfolded an oilskin with some bacon in it.	Грэнджер развернул промасленную бумагу и вынул кусок бекона.
"We'll have a bite. Then we'll turn around and walk upstream.	- Сейчас мы позавтракаем, а потом повернем обратно и пойдем вверх по реке.
They'll be needing us up that way."	Мы будем нужны там.
Someone produced a small frying-pan and the bacon went into it and the frying-pan was set on the fire.	Кто-то подал небольшую сковородку, ее поставили на огонь.
After a moment the bacon began to flutter and dance in the pan and the sputter of it filled the morning air with its aroma.	Через минуту на ней уже шипели и прыгали кусочки бекона, наполняя утренний воздух аппетитном запахом.

The men watched this ritual silently.	Люди молча следили за этим ритуалом.
Granger looked into the fire.	Грэнджер смотрел в огонь.
"Phoenix."	- Феникс,- сказал он вдруг.
"What?"	- Что?
"There was a silly damn bird called a Phoenix back before Christ: every few hundred years he built a pyre and burned himself up.	- Когда-то в древности жила на свете глупая птица Феникс. Каждые несколько сот лет она сжигала себя на костре.
He must have been first cousin to Man.	Должно быть, она была близкой родней челове-ку.

But every time he burnt himself up he sprang out of the ashes, he got himself born all over again.	Но, сгорев, она всякий раз снова возрождалась из пепла.
And it looks like we're doing the same thing, over and over, but we've got one damn thing the Phoenix never had.	Мы, люди, похожи на эту птицу. Однако у нас есть преимущество перед ней.
We know the damn silly thing we just did.	Мы знаем, какую глупость совершили.

We know all the damn silly things we've done for a thousand years, and as long as we know that and always have it around where we can see it, some day we'll stop making the goddam funeral pyres and jumping into the middle of them. We pick up a few more people that remember, every generation."	Мы знаем все глупости, сделанные нами за тысячу и более лет. А раз мы это знаем и все это записано и мы можем оглянуться назад и увидеть путь, который мы прошли, то есть надежда, что когда-нибудь мы перестанем сооружать эти дурацкие погребальные костры и кидаться в огонь. Каждое новое поколение оставляет нам людей, которые помнят об ошибках человечества.
He took the pan off the fire and let the bacon cool and they ate it, slowly, thoughtfully.	Он снял сковородку с огня и дал ей немного остынуть. Затем все молча, каждый думая о своем, принялись за еду.

"Now, let's get on upstream," said Granger. "And hold on to one thought: You're not important. You're not anything. Some day the load we're carrying with us may help someone.	- Теперь мы пойдем вверх по реке,- сказал Грэнджер.- И помните одно: сами по себе мы ничего не значим. Не мы важны, а то, что мы храним в себе. Когда-нибудь оно пригодится людям.
But even when we had the books on hand, a long time ago, we didn't use what we got out of them.	Но заметьте - даже в те давние времена, когда мы свободно держали книги в руках, мы не использовали всего, что они давали нам.
We went right on insulting the dead. We went right on spitting in the graves of all the poor ones who died before us.	Мы продолжали осквернять память мертвых, мы плевали на могилы тех, кто жил до нас.

We're going to meet a lot of lonely people in the next week and the next month and the next year.	В ближайшую неделю, месяц, год мы всюду будем встречать одиноких людей. Множество одиноких людей.
And when they ask us what we're doing, you can say, We're remembering.	И когда они спросят нас, что мы делаем, мы ответим: мы вспоминаем.
That's where we'll win out in the long run.	Да, мы память человечества, и поэтому мы в конце концов непременно победим.
And some day we'll remember so much that we'll build the biggest goddam steam-shovel in history and dig the biggest grave of all time and shove war in and cover it up.	Когда-нибудь мы вспомним так много, что соорудим самый большой в истории экскаватор, выроем самую глубокую, какая когда-либо била, могилу и навеки похороним в ней войну.

Come on now, we're going to go build a mirror-factory first and put out nothing but mirrors for the next year and take a long look in them."	А теперь в путь. Прежде всего мы должны построить фабрику зеркал. И в ближайший год выдавать зеркала, зеркала, ничего, кроме зеркал, чтобы человечество могло хорошенько рассмотреть в них себя.
They finished eating and put out the fire.	Они кончили завтракать и погасили костер.
The day was brightening all about them as if a pink lamp had been given more wick.	Вокруг я.-х день разгорался все ярче, словно кто-то подкручивал фитиль в огромной лампе с розовым абажуром.
In the trees, the birds that had flown away now came back and settled down.	Летевшие было птицы вернулись и снова щебетали в ветвях деревьев.

Montag began walking and after a moment found that the others had fallen in behind him, going north.	Монтэг двинулся в путь. Он шел на север. Оглянув-шись, он увидел, что все идут за ним.

He was surprised, and moved aside to let Granger pass, but Granger looked at him and nodded him on.	Удивленный, он посторонился, чтобы пропустить Грэнджера вперед, но тот только посмотрел на него и молча кивнул.
Montag went ahead.	Монтэг пошел вперед.
He looked at the river and the sky and the rusting track going back down to where the farms lay, where the barns stood full of hay, where a lot of people had walked by in the night on their way from the city.	Он взглянул на реку, и на небо, и на ржавые рельсы в траве, убегающие туда, где были фермы и сеновалы, полные сена, и куда под покровом ночи приходили люди, покидавшие города.

Later, in a month or six months, and certainly not more than a year, he would walk along here again, alone, and keep right on going until he caught up with the people.	Когда-нибудь потом, через месяц или полгода, но не позже, чем через год, он опять пройдет, уже один, по этим местам и будет идти до тех пор, пока не нагонит тех, кто прошел здесь до него.
But now there was a long morning's walk until noon, and if the men were silent it was because there was everything to think about and much to remember.	А сейчас им предстоит долгий путь: они будут идти все утро. До самого полудня. И если пока что они шли молча, то только оттого, что каждому было о чем подумать и что вспомнить.

Perhaps later in the morning, when the sun was up and had warmed them, they would begin to talk, or just say the things they remembered, to be sure they were there, to be absolutely certain that things were safe in them.	Позже, когда солнце взойдет высоко и согреет их своим теплом, они станут беседовать или, может быть, каждый просто расскажет то, что запомнил, чтобы удостовериться, чтобы знать наверняка, что все это цело в его памяти.
Montag felt the slow stir of words, the slow simmer.	Монтэг чувствовал, что и в нем пробуждаются и тихо оживают слова.
And when it came to his turn, what could he say, what could he offer on a day like this, to make the trip a little easier?	Что скажет он, когда придет его черед? Что может он сказать такого в этот день, что хоть немного облегчит им путь?
To everything there is a season. Yes.	Всему свое время.

A time to break down, and a time to build up. Yes.	Время разрушать и время строить.
A time to keep silence and a time to speak.	Время молчать и время говорить.
Yes, all that.	Да, это так.
But what else. What else?	Но что еще?
Something, something . . .	Есть еще что-то, еще что-то, что надо сказать...
And on either side of the river was there a tree of life, which bare twelve manner of fruits, and yielded her fruit every month; And the leaves of the tree were for the healing of the nations.	"...И по ту и по другую сторону реки древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее каждый месяц плод свой и листья древа - для исцеления народов".

Yes, thought Montag, that's the one I'll save for noon.	Да, думал Монтэг, вот что я скажу им в полдень.
For noon...	В полдень...
When we reach the city. THE END	Когда мы подойдем к городу.